

Адик Белопухов "Я - спинальник". Автор - известнейший в прошлом альпинист, участник легендарного штурма пика Победы в 1958 году. После тяжелейшей травмы, будучи спинальником, он не пал духом, а продолжал жить - как жил: защитил диссертацию, руководил альпинистскими экспедициями. После травмы Адик пытался покорить Эльбрус – ползком. Свое умение - жить инвалидом, но не быть им - Адик постарался передать в этой книге.

Адик Белопухов

Я - СПИНАЛЬНИК

ВСТУПЛЕНИЕ

Глава 1. НАЧАЛА

Глава 2. ВЕРШИНА

Глава 3. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Глава 4. ПРОБЕГ

Глава 5. ВСЕ ЗАНОВО

Глава 6. ДАЛЬНИЕ ДОРОГИ

Глава 7. НУРЕК

Глава 8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глава 9. ПРИОБЩЕНИЕ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Я - спинальник. Инвалид, как принято говорить, у которого сломана спина, раздроблены позвонки, перерван спинной мозг. Хотя нитка спинного мозга может быть разорвана не полностью. Тогда возможно сохранение кожной чувствительности, возможности делать какие-то движения ногами. Но у меня - полный разрыв спинного мозга. Мое тело полностью парализовано вниз от середины груди. Неподвижно. Нет мышц на ягодицах и ногах. Усохли. На ногах и заду - только кожа да кости.

Каждому человеку собственные страдания кажутся более страшными, чем страдания других. Иногда рождается гордость даже за свои страдания. Ведь я спинальник - настоящий! Не путайте меня с теми, у кого разрыв мозга неполный, кто способен чувствовать или двигаться.

Но в больницах спинальниками называют всех, у кого травмирована спина. И тех, кто может сидеть, ползать, не подкладывая под зад подушку. Может ходить с костылями, надев на ноги внешние протезы. В спинальном санатории врачи называют эти протезы аппаратами. Почему - непонятно. Люди попроще, нянечки, медсестры, зовут их ласково - таторы.

Я всего этого лишен. Я не чувствую даже, как пища идет по пищеводу. С трудностями, возникающими из-за нарушений в тазовых органах, приходится сражаться каждый день.

Меня можно колоть, резать - мне не больно. Я могу обморозить ноги - и не заметить этого. Я узнаю, что моя нога попала в огонь, - увидев волдырь.

Собака с перебитой спиной, скуля, волочит безжизненные задние лапы и хвост. Собака ползет умирать.

Я умирать не хотел. Я и после травмы продолжал ощущать себя человеком. Конечно, я понимал, что жизнь моя будет не такой, как была, не такой, как у людей "ходячих".

Пусть по-другому, но живу, живу так, как суждено, как предопределено свыше.

В травматологической больнице я пробыл в общей сложности полтора года. В общей сложности потому, что два месяца из этих восемнадцати я провел в санатории. Через девять месяцев после травмы, после четырех сложнейших операций, врачи отправили меня в Крым, в город Саки, где находился один из трех спинальных санаториев. Самый лучший, остальные два - на берегу Балтийского моря и в центре Донбасса, - не шли ни в какое сравнение с райским уголком благословенного полуострова.

Я впервые увидел сотни спинальников, да не жалких инвалидов, а вполне довольных своей жизнью. Живущих, а не существующих.

В палате нас было четверо.

Сосед слева отбывал срок на лесоповале, сосной его придавило. Досрочно освободили, дали квартиру в Сыктывкаре, назначили пенсию.

- Ох, и повезло же мне, - любил повторять он. - Мне еще лет шесть оставалось трубить на зоне. И он всерьез был доволен. Лежащего у двери молодого шахтера придавило в забое огромной глыбой. И он тоже умудрялся находить плюсы в случившемся:

- Теперь не надо в забой идти. До пенсии мне еще двадцать лет, а теперь шахта мне будет столько же платить, сколько ребята на угле получают. Да еще каждые семь лет автомобиль дают бесплатно!

Бывший шахтер не был женат до травмы. Молоденькие нянечки целовались с ним, предлагая себя в жены.

Мы трое только начинали свою спинальную жизнь. Четвертый в палате, Иван - имел огромный опыт, накопленный за пятнадцать лет. Всю войну прошел - ни единой царапины. Работал сцепщиком, как-то раз сдавило его между вагонами.

Я ни разу не видел его грустным. Он все время подбадривал нас, своим примером показывал нам, что нельзя падать духом, необходимо бороться, жить. Ведь не последними мы были на Земле.

Была у Ивана любимая байка:

- Выползаю я из квартиры на лестницу, я на втором этаже живу. На заднице, конечно, перемещаюсь в подъезд. Вытаскиваю коляску-"рычажку" из-под лестницы. На руках себя вытаскиваю на сиденье, выкатываюсь во двор. А там сосед мой гуляет, Грицько, он от рождения слепой. Слышит, что я выехал, подходит и начинает жалеть: "Ну який же ты, Иване, бидный, ниженьки у тебе не ходють". А я думаю про себя: "Чего он меня жалеет - сам света белого, радости, не видит, а меня считает беднее себя!"

Иван, я считаю, спас мне жизнь. Всех спинальников, начиная с некоторого момента, буквально заставляют ходить на аппаратах. Иван при одной из попыток разбил таз, упав назад, на асфальт. Разбитый зад загнил. Мы и не догадывались, что наш старший, опытный друг обречен.

Мода на аппараты существует во всем мире. Рик Хансен в своей книге пишет о том, что в Канаде тоже призывали всех ходить "вертикально".

Одно дело травма поясничная. Или полиомиелит. У таких - только ноги не работают. Они скачут в аппаратах по коридорам, по лестницам, - если надеть широкие штаны, то и не заметно, что на ногах протезы.

Мне изготовили аппараты быстро, красивые, хромированные, в новеньких скрипучих кожах. Они имели корсет и три разгибателя-закрепителя: в ступнях, коленях и на уровне таза. Я надевал их час. И час снимал. Не смог в них даже стоять. Выбросил. "Вертикализацию" проходил на балконе, повисая на двух руках, упирая безвольные колени в поролоновый коврик.

Еще до встречи с Иваном, до санатория, я уже понимал, что доля моя - далеко не самая страшная. Что мой случай - это еще ничего. Ведь есть еще один класс людей с поврежденным позвоночником. Шейники. У них травма не в грудном отделе позвоночника, а в шейном. Поэтому не работают еще и руки. "Стакан с водкой не удержит", - шутка, но с каким жестоким подтекстом.

Рядом с шейником спинальник - здоровый человек! Может ухаживать, кормить с ложки, сажать в кресло, в коляску, сцепив две вместе, вывозить на прогулку. Стакан с водкой донести до рта.

Мне повезло. Шейника я увидел почти сразу после травмы.

На третий месяц моего лежания у меня появился сосед. Теперь мы были вдвоем в огромной палате.

Это был мальчик лет шестнадцати. Жить ему оставалось - год максимум, у него не работали и руки. Я видел, как все это тяжело и страшно. Приходила каждый день какая-то женщина, судя по их отношениям, вряд ли мать, скорее тетка, кормила с ложечки, меняла простыни, переворачивала. Он мог только ругаться. Ругаться на бедную свою тетю, которая и так переживала все его мучения - как собственные.

Так во мне рождалось, прорастало чувство, неведомое здоровому человеку. Здоровому, в котором вид инвалида, едущего на коляске по улице, вызывает ужас, жалость, злобу.

Он и представить себе не может, что вот этот немощный, этот калека, бывает гораздо счастливее его самого. Живет гораздо более полноценной жизнью.

Жизнь продолжается. Просто надо верить, что все к лучшему. Проще, конечно, быть здоровым двуногим зверем. Но вот случилась травма, - и вдруг душа словно проросла, человек стал - человеком!

Травму я получил 5 октября 1966 года.

Судьба ли это была, предопределение, мистика, - но весь сентябрь и первые четыре дня октября лил дождь. Осени как в тот год - не припомнишь и не придумаешь. В сентябре, еще здоровяком, я ездил с приятелем за клюквой. На велосипедах, за сто километров от Москвы. Выезжали - под дождем, собирали - под дождем, возвращались - ничуть не лучше.

Тренировки весь сентябрь проходили - под дождем. Тренировались мы тогда почти ежедневно. Наша лыжная сборная МВТУ в составе шести человек в марте совершила рекордный по времени пробег. Из Ленинграда мы бежали в Москву. Следующим намечался Москва-Осло. Готовились мы добросовестно, даже дождь не мог помешать. Пять раз в неделю, ведь мы были любители, а не профессионалы. У каждого в нагрузку была и основная работа.

Я был к тому времени доцентом Бауманского института. И, кроме того, - капитаном нашей команды. Собирались на тренировки обычно после работы. И - работали, работали ногами.

Тот день, 5 октября, вторник, был выходным. Одним из двух свободных от тренировок в неделю. Я должен был ехать в институт к половине третьего, на лекцию. Проснулся в шесть утра и не поверил своим глазам. На улице стояла чудесная погода. Словно заманивала. Двадцать градусов тепла, на небе ни облачка, ласковое осеннее солнышко. Удержаться было невозможно.

Я напялил спортивный костюм, взял лыжероллеры подмышку. До лекции вполне можно было успеть потренироваться, побегать по последнему теплу.

Жил я тогда на окраине Москвы. На автобусе подъехал к тому месту, где начинались горки и овражки, и покатился. Подъем - спуск, подъем - спуск. Встретил Павла Колчина, он тоже тренировался. Приятно было перекинуться парой фраз с олимпийским чемпионом:

- Как дела?

- Да вот, в Осло готовлюсь.

- Давай, успеха тебе. И разбежались в разные стороны. Встретились мы на горе. Я решил, вполне твердо решил, что вот сейчас спущусь вниз, к плотине, и все, поворачиваю к дому.

Но когда я скатился вниз - так захотелось пройти еще подъем, время еще вроде бы было, погода такая прекрасная.

Раздумья были недолгими. Я начал подниматься к деревне Машкино.

На этом подъеме меня и сбил самосвал. Скорость на этом участке для машины ограничена - до 30 км/ч. Но самосвал был армейский, тяжело груженный, управляемый неопытным водителем - солдатом. И шел под семьдесят. Я шел по самому краю шоссе. Водитель на суде потом говорил, что ему показалось, что я иду ровно посередине. И он решил объехать меня с левой стороны. По тому краю, где я и находился.

Он, видимо, ничего не соображал в тот момент. Ему бы ехать, даже и на такой скорости. Но он зачем-то решил рвануть руль влево. И увидел перед собой обрыв дороги. Опытные шофера в таких случаях предпочитают вылететь в кювет, разбить машину, рисковать собственной жизнью, но не сбивать человека.

Солдат был молодой, самосвал бросил обратно, на дорогу.

Все это были доли секунды. Я ничего изменить не мог. Самосвал оказался передо мной. Понятно, что из всего дальнейшего я ничего не помню. Голова была разбита, продырявлена. Одна нога практически оторвана. Но потом я для себя восстановил всю картину. Кинуло меня прямо под самосвал, на четвереньки, прошел он прямо надо мной. И бампером, как четко отпечаталось на моей майке, задним бампером проехался по спинным позвонкам.

Когда я через пять дней очнулся, а первые пять суток я был в беспамятстве, у моей постели сидел Тима Савостин, с которым мы вместе бежали Ленинград-Москва. Первыми словами его было: "Жадность фрайера сгубила!" Ведь верно, не надо было идти на эту незапланированную тренировку. Но я не жалел о случившемся впоследствии.

Я лежал на шоссе. Шофер, солдат молодой, не уехал. Он стоял рядом в растерянности, дрожал от страха. Из моей пробитой головы текла кровь. Но все же я был очень здоровый - вся не вытекла, свернулась как-то. Весь череп был в дырах, но кровь остановилась. Мимо пробежал с командой тренер сборной Талят-Келпш. Он был знаком со мной. Вызвал "скорую". Но откуда? Понятно, что из ближайшей больницы, из поселка Черное. Меня загрузили и повезли. Солдатом занялась милиция, выясняли, чья вина. Талят-Келпш убежал дальше, тренировать команду. А меня поместили в загородную больницу.

Врачи стоят вокруг - и что теперь с ним делать? Вроде труп трупом, никаких документов с собой, в спортивной майке и штанах до колен, на ногах ролики какие-то. Ну ролики, конечно, сняли, а дальше что?

Я действительно пришел в себя только на пятые сутки. Но случилось маленькое чудо. Видимо, сознание чуть-чуть сработало. Врачи рядом обсуждали, что со мной делать, и вдруг я пробормотал:

"Отвезите меня в ЦИТО, и позвоните по телефону." Я назвал номер своего друга Валентина Божукова. Номер, который я до этого в здоровом состоянии никогда не мог запомнить, смотрел по записной книжке. Почему я назвал именно ЦИТО? За шесть лет до травмы, в шестидесятом году, я сломал ногу на тренировке в Царицыно. Там все альпинисты отрабатывали скалолазную технику на стенах разрушенных дворцов. Спрыгнул метров с шести, нога попала на кирпич. Разрыв связок, сустав весь синий. Отвезли в институт Склифосовского, лежал я там полтора месяца. Перелом ноги - мелочь, на костылях тренироваться вполне возможно. Ребята специально приезжали, мы бегали по парку, я иногда даже вырывался вперед. Да к тому же отпуск по болезни - четыре месяца не работал!

Жил я тогда на окраине. Правда, сейчас санаторий "Узкое" более напоминает центр города. А в середине шестидесятых - небольшие домики, окруженные лесом, пруды, заросшие кувшинками. Я брал автомобильную камеру, катался по пруду, задрал ногу в гипсе вверх. Тренировал верхнюю часть тела, пока нижняя зарастала. Подтягивался, отжимался.

Каждую осень альпинисты Москвы проводили неофициальное первенство по общей физической подготовке. Из-за перелома я занял в тот год только двадцатое место в пятикилометровом кроссе. Но подтянулся и отжался лучше всех, а на здоровой ноге присел аж сто двадцать раз. Так что в общем зачете был первым. Тогда для меня было очень важно - быть первым.

Четыре месяца в "Узком" изменили и всю мою жизнь в науке. Формально в спорте я был любителем. Но фактически считал занятия спортом главным делом жизни. Хотя чуть-чуть не успел защитить докторскую диссертацию до травмы.

Всегда на первом месте был спорт. Я учился в МВТУ, потом в аспирантуре, защитил кандидатскую, и все всегда - на бегу, в перерывах между тренировками. Времени вечно не хватало. С двенадцати лет, с тех пор как в техникум поступил и начал заниматься лыжными гонками. У меня обнаружилась какая-то генетическая предрасположенность к длинным дистанциям, выносливость в многодневных нагрузках. Она во мне зудела, играла, рвалась наружу, требовала проявления.

Во время учебы в институте к лыжам прибавился альпинизм. Времени на научную работу оставалось все меньше. Хотя и успел сделать научное открытие, написать диссертацию, защититься, - все это было чистой случайностью.

И в аспирантуру я попал совершенно случайно. И не за тем, чтобы сделаться ученым. Закончил в 57-ом году, эксперимент поставил - получилось, посидел в библиотеке, подогнал теорию - вот и статья, и диссертация. Написал и - забыл про все это. 58-ой год -

наша экспедиция штурмовала Победу. Стали чемпионами страны. В 59-ом году - собирались на Эверест, впервые. Я был включен в первую гималайскую сборную. Научная работа вообще встала. Нас, как членов сборной, зачислили на стипендию от государства. Все, что мы должны были делать - это готовить штурм высочайшей вершины.

Но китайцы захватили Тибет, Хрущев поругался с Мао, - экспедиция не состоялась. Все наши продукты, уже отправленные в Китай, естественно, достались нашим бывшим братьям. Они без нас предприняли попытку восхождения, как до сих пор утверждают, - успешную, но никто в мире им не поверил. Мы - в первую очередь. Мы видели их на совместных тренировках, видели, насколько слабая была у них команда, видели, как при небольших еще нагрузках китайцы глотали наркотики.

Начиная с 60-го года, я постепенно отходил от альпинизма. Хотя продолжал участвовать в экспедициях и восхождениях, даже стал на следующий год чемпионом страны. Мы взойшли по новому пути на пик Сталина. Ездил в горы и в 62-ом, и в 64-ом, и в 65-ом годах. Но душа была - в лыжных гонках.

И вот в 60-ом году у меня наконец-то выдались четыре месяца, почти свободных от тренировок. Впервые в жизни! И тут я вспомнил, что еще три года назад, когда я только только написал статью, ко мне подходили наши мужики из института и предлагали участвовать в написании книги как раз по моей специальности, по литью под давлением.

За три года до этого я обещал - да забыл, забыл - за всеми делами. Да и некогда было. А тут - целых четыре месяца!

Я связался с ребятами. Оказалось, еще не поздно было, книги тогда издавались очень долго. Из одной моей статьи получилась целая глава.

Книга вышла, на конкурсе заняла первое место. Таким образом я неожиданно для самого себя стал теоретиком литья под давлением. Так я вошел в науку. И, как оказалось, очень кстати. До защиты кандидатской я был ассистентом. После защиты стал доцентом. У доцента педагогическая нагрузка меньше, - значит, больше свободного времени для занятий лыжами.

Ага, думал я, а если докторскую защитить - так еще больше времени освободится. Сам себе буду хозяин. Кафедру создам, буду кафедрой заведовать. Как наш заведующий, в понедельник провожу собрание кафедры, всех ругаю, а там вся оставшаяся неделя - свободная, бегай - не хочу!

Такие мысли и мечты определяли мою жизнь в науке. Я готовил защиту докторской диссертации.

Если бы мне в детстве кто-нибудь сказал, что я буду ученым, буду заниматься наукой, я бы по меньшей мере очень удивился. До своего поступления в институт я и не представлял себе, что существует какое-то литье под давлением, я и представлять себе не хотел ничего подобного.

Но за меня в моей жизни все было решено.

Глава 1. НАЧАЛА

В детстве я мечтал быть художником. И не просто мечтал, но жизни своей не представлял без кистей и красок.

Жил я тогда в Гусе-Хрустальном, небольшом городке километрах в двухстах пятидесяти от Москвы.

В середине города располагался огромный пруд, плотина, полукругом окаймленная еще прошлого века застройки домами, по другую сторону пруд окружен был кустами, за которыми начинался настоящий сосновый лес. Понятное дело, раз Гусь-Хрустальный, значит, стоит на песке. Там, где обычно и растут настоящие корабельные великаны. Именно из песка добывают все необходимое для производства стекла.

Заложил город известный в прошлом фабрикант Мальцев. Именно он обнаружил все эти пески, построил стекольный завод и, сразу же, - вокруг пруда уютный поселок для рабочих. Для мастеров-стеклодувов.

По деревням ходили приказчики Мальцева, искали художников. Не спрашивали, кто чего умеет. Искали тех, кто творит - художничает или лепит. Таких-то Мальцев и собирал, В этих-то людях и нуждался. Заманивал как мог.

А они - не соглашались. Не пойдем, мол, в город жить. В деревне - у кого корова, у кого две. Где их в городе держать?

Но Мальцев это учел. Он строил домики совсем деревенские, одноэтажные, под красной черепицей. Домики эти до сих пор стоят. Только тогда в каждом по одной семье жило, а сейчас - по четыре.

У каждого домика - участок соток в двадцать, подсобные помещения. Все было построено одновременно, все было предусмотрено.

Вот так и переехали, - заманил-таки Мальцев, - перенесся в городок весь патриархальный деревенский уклад, быт, хозяйство. Влились в производство, научились выдувать красоту из стекла. Так образовались семьи потомственных художников-стеклодувов в Гусе-Хрустальном. Знаменитых на весь мир.

Ныне в Гусе уже три завода: тот самый, первый, мальцевский завод хрусталя, другой - огромный завод оконного стекла и, - совершенно новый, после войны построенный, - завод стекловолокна.

Рядом с первым есть музей, прямо в центре, над самым прудом. В музее сохранились образцы, точнее, - шедевры того времени. Изумительнейшие вазы. Долго, наверное, люди будут удивляться, - как же этого изящного петушка, с бронзово-синим отливом крыльев, а хвост огненно-рыжий, мастер умудрился поместить внутрь вазы, словно живого духа!

Вообще-то все знают, что такое хрусталь. В наше время хрусталь изготавливают просто на машинах, под давлением. А раньше - хрусталь резали (настоящий хрусталь и сейчас режут) специальными алмазными дисками.

Заготавливалась голая посуда, из очень хорошего, "свинцового" стекла, абсолютно прозрачного. И на эту заготовку мастер наносил узоры. Каждый - свои, какие придумает, сотворит воображаемо.

Эти вазы были великими творениями русских умельцев.

Стекольная пыль оседала в легких. Силикоз и туберкулез навсегда становились спутниками великих мастеров. Не зря в Гусе из всех врачей подавляющее большинство были специалистами по легочным заболеваниям.

У меня остались детские воспоминания о такой женщине-враче, бывшей другом нашей семьи. Она была, без сомнения, одним из последних интеллигентов уходящей России. Из тех, кто всю жизнь свою посвящал служению ближнему. Нет, они не шли в народ как горлопаны революционеры, они просто изо дня в день служили этому народу. Особенно часто в провинции таких можно было встретить среди врачей и учителей.

Жили неплохо (конечно, по балам не разъезжали, на воды в Баден-Баден не заглядывали). Крестьянские бабы в знак благодарности несли нехитрую деревенскую снедь. Коли приношение от души - отчего ж не взять? Коли видишь, что несут не последнее, даже и не предпоследнее?

Я видел все это собственными глазами. Я, конечно, был слишком мал чтобы рассуждать, но такие отношения мне казались правильными.

Я видел живущих не для себя. Людей, живущих для людей.

Видимо, интеллигент - чисто российское понятие. Это то, чего мы не можем найти на Западе, это то, чего Запад не может понять в нас. Самый близкий к интеллигенту - альтруист.

Мастера были и другие, - наносили медным колесом узоры на стекло. Представьте себе разрисованное инеем и льдом окно в морозный день, - такого же рисунка добивались, наводя матовые узоры. А кроме того, бесконечные варианты окраски! Золотом

окрашивалось в красный рубин, свинцом - в глубокий белый цвет. Можно было делать зеленое стекло, желтое, какое угодно.

Становился на ноги заводик, завоевывал всемирную славу. Вместе с ним рос и жил городок Гусь-Хрустальный. Среди жителей, которые очень любили и гордились своим городом, ходили целые легенды, связанные с ним. Одну из них, из нашей новейшей истории, хотелось бы привести целиком. Уж хотите - верьте, хотите - нет. Я не проверял.

Итак, все знают, что Москва была основана приблизительно в 1147 году. И вот в 1947 году Сталин решил устроить пышный юбилей - 800 лет столице. Основателем Москвы считался князь Юрий Долгорукий, хотя потом выяснилось, что он раз всего и был на берегах Москвы-реки. Но решили поставить ему в центре города памятник. Как водится, объявили конкурс на лучший проект.

А незадолго до этого приезжал Эйзенхауэр. И Молотов водил его на выставку художественных изделий. И как раз на этой выставке демонстрировалась хрустальная ваза, изготовленная нашим гусевским мастером Ивановым. И надо же тому случиться, что понравилась очень эта ваза Эйзенхауэру. Молотов взял и подарил ему эту вазу. Понравилась, мол, бери, у нас много таких.

Иванов был, конечно, человеком простым, но все же рабочая гордость не дала ему смириться с тем, что его творение попросту украли. И он написал письмо Сталину, мол, так и так, я вазу делал для того, чтобы наш народ ею любовался, а не какой-то Эйзенхауэр. Я, мол, рассчитывал, что будет моя ваза в музее стоять, в Гусе, в Москве - не важно, главное - народу служить, веселить. Сталин разгневался. Он иногда любил разыграть заботу о простом человеке. Вызвал Молотова и начал кричать: "А вот мы сейчас Лаврентия вызовем, посмотрим, что вы ему скажете." Был вызван стеклодув Иванов, Сталин заставил Молотова извиниться, извинился сам. Но вазу уже не вернешь. Стали думать, как умалить вину Молотова, вдруг Сталин и говорит: "А у нас сейчас идет конкурс на проект памятника Юрию Долгорукому. Ты художник, значит сможешь свой проект изобрести. А мы тебе первое место дадим."

Поехал Иванов домой в Гусь-Хрустальный. Думал, смотрел разные картинки с памятниками. Богата всегда была художниками наша земля, придумал он своего Долгорукова.

Мне, признаться, нравится этот князь, твердо сидящий в седле, протягивающий руку вдаль. Он олицетворяет собою символ империи, но и символ государственности.

Вот только историю не проштудировал гусевский мастер. Не знал он, что удельные князья ездили только на жеребцах. Секс открытый был тогда у нас в большом запрете, до перестройки было ух как далеко, поэтому в интимном месте Иванов все сгладил, и бедный Долгорукий оказался сидящим скорее на кобыле.

Памятник был сооружен очень быстро. Оставался всего один день до открытия. Под брезентом крепили памятную доску. И вдруг один человек, историк, чуть не упал в обморок! Он заметил вопиющее несоответствие, историческое несоответствие!

Всю ночь работали сварщики, приваривали в срочном порядке художественно выполненный, ну в общем понятно что. Пойдите, поглядите, эти швы видны до сих пор, варили грубо, в спешке.

Вот так вот. Наши историки всегда разбирались в том, что было под хвостом коня Юрия Долгорукова, зато многие другие события проходили мимо них незамеченными.

Вся эта история - просто к слову. К слову о прекрасном Гусе-Хрустальном.

Но мне не довелось много и как равному общаться с этими великими мастерами. Я общался с детьми, с несколькими дружил. Дружил с Геней Зубановым, сыном такого вот художника, выходца из крестьян. Несмотря на то, что сам я был из очень хорошей семьи, в нем я видел человека гораздо более разностороннего, углубленного. Хотелось черпать из дружбы что-то интересное, загадочное для себя.

В школу был я отдан шести лет отроду. Мама, конечно, потом утверждала, что учиться я сам хотел, кричал, что больше в садик не пойду. Родители мои были людьми очень

образованными. А готовил меня к школе старший брат. Всего нас было трое, один на два года старше меня, другой на год. Тот, что на год, всегда был и остается очень умным. И он готовил меня к школе так, что пришлось мне идти сразу во второй класс, учителя так сказали.

Обычно наши хлопцы в школу поступали в восемь, в девять лет. Так что, когда я пришел во второй класс, вокруг меня были соученики кто на два, а кто на три года старше, чем я. Да еще они здоровенные, не то что я, хлюпик. Такая ситуация в самом начале моей жизни, возможно, сыграла положительную роль. Я был поставлен в неравные условия. Ну, задачки я решал не хуже своих одноклассников, но драться-то все равно приходилось, а десятилетний всегда побьет семилетнего. Приходилось за себя стоять, бороться за существование. Выбатывать характер. Не будь этого, верно, многого бы не было.

Я помню, один раз не мог руками, так снял ремень и в лоб закатал сыну директора школы.

Школы тогда были разные - четырехлетка, семилетка. Хочешь - иди работать, хочешь - все десять заканчивай. Но на десять классов хватало немногих, десять - единицы кончали, гимназия была одна на весь город. Зато при заводе имелся стекольный техникум.

Когда шел первый год войны, я заканчивал семилетку. Потому, видно, и остался у меня пробел на всю жизнь - с русским языком. Именно в седьмом классе изучают правила пунктуации, - где точку поставить, где запятую.

Вообще четырехлетку я протянул по четырем разным школам.

Своей квартиры у нас не было, приходилось снимать разные углы. Мы были ссыльные. Отец незадолго до этого отсидел в тюрьме, потом отработал по Владимирским лесам, по ссыльным поселениям. А после ссылки разрешено было ему поселиться с семьей в Гусе-Хрустальном.

Мама фортепианными уроками зарабатывала достаточно, чтобы снимать квартиру и кормить троих детей. И хотя отца скоро приняли на работу, позже он даже дослужился до заместителя директора государственного банка, собственную квартиру так и не удалось завести.

Хозяева с радостью пускали нас жить, сначала отношения были хорошими, все-таки деньги тогда нужны были всем. Но скоро резко менялись. Семья большая, дети орут с утра до вечера, толчея - не повернешься, и нам отказывали. Поэтому за четыре года мы пережили во всех уголках города и окружавших его поселков.

В центре города располагались единственные двухэтажные здания: почта, гимназия, торговые ряды и здание техникума. Правда, техникум был построен уже в тридцатых годах. Неподалеку стояли двухэтажные бараки, тоже сталинской застройки. Бараки внутри разбивались на коммуналки, - с кухнями на пятнадцать семей, с темными низкими коридорами. Крыши этих барачков выходили вровень с первым этажом гимназии.

Бараки часто горели, мы, ребяташки, бегали смотреть. Как раз тогда наша семья после долгих скитаний обрела пристанище в центре города. Осели надолго. В седьмой класс я пошел в гимназию. Проучился всего месяц, - гимназию отдали под госпиталь. Перевели нас в другое место, - то же самое. Все школы в городе, кроме четырехлеток, заполнялись ранеными. Начиная с лета уже с фронта шли эшелоны, переполненные ими. Какая учеба, когда совсем рядом шли бои!

Так прошел весь год, так я за седьмой класс ничего и не выучил. Всю жизнь свою, до седых волос, пытаюсь восстановить пробел в русском языке, вечно обложен лингвистическими словарями, справочниками, Да куда там, горбатого только могила исправит.

А братья мои в год начала войны, как раз летом, оба закончили семилетку. Средний догнал, перепрыгнул экстерном, старшего. Надо было решать, что им делать дальше. Идти учиться можно было или в техникум, или в восьмой класс.

Началась война - начались карточки. В техникуме карточки полагались рабочие, по шестьсот грамм хлеба. А иждивенческая карточка ученика десятилетки тянула всего на двести.

Таким образом оба моих брата учились в техникуме. Через год после начала войны поступил в техникум и я. Не до раздумий о призвании и склонностях было, не умереть бы с голоду. Единственно, - братья мои учатся на химико-технологическом отделении, я же поступаю на механический факультет, изучать всякие машины, железки. Братья знали как стекло варить, а я - что потом из него делать.

Поступил я двенадцати лет, хотя полагалось - пятнадцати. Но разница в возрасте постепенно сглаживалась. Я подрастал, да и народ в техникуме был уже не особо и здоровенный. Влюбился на третьем курсе, дико влюбился. Она была из параллельной группы, на два года старше меня. Помню, я катал ее на лодке по нашему пруду, что-то говорил. Все это на следующий день в классе высмеял одноклассник, самый сильный гимнаст в техникуме. Прошелся по моему и Славочки Курбатовой поводу. Обычные мальчишеские задироны. Какой-то благородный порыв разыграл во мне, я полез драться и почему-то его побил. Видимо, очень задело.

В то время я был маленький, да к тому же еще и толстенький, неспортивный ребенок. Пухленькая мордочка, сам весь пухленький. Прозвище было ужасно обидное - "бабья жопа". Все ребята были поджарые, мускулистые. Я все завидовал и думал, - ну как бы мне таким стать. Поставил во дворе турник (а жили мы тогда уже в здании госбанка), штангу из кирпичей соорудил. И начал тренировки.

Видимо, тогда родился во мне спортсмен.

А потом начались всякие спортивные мероприятия, кроссы, лыжные гонки, в противогазе, без, - чего мы только не вытворяли! Бегали по всему городу с винтовками-трехлинейками, а такая винтовка - выше меня! Тут-то выявилась моя генетическая выносливость. Я, младше других, - выигрывал в беге, в лыжах. Тут уж прямо возликовал. Не конченный, значит, человек. А на вещи интеллектуальные я как-то в детстве внимания не обращал, обстановка в техникуме этому способствовала, в вопросах духовных каждый разбирался сам, сам того и не замечая. А когда вместе - так не те заботы и вопросы. Занятия часто срывались. Мы рассаживались за парты, начиналась лекция о газогенераторах. О том, как из торфа делают газ. Стекло, как известно, плавится при более высокой температуре, чем сталь. Поэтому необходим газ, сжигая который, получают температуру 1500 градусов. И вот только лекция начнется, - неожиданно гаснет свет. Всем в бомбоубежище! Занятиям конец!

Гусь-Хрустальный война обошла стороной. Первую бомбу я увидел в Муроме, куда мы с ребятами поехали за хлебом.

Есть что-то надо было, поэтому мы собирали вещички всякие, отрезки ткани и ехали менять по разным мелким городкам, поселочкам, иногда далеко забирались, километров за пятьсот, под Казань. В Гусе была еще, работала всю войну, текстильная фабрика. Мы нелегально, не воровали, но как-то доставали бязь, - грубую ткань, из которой кальсоны и нижние рубашки делали солдатам. Собирались небольшими группками, - так легче было пробираться. Собирались ребята из техникума, брали и меня, хоть я и был моложе.

Помню, ездили в марте, в конце третьего курса. Сначала километров двадцать шли пешком, до станции Нечаевка. Там проходила железная дорога на Казань. В этом месте был подъем в горку, поезда тащились медленно. Мы дожидались товарняка с фронта, запрыгивали на ходу. Товарные платформы были забиты танками, броней, часто трофейной. Гнали за Урал, на переплавку.

Милиция ловила, снимала с таких поездов бабок, едущих торговать. Но всех переловить было невозможно. Спасались кто во что, кто куда. Мы тогда спрятались в танке, держали втроем люк, как будто он задрен.

Поезда трогались без гудка, неожиданно. Бабки прыгали на ходу, срывались, не сумев удержаться на тормозных площадках. Скольких я тогда видел погибших, разрезанных

колесами на части! Видел и другое, как толпа била пойманного вора. Била без ярости, без криков, но невероятно жестоко. Били солдаты, ехавшие на фронт из госпиталей, возвращавшиеся в смерть. Били "в темную", чтобы потом никого нельзя было опознать, осудить. Если избиваемый выживал - никогда уже, наверное, не пробовал стащить чужое.

Мы учились жизни этой дорогой. Учились жить, учились выживать среди людей.

Еще один из способов как-то выжить - выезжали осенью по деревням копать картошку. В 42 году соотношение было "один к пяти", то есть, по договору из выкопанных пяти мешков четыре отдаешь хозяевам, один - берешь себе за работу. Это еще было по-божески, в 43-ем один мешок полагался из десяти выкопанных. Хранили "свою" картошку у них же, у хозяев, в подполах деревенских. И всю зиму возили домой понемногу. Возили на саночках, за тридцать километров. А морозы случались и за тридцать, и за сорок. А варежки вечно худые достаются, а руки мерзнут. Но самое страшное - волки. Гусь - городок маленький, двадцать тысяч всего. Вокруг - леса, леса, вокруг хозяйничают серые разбойники.

Мороз продирает, немеют руки, сгущаются сумерки, ночь подкрадывается. Тащим саночки вдвоем с братом. А за нами - волки, а нам и не понять, так, огоньки какие-то мерцают, да слышно иногда за спиной чье-то дыхание. Видно, не прельстились серые двумя худосочными мальчонками, а картошка им и сроду не нужна.

Картошку выменивали на хлеб, еще на что-нибудь.

Ездили на заработки. Первый раз я ездил с нашей соседкой. Из нас троих я был, хотя и младшим братом, самым деловым и боевитым. И почему-то соседка согласилась взять меня с собой. Мать долго думала, не решалась отпустить меня в чужие края. Отец к тому времени умер, в феврале 42-го года. Он просился на фронт, его из-за возраста не взяли, ему было уже больше пятидесяти. У отца быстро развился рак, саркома. Угас он очень быстро, как обыкновенно при раке бывает. Отца нет. Есть нечего. Мама разрешила ехать.

Соседка была настоящей русской деревенской умелицей. Умела и косить, и жать, и корову доить. Не боялась никакой работы.

Опять товарняки, опять, прячась от милиции, пробирались в Чувашию. Названия местности я, к сожалению, не запомнил. Деревня была от станции всего в трех километрах. По утрам, выходя по нужде, я слышал, как идут поезда. Казалось, все шли в одну только сторону, в сторону родного дома. Вставали мы в четыре утра, бывало тихо и прозрачно в эти рассветные часы. Помню, вот так я плакал в своей жизни последний раз. Слушал, как несется поезд, представлял, как буду возвращаться, и так стало грустно, что расплакался, благо - никто не видел.

С работой повезло. Соседка моя двузильная выработывала два с половиною трудодня в день. Работала по двадцать часов в сутки. После голодного города, где все мысли были - о еде, где все воспоминания исчерпываются тем, что голод и голод, после голодного города я постепенно оживал. Разница, казалось бы, невелика, каких-то пятьсот километров от Гуся, но здесь, в Чувашии, - был чернозем.

Поутру на завтрак мы ели картошку с молоком, со сметаной и шли на работу. Там не различали - местный ты или не местный. Подросток, - а мне тогда двенадцать лет было, - значит с тебя 0,75 трудодня, да и не на тяжелой работе. Я работал с лошадьми. После плотного завтрака сил - вагон. Из конюшен выводили теплых, мохнатых лошадок и мчали к месту работы. Запрягали в молотилки. Или водили давить горох и чечевицу. Лошади ходили по кругу и прямо копытами давили. А мы - знай, следи. Работа легкая, задорная. День пролетал - не заметишь! В пять уходили из дома, возвращались в шесть-семь вечера. Перекус брали с собой, кусок хлеба. Вечером - опять сытно нас кормили. Наверное, деревенским ребятишкам и не хватало, но мне после голодного Гуся еды казалось - до отвала

Оплату я всю взял зерном. Вышло двадцать четыре килограмма. Соседка заработала раз в пять больше, - взяла чем-то дорогим, медом, что ли.

Отправились в обратный путь. Гоняла милиция, но на этот раз надо было не только самому уберечься, но и уберечь заработанное.

За Нечаевкой, еще ближе к городу, железная дорога поднималась уже в другом направлении. Сначала мешки, торбы, короба, ящики летели на песчаную насыпь, а за добром своим и мы сигали. И остается малость малая, пройти, протащить груз свой двенадцать километров до дома. Но легко сказать - протащить, а если лет тебе в два раза меньше, чем груза за плечами, а идти - столько же.

Несу. Но, чувствую, - до дома не донести. Просто сел в какой-то момент прямо на свой мешок, - не могу больше и шагу сделать. А мешок как бросить, нельзя, пока за братьями схожу - его и в помине не будет. Но на счастье тут со стороны Нечаевки догоняет нас целый отряд теток. Все с тачками, на одном колесе и без бортов. Такие тачки у нас колышками назывались. Штук десять теток с порожними колышками нас нагоняют. Они, слава Богу, помогли мне, подвезли мой мешок до города.

Сдал я матери свое зерно, в два приема отнесла она наше богатство на хлебзавод, где все было перемолото. Теперь у семьи был запас муки, настоящей муки. И пекли мы из нее лепешки.

Когда я приехал в эту чувашскую деревню, - совершенно чужой человек, - местные ребята, мои сверстники, приняли меня как брата, как равного, как будто я в соседнем доме живу. Они не замечали, или делали вид что не замечают, того, что я чужак, что говорю по-другому, что блондин, когда все они были черненькие.

А когда мы с братом копали картошку в Федоровке, в тридцати верстах всего от города, местные мальчишки относились к нам совсем иначе, они издевались, пытались выкурить нас со своей территории, Часто встречаешься в жизни с вопросом, - какой народ культурней? Ответа дать не могу, но, по моему глубокому убеждению, культурней оказались чувашские дети. Они привечали чужестранца. Тот наделен культурой, кто не давит, не требует с ближнего, но - помогает и ближнему, и дальнему, всем, кто в помощи нуждается.

Я рисовал до пятнадцати лет. А в пятнадцать бросил, окончательно и бесповоротно.

У матери была старая папка. В ней хранились ее стихи, стихи изумительнейшие. Несмотря на то, что мама не знала никаких правил стихосложения, стихи ее до сих пор недоступны мне со всеми моими познаниями в теории. А среди стихов хранился небольшой холст с подвернутыми краями. Мадонна с младенцем. Каких, в общем-то, множество. Увидев раз случайно, я спросил у мамы, откуда у нее этот холст.

- Это я нарисовала.

- А ты умеешь рисовать?- удивился я.

- Да нет, всего один раз-то и рисовала.

В двадцать три года моя мать осталась совсем одна в Крыму. Со смертью своей матери она потеряла последнего родного человека. Очень переживала. Потом у нее произошел всплеск творческой активности. Она поступила в крымский университет, одновременно пошла учиться рисовать к известному художнику-баталисту Савицкому. Тогда в Крыму жили многие артисты, писатели, поэты. Савицкий научил ее грунтовать холсты, разводить краски. И дал первое задание - срисовать с открытки Мадонну с младенцем.

К пятнадцати годам, развернув эту Мадонну, единственную картину матери, сравнив с десятками своих, намалеванных к тому времени в изрядных количествах, я осознал, что художником мне не быть. Никогда, сколько бы я ни старался, мне не удалось бы передать то, что давал миру небольшой холст с Мадонной.

Я сказал себе, что больше никогда рисовать не буду. Но оставалась еще одна возможность. Кроме того, что хотелось быть художником, я еще раздумывал об архитектуре. Мне нравилось рисовать дома, дома, виданные мною и воображаемые, такие, которыми хотел бы я застроить, украсить города.

Что ж, подумал я, не художником, так хоть архитектором буду. После окончания техникума мне выдали направление на работу. В город Львов, на завод стекловолокна. Что

было делать, собрала мне мама немного харчишек, дала из запасов новые голенища сапожные, если будет нужда в деньгах. Голенища можно было выменять на хлеб, можно было продать, так задумано было. Собрался и поехал. Сначала в Москву. Там даже по городу не походил, не посмотрел, хотя был впервые в столице. Сразу на другой вокзал. С боем взял в кассе билет. Поезда тогда ходили битком набитые, очень медленно, с частыми остановками. В народе прозвали их - "пятьсот-веселыми".

Вот на таком "пятьсот-веселом" неделю добирался я до Львова. Львов поразил меня - всем, архитектурой, парками, бассейнами с голубой водой. Но главное, - люди, совершенно не такие, каких доводилось встречать мне, среди каких приходилось жить. Высокие, стройные, легкие, словно танцующие на ходу. Наши владимирские мужички ростом не выделяются, да и ноги обычно кривовата, из-за пьянства ли, из-за болезней ли частых, - не знаю. Да и сам-то я всю жизнь был - метр семьдесят с кепкой. А тут - словно другие создания, с иной планеты. Люди Запада. Я ходил по городу и с ужасом думал о том, как смогу жить среди них. На улицах звучала украинская, польская речь.

С большим трудом отыскал я завод, куда меня направили работать. Заведующий отделом кадров долго смотрел мои бумаги, удивлялся, соображал что-то.

- А по-польски вы умеете разговаривать?

- Нет, - говорю, - не умею.

Он еще раз просмотрел все мои бумаги и написал еще одну, о том, что заводу специалисты такого профиля не нужны. Поставил на бумаги какой-то штамп и пожелал счастливого пути.

Так как завод меня не принял, то и денег никаких мне не дали на обратную дорогу. Я вытасил свой запасной вариант, новенькие голенища. Но продать их в незнакомом городе оказалось не так-то легко. Я стоял прямо у вокзала и всем проходившим мимо меня предлагал свой "превосходный товар". В родном Гусе я бы уже давно освободился, но здесь люди как-то странно реагировали на продававшего прямо на улице молодого человека в заношенной шинельке. Только часа через два какая-то бабуся смилостивилась надо мной, взяла за полцены уже опротивевшие мне голенища.

Я вернулся домой. Мама и братья были очень рады этому. Жизнь опять потекла размеренно и неторопливо. Работал я не много, на дому создавал узоры для платков. Как раз тогда открылся завод стекловолокна, там кроме всего прочего делали платки. Не для головы, понятное дело, - на стенку вешать. А некоторые женщины по незнанию разукрашенные эти платки надевали в праздничные дни. Хорошим не кончалось, мелкие частички волокна потом очень трудно удалить, особенно - вычесывать из волос, долго и неприятно. А оставить нельзя, больно режутся.

Я прекрасно понимал, что после техникума, после войны, знаний у меня не было почти никаких. Чтобы поступать в архитектурный институт, надо было серьезно готовиться. Для этого я поступил в школу рабочей молодежи. Шел 46-ой год.

Занятия спортом не прекращались. Я выступал за сборную Владимирской области не только в лыжных гонках, но и в соревнованиях по бегу, метанию копья, и даже - по прыжкам в высоту. Это с моим ростом!

С детства мы привыкали к тому, что занятия спортом позволяли иметь дополнительный паек в голодное время, даже во время войны нам выдавали на соревнованиях бесплатно по тарелке картошки. Мелкой, с горох величиной, но это была существенная добавка в нашем голодном военном существовании. В народе всегда считалось, что у спортсменов легкая, богатая жизнь.

Потому я втайне надеялся на то, что мои спортивные заслуги помогут при поступлении в институт.

Жизнь складывается из случайностей.

Одним из таких случаев стало получение мной серебряной медали при выпуске из школы рабочей молодежи.

До этого, в техникуме, мы практически не учились, а только и делали, что с винтовками маршировали по городу, распевая во все горло пиратские песни "На корабле матросы ходят хмуро", про боцмана Боба и юнгу Билла. Или играли "в войну", почему-то на кладбище, ползали с теми же винтовками среди могил под наблюдением нашего военрука.

В вечерней школе я учился прилежно. Но все же медаль получил неожиданно для себя.

Эта медаль давала право поступить в институт без экзаменов.

И я летом 47-го года поехал поступать в архитектурный институт.

Рисунок все же пришлось сдавать. Но я получил "пятерку". И, радостный, уже ждал приказа о зачислении.

Если бы я заранее знал порядок поступления в этот ВУЗ - и не обмолвился бы о медали в приемной комиссии. ВУЗ считался московским, в общежитии было выделено всего пять мест. И чтобы на них претендовать, надо было проходить общий конкурс.

А я уже проскочил - мимо!

Но люди в приемной комиссии сидели добрые:

- Мы вас зачислим. Но общежитие не дадим.

- А как же я буду жить? - наивно спросил я.

- Снимайте комнату и учитесь спокойно.

Это представлялось мне невозможным. Отца не было в живых, у матери нас было трое. Средний уже учился в институте, старший тоже собирался поступать. Рассчитывать на помощь из дома было нельзя. А на стипендию прожить было бы можно, но еще и жилье снимать?

Я еще попытался заикнуться о своих спортивных успехах, но они меня подняли на смех. "Здесь архитектурный институт, а не физкультурный".

Что было делать? Я решил возвращаться домой. В родной Гусь-Хрустальный. На завод стекловолокна. Заниматься живописью на платках. Бегать на лыжах на областных соревнованиях.

Не всем же учиться в институте.

Я спустился в метро. Второй раз в жизни спускался по эскалатору. Я был подавлен.

Но смотрел по сторонам. И уже подъезжая к Курскому вокзалу, все-таки заметил в дальнем углу вагона - Гену Зубанова. Того самого Гену, с которым четыре года просидел за одной партией, с которым дружил!

Гена сидел и читал книжку. Меня он заметить не мог... Как такое могло произойти? Быть в семимиллионной Москве первый раз в жизни и вдруг встретить знакомого! Да еще - друга!

Гена сразу после техникума пошел учиться в техническое училище имени Баумана. Его не интересовала ни химия, ни физика. Ему интересно было строить танки. Видимо, этот интерес пробудили грандиозные танковые сражения минувшей войны.

Гена очень обрадовался, увидев меня. Я все ему выложил: возвращаюсь домой, буду работать. Он начал меня уговаривать: "Какая разница, где учиться. Главное - высшее образование." Имел в виду он свой институт, МВТУ.

Гена рассказал мне, что открывается новый факультет - ракетный. Учиться там будет еще как интересно.

Я подумал - ракеты, космос! Вот это да! Я уже читал о Циолковском, о будущих полетах в космос. Я не был романтиком. Это сейчас я романтик. Я думал так: я спортсмен, да еще если учиться буду старательно, - точно в космос первым полечу. Первым!

Гена, про себя улыбаясь, не стал меня разубеждать. Он-то понимал, что на ракетном факультете готовят не космонавтов, а специалистов по топливу.

Вместе мы пришли в приемную комиссию. Я представил свою медаль. Через десять минут документы были сданы. Женщина сказала:

"Считайте, что вы зачислены. И общежитие вам дадим."

Мы даже успели на тот самый поезд, которым я собирался возвращаться, пока не встретил Гену.

МВТУ был в ту пору очень известным институтом. Он, в общем-то, и сейчас известен, но уже почему-то со званием "университет".

До революции - Императорское училище. Готовили инженеров любых специальностей. А инженер - до революции звучало гордо и весомо. В воспоминаниях Вересаева я прочел очень интересный факт. Писатели, его окружавшие, в большинстве своем были люди бедные, выделялся один только Гарин-Михайловский. Водил собратьев по перу в трактир, чтобы поддержать их пустые желудки. Потому что Гарин-Михайловский кончал именно наше училище. И, как инженер, получал большую зарплату.

Выпускники училища впоследствии покрывали неувядаемой славой свою Almatater.

Конкурс на престижные факультеты - ракетный, танковый - был велик. А вот желавших учиться на механико-технологическом было мало. Готовили литейщиков, сварщиков, технологов. Стране нужен был металл, но кому охота делать черновую работу! Всех тянуло в небеса, после тяжелой войны, после всех лишений и невзгод, - хотелось в выси необозримые.

Никому не хотелось возиться с железками и болванками. А стране необходимо было восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Поэтому вместо одной группы литейщиков в год моего поступления сделали две. Вместо тридцати человек надо было набрать шестьдесят. А подали документы на литейную специальность - два человека!

Администрации института идти под суд "за подрыв народного хозяйства" явно не хотелось. Администрация института придумала хитрый ход.

За неделю до начала учебного года я получил вызов, как и положено было, вызов в институт. "Вы зачислены на такой-то факультет с предоставлением общежития. Явиться к 1-ому сентября". И вдруг я с удивлением обнаружил, что зачислили меня почему-то на литейную специальность! Сначала показалось, что произошла ошибка, опечатка в письме. Только через некоторое время вся хитрость, все коварство этой замены дошли до меня. Не будь у меня медали (опять - не будь!), я поступил бы на общих основаниях на ракетный. Бог с ним, с космосом, занимался бы ракетным топливом. Как мой друг по лыжной секции МВТУ Владик Хатулев, как многие наши лыжники, с которыми я подружился в студенческие годы. Спустя много-много лет, в шестьдесят четвертом году, был у нас сбор старой лыжной секции МВТУ. Я опять видел ребят, окончивших ракетный, с которыми бегал на лыжах в молодости. Как раз тогда, во времена хрущевской оттепели, разрешили всем засекреченным одевать военную форму, награды. И среди старых лыжников мы увидели две золотые звезды героя, значки лауреатов Государственных премий. Званий в ракетной области, возглавляемой тогда Королевым, за так не давали. Мой друг Хатулев, как потом выяснилось, много сил вложил в создание той самой "Энергии", которая выводила в космос корабль многоцелевого использования "Буран".

Я был возмущен обманом, решил плюнуть и не ехать. Но вся хитрость заключалась в том, что вызовы приходили всего за неделю до первого сентября! У нас у всех уже чемоданы собраны. Вся родня, все знакомые с гордостью рассказывают всем подряд о том, что молодой человек едет учиться в знаменитый Бауманский. В провинции такие известия становились достоянием всего города, весь город воспринимал судьбу будущего специалиста как личное дело.

Психологический маневр оказался точным. Все до единого явились в институт, зачислились в литейщики, поселились в общежитии и приступили к занятиям. Администрация в качестве безгласных жертв выбирала, естественно, иногородних медалистов. И представляете, что это были за группы, если из шестидесяти - пятьдесят восемь окончили школы с медалями.

Начал учиться и я, но безо всякой охоты. Я не мог представить себе литейное дело. Благо, что на первом году полагались предметы общеобразовательные, какие и в архитектурном пришлось бы изучать. Я записался в лыжную секцию. Мы участвовали в физкультурных парадах. Сначала восьмого сентября, во время празднования того самого восьмисотлетия Москвы. Нам выдавали бесплатно спортивную форму, бесплатно кормили,

пока мы готовились к следующему, - седьмого ноября. Но на тренировках начала побаливать нога.

Мы шли в праздничной колонне от Красной площади к стадиону "Динамо". И вдруг я почувствовал, что идти не могу. Врач определил воспаление надкостницы в области голени. Откуда взялось воспаление - я так и не смог определить. То ли от недоедания, то ли от больших нагрузок. Во всяком случае, пришлось каждый день таскаться в больницу, где мне накладывали на больную ногу нагретый черный воск, азокерит, а потом он остывал на ноге. Я не имел возможности посещать не только тренировки, но и лекции.

В институте постепенно привыкали к тому, что я редко бываю на занятиях. Вместе с нами учились ребята, уже прошедшие войну, некоторые даже в офицерских званиях. Старостой в нашей группе был Ефим Сосновский, младший лейтенант. Небольшого роста, - сам я метр семьдесят, а он еще меньше, - добродушный и отзывчивый, готовый помочь товарищу. Ефим во время моих частых пропусков аккуратно отмечал в журнале "присутствует", чтобы не было лишних хлопот. В советских ВУЗах дисциплина была железная. За пропуски без уважительной причины - отчисляли не раздумывая. Советская действительность не терпела выскочек, отрывавшихся от коллектива хоть бы и в малом. На лекции обязаны присутствовать все, на семинаре - все, на воскреснике - все без исключения. Даже в столовой все, лучше - строем.

Всякому выделявшемуся, выбивавшемуся из коллектива грозила суровая кара, общий принцип, - главным врагом раба является свой же товарищ - раб. Помните, в "Одном дне Ивана Денисовича"? А так было не только в лагере, но и по всей стране. Это был главный принцип правления большевиков.

Но волей-неволей я выбивался. Очередное везение, я выбивался неосознанно, под прикрытием болезни. Приучался жить самостоятельно, приходилось заниматься самому, догонять, а нагрузки в институте были ого-го! Особенно убойными считались несчетные домашние задания по черчению. Чертить надо было и на занятиях математикой. А уж на черчении - и карандашом, и тушью. В те времена уровень обучения не очень еще опустился со времен Императорского училища. Добавлялся только спектр абсолютно не нужных ни инженеру, ни ученому дисциплин - марксизм-ленинизм, политэкономия.

Учиться действительно было трудно. Излишне усердствовавшие двигались рассудком. Из шестидесяти литейщиков двое после защиты дипломов отправились в сумасшедший дом. С трудом, но вылечились. С одних из них я впоследствии встречался. Он не произвел на меня впечатления вполне здорового человека.

Таковы были нагрузки, для кого-то обрававшиеся перегрузками.

Привыкнув на первом курсе, я не баловал своим посещением занятия и в дальнейшем. Все знали, что я спортсмен, вечно на тренировках, на сборах, на соревнованиях. Фима Сосновский покрывал мои загулы, в нашей группе я был один такой "правильный" прогульщик. Был еще Габидуллин, но он прогуливал не ради чего-то высокого и значимого. Очень уж он любил с девочками гулять. Кто-то ему завидовал, кто-то пытался на него повлиять, но не очень это получалось, в учебе он успевал, даже очень, а с девочками гулять любил очень-очень. Потихоньку от него отстали наши ревнивые активисты (и активистки).

Самое интересное, - из шестидесяти литейщиков только двое стали докторами наук. Догадайтесь - кто?

К весне нога моя выздоровела вполне. Я даже успел поучаствовать в последних лыжных соревнованиях. Недалеко от института находился (и сейчас находится, - но в гораздо более ужатом, стесненном виде) парк Московского военного округа. В те послевоенные годы это еще был райский уголок. Несмотря на выхлопы и грязь в городе, снег в парке даже весной оставался - ослепительной белизны. Именно в этом парке я долгие годы тренировался. Вот по этому весеннему снегу бежали мы. При весеннем ласковом солнышке. Я занял какое-то место, выполнил норму первого разряда. Меня взяли на подкорм - выдавали талоны на дополнительное питание в студенческой столовой. Но и на свою стипендию в тридцать

пять рублей я вполне мог жить. Стипендию выдавали один раз в месяц. Получив в кассе деньги, я сразу же закупал пшено. Килограмм тогда стоил то ли восемь, то ли десять копеек. Пшена я запасал, чтобы хватило на целый месяц. Кроме того, тоже на месяц, закупал несколько бутылок растительного масла. Продавалось оно в поллитровых бутылках и мало чем отличалось от того, каким торговали на рынках.

Кстати о рынках. В военные и послевоенные годы многих эти рынки спасали. Конечно, за деньги что-то купить было невозможно, деньги не ценились. Зато выменять можно было все, что угодно. Шинель, в которой я прибыл на учебу в Москву, была выменена на гусевском рынке. Вероятнее всего, на ту самую соль. Незадолго до войны нашей семье выпала огромная удача - мешок соли. Помню, мы долго стояли в очереди, потом отец вез этот мешок на тачке, а мы, все три брата, шли рядом, стараясь хоть чем-нибудь помочь. Именно эта соль спасала нас в первый - самый голодный - год войны. Кончались в доме продукты, - на стакан соли выменивали на рынке буханку хлеба.

Рынок в Гусе был в то время центром жизни. Огромная территория с лотками, прилавками открытыми, прилавками закрытыми, тысячи народу, хотя в самом-то городе жителей не многим больше было. А уж что творилось в ярмарочные дни! Чем только не торговали! Меняли продукты на вещи, вещи на продукты, рядом с новыми продавали старье - ботинки, фуражки, ватники, шинели армейские. Там обыгрывали доверчивых простаков в наперстки, в веревочку. Там продавали горячие пирожки с капустой, с картошкой, с мясом, с луком. Оттуда неслись, переплетаясь, бесконечные запахи, заманивавшие всех и вся. Запахи не только съестного, - там во множестве ждали своей участи козы, овцы, коровы.

За те многие годы, что я путешествовал по Памиру, пришлось побывать на всех, кажется, базарах Азии, но с гусевским я могу сравнить, пожалуй, только базар в Оше. Грандиозный базар. Горы арбузов и дынь, каждая величиною с дом, и все эти ряды, на сколько хватает взгляда, уходят, расплываются в необозримой дали. Конечно, наш рынок был несоизмеримо меньше, но не размеры важны, важен особый базарный дух, который и роднил их. Живость и веселость. На гусевском рынке было действительно весело, несмотря на то, что рядом гремела страшная война. Весело было просто походить, посмотреть, прицениться, даже тому, у кого ни копейки в кармане не было, находилось дело. Там жизнь бурлила и кипела, и уже этим радовал глаз уголок веселья в море горестей и забот.

Несколько лет назад мой брат подбил меня посетить родные места. Благо, тогда это было просто, у меня еще была машина, а бензин был дешев. Дорога от Владимира шла асфальтовая, а не песчаная, как в детстве. Но те же самые поселки окружали Гусь-Хрустальный, с теми же самыми названиями - Красный Октябрь, Заветы Ильича, - как еще могли называться рабочие предместья провинциального города. Те же одноэтажные домики встречали нас.

Домик Шилова под красной черепицей. Здесь мы жили во время войны. Напротив - здание гимназии, где я учился, да не выучился, в сорок первом. Все было - прежним. Подъехали к центру, - все как было! Двухэтажные торговые ряды, почта, заводская управа - вокруг пруда, те же сосны на песчаных берегах. Заехали на рынок. Место прежнее, только кое-где пристроены были ряды, - правда, черные, сгнившие.

Но сам рынок был пуст. Мир небытия. На всем рынке - две бабки торговали жареными семечками!

Ведь именно здесь когда-то в толпе покупателей и продавцов, зазывал и жуликов, я выменял свою первую бутылку водки. Наступал Новый тысяча девятьсот сорок четвертый год, мне казалось, что надо обязательно прийти в техникум на праздничный вечер выпивши. И я выменял на ту же самую соль четвертинку горькой. Запершись в туалете, выпил все до дна, без закуски. Опьянеть - не опьянел ни на чуть-чуть, зато вывернуло наизнанку. И вот теперь этот родной, спасительный когда-то рынок лежал перед нами - мертвый

* * *

В институтском буфете торговали бутербродами. За время большой пятнадцатиминутной перемены я еле успевал съесть огромный бутерброд, стоивший всего восемь копеек. Французская булка, разрезанная пополам, в середине - большой кусок колбасы. Это был целый обед. На бутерброды уходило в месяц еще рубля три.

А еще в институтской столовой кормили комплексными обедами. Для тех, кто победнее, - восемнадцать копеек, а для живущих не на одну стипендию - двадцать восемь. Обед за двадцать восемь был королевским, роскошным, - салат, крутые мясные щи, второе и компот. За восемнадцать - салата не давали, постные щи, котлета или рыба на второе и тот же компот. То есть, вполне нормально, жить можно.

Подсчитаем, - восемнадцать копеек да на восемнадцать дней, всего меньше шести рублей. Плюс десять на бутерброды. Плюс десять на пшено и растительное масло. Ого, даже еще что-то остается! И не мало. Поэтому после получения стипендии и покупки пшена я ехал в центр есть мороженое. Почему-то надо было ехать именно к гостинице "Москва", к "Метрополю", там покупал несколько порции мороженого и шел на Красную площадь, к набережным. С мостов весь город - перед глазами, во всем своем великолепии. Я любовался, я удивлялся архитектурной целостности, свежести и красоте бессмертного города. Как поражаюсь и восхищаюсь Москвой и до сегодняшнего дня. Уж как ни старались загубить, разрушить, - а красота живет. Кровавые тираны, разрушившие Храм Христа Спасителя, выдумали сказок о царях. Как прекрасен Храм Покрова - Собор Василия Блаженного. И тут же вспоминаются легенды о выколотых глазах, - было ли это на самом деле? Царь милостиво наградил и обласкал строителей Собора. О царях легенд много. Бывали они и жестоки, и вероломны, но однако ж мир не видал такого кровавого разгула, что принесла на нашу землю зараза большевизма.

К концу месяца, точнее - когда деньги кончались, а происходило это часто и совсем не в конце, я варил пшеничную кашу на растительном масле. Брат мой, в то время такой же бедный, вечно голодный студент, приезжал ко мне из своего общежития в гости "на кашу". Готовить на сливочном масле всегда считалось предпочтительнее, это сейчас стало модно питаться растительной пищей, это сейчас врачи открыли всю вредность животного белка, жира, сейчас все стараются сидеть на растительной диете. Это сейчас я считаю и вкуснее, и полезнее есть растительное масло. А тогда пшено и растительное масло считались чуть ли не несовместимыми. Недаром в народе масло такое называют - постным. Да ведь я и старался делать так, чтобы получалось не вкусно. Чтобы много этого варева съесть было невозможно. Съел тарелку - и больше не хочется. А раз не хочется, - значит, все, наелся.

Брат мой потом, через много лет, любил рассказывать, как я спасал его от голодной смерти этой своей кашей.

Нога моя прошла. За всеми делами, за частыми тренировками год пролетел незаметно. Я сдал все экзамены за второй семестр. И решил забирать документы.

Я упорно желал видеть себя - архитектором.

Меня вызвали к декану. Седовласые профессора уговаривали меня, стыдили. Я всегда трепетал перед ними. Это были люди, еще до революции растившие и воспитывавшие строителей России. Это были осколки прошлого, уцелевшие среди всех посадок и высылков. Тогда я всего этого не знал, но священный страх и уважение вызывали во мне седины этих людей. Я врал. Я врал про больную мать в Гусе-Хрустальном, что должен ухаживать за ней, кормить. Как мне было стыдно, - и тогда, и, гораздо более, после. Мама тогда, Слава Богу, была еще здорова, работала.

И эти большие, красивые, седовласые люди - чувствовали ложь в моих словах, но вслух ни один не усомнился. И только сам декан, гораздо моложе остальных, все повторял про какие-то тысячи, которые государство уже в меня вложило.

Почему-то я все еще куда-то рвался. Я не понимал, что путь человека предопределен. Смирение и стойкость - вот что остается нам на нашем жизненном пути. Не стоит

стремиться к резким переходам, переменам, человек - не столь всемогущ, как кажется, чтобы жить так, как ему захочется.

Со мною в группе учились пятеро испанцев. Во время затеянной коммунистами резни их вывезли, восьми, десятилетних, спасли - лишили родины. Жили они, уже повзрослевшие, в интернатах, ими и заполняли в первую голову недобор в группе литейщиков. Они, в отличие от нас, закоренелых безбожников, были воспитаны с детства в духе религиозности. В католической Испании - можно ли было чувствовать себя самой могучей природной силой, способной все на свете перевернуть вверх дном. Спроси у них открыто: "Верите ли?", в ответ скорее всего услышал бы - нет. Ибо вера их находилась под спудом. Но они были смиренны - перед Богом. Спокойно жили, старательно учились в институтах, становились неплохими инженерами.

Но когда возвращение стало возможным, когда был разрешен выезд в Испанию, они долго не раздумывали. Со своим "вождем", Долорес Ибаррури, вернулись на родину.

А я все куда-то рвался. Да и откуда во мне тогда было взяться смирению, покорности судьбе? Отца я знал мало, в матери видел только одно - безумное почитание Сталина, преклонение перед ним. К счастью такие склонности - по наследству не передаются. Да и сама она совсем не стремилась развить в детях такого рода почитание.

Да и зачем нужна мне была архитектура, если уже тогда первое место в жизни моей занял спорт. В архитектурный меня опять не приняли. Я вернулся в Гусь-Хрустальный. Мама плакала, Братья чуть не побили меня. Мама сказала только одно: "Ты должен учиться".

Я вернулся в институт, подал на восстановление. Продолжал учебу.

Нас пытались воспитать в духе человеческого всемогущества. Советские писатели приносили в свои произведения элементы безудержного фантазирования. Человек у них мог все. Особенно в фантастике. Недавно мне попался в руки один из "первоисточников" такого взгляда на жизнь. Я прочел у Фурье его представление о будущей жизни человечества. Все согнаны в коммуны. Но особенным образом. Мужчины - на Северный, а женщины - на Южный полюса. Природа в коммунистическом раю будет такой, какой хочется Фурье. Везде на планете все будет единообразно, вода в реках, морях и океанах будет иметь одну и ту же температуру - плюс двадцать пять. Как этого достичь? Очень просто, - Северный полюс оплодотворяет Южный (уж понимай как хочешь, но предпосылки созданы, смотрите выше), в результате чего вода не только нагреется, но и приобретет вкус лимонада. На смену морской живности придут "антикиты" и "антиакулы", которые со страшной скоростью будут перевозить грузы с континента на континент.

Энгельс по данному поводу заметил: "Чисто французское остроумие сочетается здесь с большой глубиной анализа".

Мое умение рисовать часто спасало меня. Задания по черчению, по теории машин и механизмов, по начертательной геометрии, - все надо было чертить. Я экономил время. Я рисовал чертежи. На те, что требовали многочасового сидения над ватманом, я тратил в четыре раза меньше времени, чем полагалось. И - бегал на лыжах.

На втором курсе я получил первую двойку. Не то чтобы я не любил теоретическую механику, скорее наоборот, просто из-за каких-то лыжных дел не успел как следует подготовиться. И мой семинарист совершенно законно поставил мне двойку. Через некоторое время пересдал, но уже не семинаристу, а лектору, пожилому профессору. Профессору сдавать всегда легче, он не копается в мелочах, профессор проверяет общее понимание, как бы видение предмета в общей картине мироздания. Мы очень мило и интересно побеседовали, после чего он с удовольствием вывел мне в зачетке жирную "пятерку". Это было уже осенью. Я был очень рад, что семинарист куда-то пропал, что сдавать пришлось лектору. Я даже и не задумался, - куда пропал наш семинарист, куда исчезли некоторые преподаватели с еврейскими фамилиями. Беспечная молодость, мы даже не задумывались над тем, по какому признаку выбирались они для увольнения, возможно, - для высылки.

Хотя самую борьбу с космополитизмом я помню. Эта борьба для меня вылилась в появлении курсов по истории техники. В этих курсах убедительно доказывалось, что паровую машину изобрел Ползунов, радио - Попов, что все шедевры, украшавшие и украшающие площади Москвы и Ленинграда, созданы русскими литейщиками.

Кафедрой нашей заведовал в те годы Николай Николаевич Рубцов. Он никогда не писал никаких формул, не создавал теорий литейного дела. Он написал учебник по истории литейного дела, в котором даже Фальконе фигурировал, как русский художник. Ведь сколько лет прожил Фальконе в России, да к тому же влюбился в русскую девушку. За этот учебник Николай Николаевич был удостоен сталинской премии. И это отнюдь не значит, что он был плохим человеком, как раз наоборот, человеком он был превосходным! Никогда не лез в чистую науку, хотя признавал за ней большое будущее. Формулы были ему до лампочки, он был настоящим художником. Прекрасный шахматист, - в двадцать первом году завоевал звание чемпиона Москвы. А кто не знает Ольгу Рубцову, дочь его, чемпионку мира по шахматам, кто не слышал про его внуку Фаталибекову?

На старших курсах приходилось посещать почти все занятия. Это были уже не лекции и семинары, а что-то среднее. Просто преподаватель общался со студентами, каждый по-своему, как ему было удобно.

Такие занятия на последнем курсе вел у нас и сам Рубцов. Вел, естественно, "Историю литейного дела". Рассказывал о художественном литье. Для меня это было очень интересно.

На одном из таких занятий Рубцов рассказывал о великом русском литейщике - шведе Фальконе, о его работе над "Медным всадником". Во время перемены какой-то порыв вынес меня к доске. Я рисовал по памяти. Получилось неплохо. Петр Первый дыбил коня на гранитном постаменте. Прозвенел звонок, мы расселись за парты, в аудиторию вошел Рубцов. Долго, неотрывно смотрел на доску. У него задрожали руки:

- Кто это нарисовал?

А все тычут в мою сторону: "Он, он!"

- Да вы, батенька, художник.

- Что вы, хотел когда-то стать, но ничего не вышло, бросил я это дело.

- Может быть и зря, - задумчиво проронил он.

И, видимо, запомнил меня в лицо.

Этот случай, - который уже по счету, - круто изменил в дальнейшем мою жизнь.

Той первой зимой, когда еще еле-еле шевелились руки, когда я лежал один, беспомощный, в палате и постепенно возвращался к жизни, мои друзья бежали на лыжах из Москвы в Осло. Из каждого большого города посылали мне телеграммы. Как почетному капитану пробега. Из Выборга, Хельсинки, Стокгольма. Я отмечал на небольшой карте, выдранной из атласа мира, пройденный друзьями путь. За месяц было пройдено ими две тысячи километров.

Если я напишу, что тогда, в больничной палате, я мучился несвершенным, - это будет неправдой. Несмотря на то, что к тому времени наши пробеги стали для меня делом жизни. Ленинград-Москва, Москва-Осло, мы мечтали о пробегах в более суровых условиях, по ледовой кромке Арктики, через Берингов пролив, к берегам американского континента.

Но невыполнимость всех этих планов стала для меня очевидна достаточно быстро. Нельзя сказать, что это меня очень расстроило. Спас меня мой безудержный карьеризм, стремление быть первым. Стремление участвовать, организовывать пробеги - основывалось только на одном, на желании быть первым, первым - в Осло, первым - в Арктику. Перед травмой у меня, кроме лыж, была еще одна карьеристская идея - защитить докторскую диссертацию. Мне было всего тридцать семь, а в технике не было принято так "рано" становиться доктором. Это - не физика, не математика, это расплывчатый предмет, - технические науки. Ни один "техник" не защитил докторской до сорока лет.

До травмы я многое делал, а главное - были реальные шансы. Я уже начинал готовить большие листы - плакаты для защиты. В технике все идет по накатанной дороге:

диссертант вывешивает тридцать-сорок листов, ходит около них с указкой, что-то рассказывает. Эти листы как раз и показывают совету, достоин ли диссертант ученой степени. В ученом совете собираются специалисты совершенно разных специальностей. К примеру, защищается диссертация по литейному делу, а в совете из тридцати человек только пятеро литейщики, остальные - кто варкой занимается, кто резкой металлов, кто закалкой. Они в литье не разбираются, они оценивают диссертацию по качеству листов, вывешенных соискателем. Те из ученого совета, кто не дремлет, не спит, рассматривают, что это там за формулы нарисованы? Насколько аккуратно? Для докторской много формул надо напридумывать, чтобы не было сомнений в глубокой научности подходов соискателя к изучаемым вопросам.

Все эти листы были у меня уже вчерне подготовлены, я до травмы уже носил потихоньку эти листы в бюро, где девочки за определенную плату красиво, тушью, вычерчивали все набело.

5 октября меня застало в самой середине этой эпопеи. И когда я пришел в себя, очухался немного, первое устремление было - продолжать работать над листами.

Встречавший меня в ЦИТО, привозимого в бессознательном состоянии "скорой" из подмосковной больницы, Валентин Божуков сразу же составил список из ста пятидесяти моих знакомых. Сюда входили и лыжники, и альпинисты, и знакомые по институту. Валентин организовал дежурства у моей кровати. Все время около меня находились двое, могущие помочь, накормить, вовремя перевернуть во избежание возникновения пролежней.

В список входил и мой аспирант, Женя Родионов. Мы беседовали с ним о его работе, я помогал ему, чем мог, - советами, рекомендациями. А он мне - в работе над листами. Я сознавал, что на лыжах бегать больше не смогу, а вот такое дело - возможно.

Хоть как-то, но трудился.

Женя соорудил нечто, похожее на доску для черчения. Эта доска клалась мне на кровать. Так вот, не поднимая головы, я на этой доске работал над листами.

Наверное, именно это ощущение дела, работы, позволило мне побороть сепсис и через два месяца выгнать из себя болезнь.

А стоило болезни отступить - на первый план вышли тренировки. Я должен был тренировать то, что осталось.

Одна из моих тещ, Сониная мама, очень умная женщина, всегда смеялась надо мной, говорила, что вся моя сила уходит в задницу, в мышцы, а ведь мог бы я стать умным человеком, если бы не бегал столько.

После травмы, когда я не мог уже уделять столько времени тренировкам, пожелание тещи стало сбываться. Все свое образование я получил после травмы. Начал более-менее систематически изучать то, что обязан знать каждый образованный человек. Историю своей страны, историю мира. Изучение истории привело меня к истории религии, а длительное изучение последней привело к Вере.

Сейчас я должен покаяться. Ибо в эту гонку за званиями были вовлечены люди, живые люди.

В шестидесятом году кончился для меня альпинизм. Я так и не смог привнести в горы этот карьеризм, который возможно было взрастить в других видах спорта. Горы - не подчинились этой гонке, поэтому я охладел к альпинизму.

Работал я тогда на кафедре технологии приборостроения, а заведовал нашей кафедрой Николай Иванович Малов. Наша кафедра занималась не самим изготовлением приборов, а тем, как их следует изготавливать. Моя специальность - литье под давлением - была необходима для такого рода разработок. Литье под давлением используется при изготовлении сплавов из легких металлов очень сложной формы. Такие детали используются в автомобилях, радиоприемниках. Во всех странах, кроме Советского Союза, литье под давлением к тому времени было уже выделено в отдельную область техники. Кроме общего журнала по литью выходили специальные по литью под

давлением, в Англии, США, Западной Германии, Италии. Моя специальность высоко ценилась.

Каким-то образом я оказался одним из ведущих теоретиков страны по литью. Ко мне приходили советоваться, всем было лень заниматься расчетами и формулами. А я, по примеру своего брата-физика, не видел в этом ничего предосудительного. Как раз наоборот, с самого начала пытался привнести в эту область как можно больше математики, расчетов, уравнений, формул, чтобы придать процессу вид науки. Когда технический процесс преломлялся через призму такой истинностной науки, как математика, результатом оказывался гораздо более точный подсчет скоростей, давлений.

Для чего я стремился стать доктором наук? Если возможно было бы заглянуть тогда в самые сокровенные уголки моей души, ответ показался бы всем смешным. Я мечтал выходить на старт лыжных соревнований и слышать: "Стартует номер двадцать один, Бауманский институт, доктор технических наук Белопухов."

Пришлось, как Фауст, продать душу дьяволу. Ради того, чтобы осуществить эту скорую защиту, я воспользовался единственным путем, ведущим "куда надо". Я вступил в партию.

Ни в какой коммунизм я не верил. Я занимался спортом, немного наукой, не хватало времени даже на семью. Какая уж тут политика! Все, что происходило вокруг, меня не трогало, я не замечал всего этого.

Я помню пятьдесят третий год, исторический март, когда умер Сталин. Я был в Москве, незадолго до того защитил диплом, получил направление на работу. Но все мои мысли тогда были в альпинизме. Тогда меня это очень увлекало. Я думал, как бы попасть в апреле на сборы спасателей, потом остаться на три смены в альплагере. Чтобы, во-первых, успеть как можно выше подняться по разрядной лестнице, во-вторых, как можно позже выйти на работу. А распределен я был после института на подмосковный закрытый приборостроительный завод в город Железнодорожный. Там уже год как работала моя тогдашняя жена Ольга Тимофеева. Там мы жили уже целый год в небольшой комнатке в доме на окраине.

Десятки, сотни тысяч людей бросились смотреть Сталина, гибли в давках. Многие плакали. Моя мать тоже плакала. А я за своими мелкими честолюбивыми помыслами - ничего не заметил.

Я был привязан к сталинской действительности, привязан всеми помыслами, привязан всем своим воспитанием. Взять хотя бы все эти разряды, - да ни в одной стране мира нет такой системы в спорте.

Чтобы из человека-спортсмена делали чиновника-спортсмена. Чтобы человек стремился не к высотам духа, а к привилегиям. Весь буквально советский спорт выращен на этом. А сколько снобизма и лжепатриотизма скрывалось в нас всех. Если наши, - значит, всегда сильнее "ихних". Считались какие-то соревнования, проходившие у нас, первенством мира. Хотя в нем участвовали, кроме советских спортсменов, команда рабочих с финского завода. Вот вам и международные состязания, вот и сильнейшие в мире! А приподнялся железный занавес, - и оказалось, что далеко не во всем мы впереди. Но система делала все, шла на любую ложь, на любой подлог, только чтобы и в спорте социалистические отношения определяли гораздо более высокий уровень.

Видимо, слепая любовь к вождю была присуща более старшему поколению, чем наше, поколению наших родителей. Родители брали меня, еще маленького совсем, на демонстрации, я запомнил то, с каким воодушевлением, любовью, трепетом относились многие к Сталину. Среди множества моих сверстников я за всю жизнь ни разу не встречал такого отношения к усатому. В лучшем случае - относились безразлично. Да и среди старших - на десять лет старше меня, среди тех, кто победил и выжил в войне, - такого поклонения не было и в помине. Если бы не положили в войне несколько десятков миллионов уже начинавших задумываться, уже не желавших опускать голову, - не высидел бы Сталин еще восемь лет. Рухнула бы вся наша система в конце сороковых. Настолько уже все было гротескно, фальшиво, открыто держалось на штыках, ибо для

большинства не составляло секрета - что держится на штыках. Во время войны уничтожены были те лучшие, кто готов был за родину жизнь положить - против любого врага. Их уничтожил не Гитлер, их уничтожил - Сталин. А остатки загнал на Колыму. Добивать. Ибо панически боялся освободителей, ведь полмира освободили, вдруг и собственную страну заодно освободят!

После войны - все как-то простилось, уж такая радость была. Казалось, теперь-то заживем, теперь светлое будущее само будет к нам бежать навстречу. Ведь вот какую беду пережили! Теперь еще немного напрячься, восстановить все, что разрушила война, и вот тогда - заживем! Ведь какую войну пережили, что нам еще немножко потерпеть!

Эта наивная вера в светлое будущее - до сих пор не изжита, именно она сгубила все завоевания хрущевской оттепели, из-за этого вселенского ослепления не смогли мы тогда, в шестидесятых, очиститься от большевистской заразы.

Во времена моего детства политика была простой. Надо победить, надо уничтожить "фашистскую гидру". И шли, и побеждали.

И слишком немногие задумывались над тем, чем же отличаются между собой фашистская и советская гидры. Вершились темные дела, каких-то генералов расстреливали, кого-то отправляли в Сибирь, отзывали с фронта. Винтики, как сейчас принято называть простых людей, - ничего этого не знали. Знали - надо работать, для фронта, для своих мужей, отцов, братьев. Для победы, чтобы скорее увидеть их целыми и невредимыми. В техникуме - мы почти и не учились. Точили корпуса для мин, ходили на торфозаготовки. Взрослые не выдерживали ломовой работы при бескормице. Нам, пацанам, все же было легче. Моему старшему брату повезло значительно меньше, чем мне. Во время войны, в голодное время, он был почти уже взрослым. На него лихолетье легло гораздо более тяжким грузом. На всю жизнь остался он болезненным и прожил недолго.

Беда обернулась пользой для нашего воспитания. Наверное, всегда дети тяжелых времен гораздо сильнее - и духом, и физически - тех, кто возрастал в тепле и достатке. Мы качали мускулы на торфозаготовках. Не так, как нынешние культуристы, мы крепили прежде всего духом. Мы учились жизни.

Как в Москве не любят лимитчиков, так не любили в Гусе женщин, которых пригоняли работать на этих торфоразработках. Их называли торфушками. Их гнали из Мордовии, Чувашии, их пригоняли насильно, ведь я видел, я знаю, в Чувашии жизнь была гораздо легче, чем у нас. Их пригоняли и заставляли работать. Мы, подростки, не могли и четверти их нормы выполнить, выработать. Мы учились у них. По десять - двенадцать часов в день, не разгибая спины, собирать торф. Мы учились работать.

Именно в такие же, в столь же тяжелые условия были когда-то поставлены пионеры освоения Америки, Австралии. Все нынешнее благополучие этих стран зиждется на огромном неблагодарном труде мужчин, женщин, детей, всех. Труде, который и сформировал здоровый стержень нации, воспитал в людях жизненную цепкость, заложив тем самым основу для взросления.

Кроме торфоразработок - были еще лесозаготовки. Валили вековые корабельные сосны. Валили обычной двуручной пилой, бензиновых не было, одна ручка - одному, другая - другому. Потом разделявали на кряжи по два метра длиной, очищали от сучков и веток. Работы велись и осенью, и зимой. Какая еще политика могла нас интересовать?

В институтском общежитии все мы жили примерно одинаково. Учеба, спорт, развлечения, - на этом круг занятий большинства и обрывался. Конечно, все мы были комсомольцами. Конечно, проводили комсомольские собрания. Но не вопросы, связанные с космополитизмом, не обстановка в Европе обсуждались там. Такие вопросы решались за зубчатыми кремлевскими стенами, потом борзописцы публиковали в газетах бодрые отчеты о процессах, ввали о "всеобщем одобрении советским народом" кровавым приговорам. Советский народ никто не спрашивал. А только дурил всевозможными отчетами. На комсомольских собраниях мы решали вопросы учебные. А голосовать, - что-то и не припомню такого.

Мы ходили на парады - как физкультурники. Это было выгодно, - бесплатно кормили, выдавали одежду. Парады были, конечно, частью системы, но меня привлекали только чисто материальными выгодами. И хотя пелись во все горло песни о Сталине, о Родине, - трудно сказать, пелись ли они от избытка чувств или же здоровья. Я был запевалой. На майском параде пел песню о Москве. Пел с воодушевлением, ибо видел за словами песни Москву, великий город, любимый мною город. Потому и пелось хорошо. А когда пели песню о физкультурниках, - то пели с юмором, переставляя слова, придумывая свои.

Сейчас песен для самостоятельного пения появилось очень много, барды неплохо потрудились, расплодились в большом количестве. А в те годы и слова такого мы не знали - бард. Многие песни, считавшиеся студенческими, певшиеся на парадах и демонстрациях, сочинены были еще до революции. О каких-то монахах, потом всем известная "Москва золотоголовая". Была еще о какой-то подводной лодке, думали - современная, оказалась - стародавняя, чуть ли не прошлого века.

Развеселые студенческие песни:

А святой Еремей с колокольни своей

На студентов глядит - усмехается.

Не было в этих песнях ни политики, ни поклонения. Ничего, кроме здорового и озорного веселья.

Моему поколению есть в чем каяться. Но торопливые газетчики-журналисты подталкивают к какому-то слишком упрощенному толкованию эпохи. Нельзя заставить человека раскаяться в несовершенном грехе. Можно только обидеть его этим, отвернуть от настоящего раскаяния.

Я единственный раз в жизни видел процесс над "врагом народа". Еще в Гусе. Моя мать работала тогда в детском садике, преподавала музыку. И вот в этом детском садике осудили заведующую. Несмотря на то, что от и без того маленького детского пайка подкармливались многие, - нянечки, воспитатели, - осудили ее одну. Видимо, была какая-то скрытая от нас подоплека.

Нас мама водила в детский садик по очереди. Но не подкармливать. У нас дома не было инструмента. В садике стоял хороший рояль. Маме очень хотелось выучить нас играть. Чтобы мы продолжили ее. Но выучился в результате только средний - Лель Константинович.

Да, странные имена дали наши родители своим сыновьям.

Мое полное имя - Андантин. Среднего - Лель. Старшего - Светозар. Ну, предположим, Светозар - имя болгарское, Лель - существовал в русских сказках, в "Снегурочке" Римского-Корсакова. Но мое имя - выдуманно. Откуда все эти имена шли?

Просто мы все трое родились в Крыму. В том Крыму, среди не успевшей уйти вместе с Врангелем интеллигенции. Весь Крым был тогда татарским, но мой родной Симферополь - чисто русским городом. Здесь хранили традиции российской образованности XIX века, общались друг с другом, воспитывали друг друга.

Новая волна, волна необходимости переустройства мира, - захлестывала всех их, как и всю российскую интеллигенцию начала века.

Как эта ржа сумела проесть столь образованные умы?

Я плохо помню своего отца, в основном по маминым рассказам. Отец был выходцем из мещан, из простых людей. Предками матери были князья, аристократы. Но в ней ничего княжеского не было, - такой же винтик той же системы, слушала радио, читала газеты, радовалась успехам Страны Советов.

И все устремились в это новое, разверзшееся перед всем народом. Значит - имена тоже надо новые давать будущим жителям новой страны.

Некоторые сбрасывали Пушкина с корабля современности. Не играли Чайковского. Изымались Достоевский, Лесков, другие "архаичные" писатели.

Я очень много среди родившихся в двадцатые-тридцатые годы встречал Кимов, Энергий, Владиленов. И особенно много таких было в Крыму. Купленная интеллигенция стремилась в будущее.

Мои родители познакомились в Крыму в 1926 году. Отец был женат, но бросил семью с двумя детьми ради моей матери. Его прежняя жена не играла на фортепиано, как моя мать, а отец прекрасно пел. Они должны были встретиться неминуемо - заведующий лесным хозяйством Крыма и секретарь географического общества. И - появились на свет мы.

У меня - округлый ровный почерк, понятный любому. По графологической экспертизе - я воспитывался в провинции, в крепкой семье.

Родители встретились вполне взрослыми, сложившимися людьми. Отцу - сорок, матери - двадцать семь. У матери тоже было до встречи с отцом замужество, но неудачное.

Они прожили эту совместную жизнь на одном дыхании. И никакие внешние силы не смогли поломать крепости этой семьи.

Мать родилась в 1898 году, за два года до начала века. Бабушке моей тогда было всего семнадцать лет. Она родом была княжеской фамилии, но влюбилась в простого помещика Бунчук-Кульчицкого, тоже человека небедного и образованного. Он был юристом, окончил Киевский Университет. Бабушка бежала с любимым человеком, была проклята в своей семье и навсегда из нее вычеркнута.

Молодой юрист назначается главным судьей в Гродно. Именно там прошло детство моей матери. Видимо, безмятежное детство в богатой семье.

Рассказывала, как приходили к ним во двор пилить дрова простые люди, - их после работы кормили в общей кухне хорошим обедом. Такие поступки считались почетными. Мать воспитывала нас на примерах либеральности.

Но все это отскакивало от нас, а осталось от матери только вечное ее трудолюбие. Мы видели, как она с утра до вечера работает, чтобы прокормить нас троих, пока отец сидел в тюрьме. Она была невероятно вынослива, она была неисправимой оптимисткой. Вся моя генетическая выносливость и в горах, и на лыжне - от нее. Я счастлив тем, что похож на нее.

Образование мать получила сначала домашнее, без математики и физики, только иностранные языки и музицирование. (Позже, уже в двадцать третьем, она поступила в Крымский Университет и восполнила пробел в естественных науках). Потом ее отправили в Лейпциг, в консерваторию, которую она окончила в возрасте двадцати лет.

Все благополучие скоро кончилось. В 1913 году умер Бунчук-Кульчицкий. Остались вдвоем - одни на всем белом свете. Мама и бабушка.

А тут еще началась война. 1914 год. Из Гродно пришлось бежать. Все, у кого была возможность, не желали оставаться под немцами. Две женщины, - большая и маленькая, - оказались в Крыму. Бабушка умела только говорить по-французски и обращаться с прислугой. Драгоценности были проданы, деньги прожиты. Спасла положение моя мать. Классической концертной деятельности вести она не могла из-за небольшого повреждения руки. Еще в начале обучения в консерватории на улице ее случайно задела проезжавшая мимо карета. Пришлось заканчивать педагогический класс. И вот с шестнадцати лет моя мать начала зарабатывать уроками музыки. Могла поставить голос, обучить нотной грамоте. И этим она кормила себя и бабушку.

Была революция, Врангель, беженцы - всего этого две женщины почти и не заметили.

Они просто жили.

Когда деньги обесценились, за уроки платили картошкой, хлебом. Жизнь текла своим чередом. Где-то сражались, гибли, покидали берега Крыма, - а ей надо было давать уроки, кормить маленькую семью.

Потом умерла бабушка. Рано, в сорок лет. Матери было двадцать с небольшим. Она чуть не умерла от горя. Но природа сказала свое. Смерть заменил летаргический сон, длившийся чуть не месяц.

Проснулась она свежей, полной сил и жаждой деятельности, познаний, творчества. Поступила в Крымский университет, училась живописи, собирала с будущим академиком Ферсманом минералы на берегу Черного моря, была секретарем географического общества.

Отец мой, Константин Петрович Белопухов, родился то ли в 1885, то ли в 1883 году в Уфе в семье мещанина-лавочника. Отец его еще мальчиком заставлял торговать в лавке, надеялся, что тот продолжит семейное дело. Отцу моему это было не по душе, и в шестнадцать лет он бежит из дома, в Казань.

Странные судьбы. На переломе веков бабушка с судьей бежит в Гродно, отец - в Казань. Рвут со своими семьями, с прошлым, с будущим. Теряют всех родственников, все родственные связи.

У кого-то есть дяди, тети - таких родственников у нас нет. И когда умер наш старший брат Светозар, а умер он очень давно, нас осталось два брата - и больше никого.

Да и мы не очень стремимся друг к другу. Кровные узы не чувствуются, несмотря на то, что нас всего двое и осталось. У меня есть друзья, более близкие, чем брат. У Леля - тоже. У него в жизни было множество и физических, и служебных неприятностей, он переносил их стоически.

До травмы я был не просто эгоистом, я не замечал людей. После травмы появились настоящие друзья.

С братом мы встречаемся раз в несколько месяцев. Мне теперь очень интересно с ним беседовать. А до травмы - разность судеб, разность взглядов не давала мне возможности полноценно с ним общаться. Но все же я люблю его. Он мне брат, а не друг.

Это нормально. Именно так чаще всего и бывает.

Отец бежал в Казань. Там он поступил в училище, готовившее землемеров-почвоведов. На жизнь зарабатывал уроками. Этим и подорвал здоровье, появилась предрасположенность к туберкулезу.

Давал уроки детям богатого купца. Этот купец решил поучаствовать в его судьбе. На свои деньги послал отца учиться в Петербургскую Лесотехническую Академию. Отец, видимо, продолжал давать уроки, так как к окончанию Академии заработал туберкулез.

Именно поэтому по окончании работ его отправили в Крым.

Там, в благоприятном климате, здоровье его поправилось. Так же, как и мать, он не заметил революции, продолжал посвящать всего себя посадке лесов на склонах Ай-Петри, охране зеленого богатства.

Судя по его дневникам, главным, самым ответственным делом была постройка нижней крымской дороги. Она и сейчас существует ниже шоссе Ялта-Севастополь.

Задачей отца было построить дорогу, не загубив ни одного дерева. Он, наоборот, восполнил посадкой уже имевшиеся пробелы. До войны мать хранила несколько фотографий, запечатлевших отца на постройке этой дороги. Одну из них мать сожгла в тридцать шестом. Я случайно видел ее перед сожжением, - на ней отец почтительно стоял рядом с мужчиной и женщиной. Только через много лет я догадался, что это были Николай II и его супруга Александра Федоровна.

За постройку этой дороги отцу было пожаловано дворянство. Вот такие люди встретились в двадцать шестом в Крыму. Отец продолжал заведовать лесным хозяйством. Его приглашали петь в Одесскую оперу на роль первого тенора, но лес он любил больше.

В дневниках его, уже после смерти, мы нашли переписку с Алехиным. Отец решал шахматные задачи.

В общем, отец был очень интересным человеком, - не даром же мама полюбила его. Но я его таким не знал.

Родители не только пели и музицировали. Каждый год рождался ребенок. Но на мне все кончилось. Через несколько месяцев после моего рождения отец оказался в тюрьме.

Началась коллективизация. Началась кровавая борьба партийной диктатуры с народом.

Крым тоже был частью России. Татарский, даже считался татарской республикой, руководство было татарским, первый секретарь райкома партии был татарин. Но все равно - во всем это была часть России. И Крым, как все остальное, должен был быть коллективизирован.

Простые труженики-татары не могли понять "исторической необходимости".

В те времена Крым еще весь был увит виноградными лозами, благоухал садами. Благословенный край! Я помню его по рассказам матери. Сам - только запах кукурузы, которую продавали на каждом углу. Нет, еще помню - меня хотели покатасть на лимузине, я прикоснулся рукой к радиатору, обжегся, испугался, заплакал : "Не поеду". Крым мной восстановлен, как моя маленькая родина, - по рассказам матери.

Хотя Гусь-Хрустальный я всегда считал своей родиной тоже. И люблю его не меньше.

В списке имен, составленном до моего рождения и включавшем сто пятьдесят различных вариантов, Андантин было не самым худшим. Оно возникло от музыкального термина *andantino* - "чуть медленнее, чем *andante*". От него отец отсек последнее "о", хотя и предусмотрел на случай рождения девочки - Андантина. На этом имени отец остановился окончательно, - оно подчеркнуто в списке жирным карандашным пунктиром.

Конечно, маме хотелось девочку. Еще до рождения Леля. Поэтому Лелю в младенчестве завивали волосы, одевали в платьица.

Старшие братья рождались в частных клиниках. Я - в родильном доме, среди обычных людей, где в основном пациентками были татарки.

Мать сказала - это не мой ребенок. Основания для этого были. Первые два сына были чистыми европейцами, белая кожа, прямые ноги. И вдруг ей приносят татарчонка. Раскосые глаза, ноги кривые. Она кричала: "Мне подменили ребенка, это какой-то татарин, я не могу его видеть!" Отказывалась поначалу кормить. Потом все-таки я получил ее грудь.

Потом мать поняла, что татарская кровь могла придти по любой линии. В отце моем текла башкирская кровь.

А была еще такая легенда о моем рождении.

Мать как раз в то лето много путешествовала по Крыму, работая в экспедиции Ферсмана. Однажды она отстала. Усталую, ее пригласила татарская женщина отдохнуть в сакле. Там напоили ее молодым вином. Она заснула. Спала очень долго, но хозяева не тревожили ее, - гость есть гость. Гостеприимство татар не имело предела. Спит человек, - значит, надо так, значит, хочет.

А через девять месяцев родился я. Может, поэтому и вышел я татарчонком.

Уже после травмы я часто приезжал в Крым, и меня там принимали за татарина.

Но все это, конечно, только легенда.

Да и какая разница? Воспитывался я в семье Константина Петровича Белопухова. А вобрал в себя черты матери.

Впервые в жизни я увидел отца в возрасте уже четырех или пяти лет, когда его стали отпускать повидаться с семьей во время ссылки во Владимирские леса.

Когда мать вернулась, уже со мной, из роддома, родители устроили вечер для друзей. Вечер, посвященный моему рождению. Отец с гордостью внес меня на середину комнаты. Снова сын!

Мужики любят, когда рождается сын.

Но недолго предстояло радоваться моему отцу, через три месяца он оказался в тюрьме.

Татарский Крым не хотел коллективизации. Как можно было объединить бахчи, сады, виноградники? Крым сопротивлялся, сколько мог. Но гибель была неминуема. В тридцатом году началась расправа. Все руководство было расстреляно. Крымская интеллигенция оказалась далеко от родных мест.

Моему отцу повезло. От политической статьи спасли друзья-юристы. Статья была заменена на уголовную - "за растрату казенных денег". И отправили его не на Соловки, а

во Владимирскую область. После тюрьмы, в ссылке он занимался любимым делом - лесным хозяйством.

Мать недолго оставалась в Симферополе. Забрав детей, бросив дом и все имущество, уехала во Владимирскую область, чтобы быть ближе к отцу. В ссылке семья соединилась вновь.

Деревня Вековка состояла из нескольких домов.

Одно из первых воспоминаний - мороз, ветер, снег, я на улице. Я до того вообще ни разу не видел снега. А тут он лежит, словно вечно.

Лето здесь не запомнилось. Только зима, вой волков на окраине. Приход соседки, ее слезы, рассказ о том, что волки загрызли ее мальчика, он пошел погулять за деревню.

Мама нас не выпускала даже со двора. Двор я помню. Помню, как приходил с работы отец, приносил паек, гостинцы. Запомнилось печенье "Футболист". На обертке очень красиво был изображен футболист с мячом у ноги.

На какие средства мы жили, я не знаю. Что-то получал отец (и в тюрьме, и в ссылке тогда платили деньги). Еще, наверное, были у матери какие-то сбережения. Во всяком случае, мы не голодали. Мать покупала молоко, хлеб. Колхоза там никакого не было, деревенька была маленькая, больше похожа на хутор.

Мы, дети, почти и не общались с отцом. Но каким-то образом что-то нам передалось и от него.

Я вижу в себе отцовские черты. Честолюбие, стремление быть первым - это все от него.

До травмы вопросы семьи, наследования не приходили мне в голову. Хотя был, конечно, подсознательный интерес.

В первые полтора года после травмы, проведенные почти полностью в ЦИТО, мысли о семье, о моем происхождении все чаще и чаще приходили ко мне. Все яснее я понимал всю тщетность и суетность своих прежних устремлений. Постепенно забросил докторскую. Со временем выветривалась вся шелуха, рассеивалась, исчезала.

Чем больше привыкал я к коляске, чем больше я проникался необходимостью движения, работы с внутренними органами, необходимостью следить за своим задом, под который обязательно следовало подкладывать подушку, - тем больше я задумывался над тем, что есть я в этом мире, тем ближе подбирался я к собственным корням.

Как ни странно, в ЦИТО мы жили очень весело.

Встречали Новый год. Тогда я еще не мог подняться, меня привезли на каталке в большую палату, где стояла праздничная елка.

Отделение наше называлось спортивно-балетным. Поэтому пили. Пили так, как я ни до, ни после того ни разу в жизни не пил. У меня даже родилась теория, заключающаяся в том, что крутая выпивка заменяет тренировку. Нагрузка на организм такая, что позволяет поддерживать неплохую спортивную форму. Когда страшные боли, на которые приходится расходовать силы, прошли, но двигаться активно еще нет возможности, - спортсмена спасает выпивка.

Ведь я почти не двигался. Даже первую зиму после больницы - почти не тренировался, немного занимался с гантелями, но больше - с тоской глядел в окно. Наконец, к лету получил свою первую коляску, и пошло-поехало. Ездил я сначала по часу, по два, по три, потом пересек Крым. Потом, уже вместе с моей женой Надей, доехал до Киева, потом до Куйбышева. Кроме коляски, я много подтягивался на перекладине, вделанной в дверной проем на кухне. Но все эти тренировки были потом, а тогда я был почти неподвижен.

Мы пили каждый день. Водку, крепкие вина. Мой новый знакомый Алик Диких тоже пил с нами. Он был из совсем другого, театрального мира, но держался наравне со спортсменами.

Лежал со мной известный в те годы футболист киевского "Динамо" Мунтян. Вина - никогда в рот не брал, но сидел с нами во время веселья. Мы с ним много беседовали о жизни, о спорте. После мениска он еще собирался поиграть. А потом - уйти в науку.

Мунтян лежал недолго, скоро уехал в свой Киев. И под Новый год я получил посылку от него. Видимо, он решил, что я беспробудный пьяница, - вся посылка состояла из восьми бутылок, и все содержавшиеся в них напитки были крепкими. От 40 до 43 градусов. Просто водка, горилка с перцем, горилка без перца. Мои друзья постепенно все это богатство оприходовали.

Вот так. Да простят меня строгие блюстители спортивного режима. Мы не могли не пить. Организмы, привыкшие к сверхнагрузкам, требовали...

Во всяком случае, заведовавшая нашим отделением Зоя Миронова, сама в прошлом спортсменка, прекрасно это понимала. В других отделениях больницы и речи быть не могло ни о какой выпивке.

Видимо, в нашем отделении это входило в восстановительный цикл после операций.

Постепенное осознание себя самого проходило наряду с веселыми посиделками, новыми знакомствами и влюбленностями. Первым делом, сев на коляску, я поехал в палату к знакомым девочкам. Одна из них мне очень нравилась, одна из сильнейших волейболисток, выступавшая за сборную страны. Рост ее был под метр девяносто, но что значил для меня теперь этот рост, когда я сидел на коляске. До травмы я со своими сто семидесятью к такой девушке не рискнул бы и подойти. Третьей в нашей компании, в наших ежедневных прогулках, была баскетболистка Галка Воронина. Они на костылях, я на рычагах. Выходили из ворот больницы и шли гулять по Садовому. Втроем - Алла, Галка и моя коляска - а вокруг изумленные толпы прохожих.

Не только я, многие потом с удовольствием вспоминали наше разгульное житье в спортивной травме. Одна чемпионка по конному спорту, покидая ЦИТО, еле сдерживала слезы, говорила, что два месяца эти были лучшими в ее жизни. Как ни странно звучит. Больница, бинты, костыли, - но всем там было хорошо, интересно. У спортсменов отпусков не бывает, а тут - отдых, месяц безделья. В этот месяц можно наконец вспомнить, что ты не машина, не автомат, что ты - мыслящий, чувствующий. До травмы мне никогда не случалось бывать в таких больших и дружных коллективах. Это не было коллективом с точки зрения большевиков, это была большая веселая компания. Общавшиеся между собой, дружившие, были людьми совершенно разными, зачастую противоположными. Принято считать, что спортсмены - народ дубовый. Конечно, встретить в сборной страны тонкого интеллектуала гораздо сложнее, чем в государственной филармонии. Но и подлеца и пройдоху - тоже. Дайте спортсмену день отдыха - и он заработает головой, кислород, весь при нагрузках уходящий в мышцы, запустит мозги. Лишенные возможности работать ногами, мы подключали полузабытые извилины, уровень общения был достаточно высоким. Таким, что не выделялись ни Юра Яковлев, ни Майя Плисецкая, ни иные артисты, лежавшие вместе с нами, прошедшие через отделение спортивной травмы.

Видимо, спортсмен, оставив спорт, вполне может заниматься и научной, и иной умственной деятельностью. Кровоснабжение мышц и мозга примерно одинаково. У человека, занимающегося спортом, кровоснабжение осуществляется гораздо быстрее, чем у среднего человека. И мозги, значит, у спортсмена могут работать быстрее. И твердолоб он потому, что в детстве не научили работать "ящичком", не приучили думать. А попробуй он, - еще как получится! Родись он в семье ученых, вырос бы Лобачевский, а не Брумель или Мунтян. Мои соседи мне очень нравились, я легко находил с ними общий язык. Это было признаком пробуждения во мне человека. Я уже никуда не бежал, не спешил. Я открывал для себя один из величайших даров Божиих, - дар человеческого общения. Общения не из выгоды, не из привычки. Общение - чтобы понять, чтобы высказаться самому, познать через это себя. Общение расширяло кругозор, возвращало к казавшимся знакомыми книгам. Я потихоньку забывал о диссертации, желания возникали совсем другие. Прочитать новую книгу, а может перечитать что-то. Перечитал, - как заново открыл, - Толстого, Достоевского. Есенина, пока лежал, вытвердил наизусть семьдесят стихотворений. Полюбил Маяковского, Маяковского-поэта, раннего. Потом, еще более повзрослев, узнав о роли поэтов и писателей в судьбе страны, я немного охладил свой пыл

по отношению к агитатору, горлану, главарю. Но "Облако в штанах" считаю достойным поэтическим произведением, не хуже Бродского.

Мир открывался предо мною. Не нужны, оказывалось, ни степени, ни звания, - нужны верные друзья, нужно стремление к общению, к познанию, нужно чувство жизни, нужны желания - светлые и не замутненные никакой страстью. А вовсе не поползновения, которые и привели меня к травме. А останься я на свободе, на двух ногах, - неизвестно еще, чего бы натворил.

Но проращение не было скорым. Наоборот, я оживал постепенно. Не так, как сейчас переживаю, переживал свое вступление в партию. Не оправдывает меня и выход из партии - задолго до того, как все гурьбой повалили на выход из этого мрачного серого здания. Желание выйти появилось очень давно, долго мучило меня. И вечно находились разные предлоги повременить, вечно вставала на дороге боязнь - как бы чего не вышло!

В конце семидесятых я обрел Надю. Я наконец-то обрел настоящую семью. В 1980-м Надя поступила в Московский Университет. Я прошел с ней весь курс, занимался исследовательской работой. И тогда мне мешал выйти из партии страх, - а вдруг за это Надю выгонят? И этот страх я не сумел побороть. Так тянулось до тех пор, пока не стало ее неоткуда выгонять.

Я считаю себя несоизмеримо более виноватым, чем мой брат Лель. Ведь он совсем не так вступал в партию. Он действительно верил в коммунизм, он был честен в своих поступках. Два года назад они всей кафедрой решили выйти из партии. Написали дружно так заявления. Но вышел один Лель. Остальные забрали заявления обратно. Вы помните, как перед путчем восстанавливались старые связи, казалось, все поворачивается вспять. Слава Богу, обернулось все к лучшему.

Брат считал своим долгом не просто состоять, но и помогать другим, воспитывать в духе идей Ленина. После защиты кандидатской диссертации, после работы у нобелевского лауреата Николая Николаевича Семенова в институте химической физики, Лель год пробыл в чине освобожденного секретаря парткома. Года ему оказалось достаточно, чтобы понять всю мерзость изнанки партийной жизни. Чтобы выяснить, понять, что большинство состоит в партии только из-за того, чтобы не потерять работу, в том числе и сам Семенов. Конфликт был неминуем. Ему пришлось уйти из института, на этом кончилась и его научная карьера. Лель пошел преподавать, доцентом. Вполне доволен, до сих пор обучает студентов физике. Лель считает, что каждый человек, живущий на земле, обязан знать физику. У него даже возникла целая теория возрождения нашей страны. Просто надо каждого обучить физике. Это вызывало вечные споры между нами. Лель считает, что каждый должен физику знать. А я - что каждый должен в церковь ходить. Видимо, оба неправы.

В институтах, где мы работали, практически все были членами партии. Так было устроено в среде преподавательской. Ассистент, получающий 110 рублей, хочет стать доцентом? Не все умны, не все способны, - а хочется! Для этого вступает в партию, ведет общественную работу. При очередной аттестации все это берется в расчет руководством. И общественная работа одного перевешивает талант и знания другого молодого специалиста. А уж тем более не было в МВТУ ни одного беспартийного доктора наук.

Мне все вокруг говорили, - чтобы в таком возрасте защитить докторскую, существует один путь. Необходимо выступить на международном конгрессе по литью. Конгресс проводился раз в четыре года. Как раз в шестьдесят пятом году литейщиков принимала Варшава. Готовилась делегация советских литейщиков, тридцать пять человек. Мои знакомые профессора делали все, чтобы я попал в число этих тридцати пяти.

Но беспартийному дорога в Варшаву была наглухо закрыта.

В альпинизм я попал в общем-то случайно. Во времена моего студенчества лыжники и альпинисты тренировались совместно. Бегали, ходили в загородные походы. Вместе пели песни. Но лыжных песен не было, поэтому все вместе пели альпинистские.

В декабре пятидесятого года я жил под Москвой, на станции Турист. В доме отдыха, в котором наш институт устраивал той зимой спортивные сборы. Дом отдыха был нашей базой - спальней, столовой, местом отдыха. Правда, отдыхать почти и не приходилось. Вокруг громоздились холмы, запрокинутые над небольшой речкой. Сосны и ели словно окантовывали-околдовывали лыжню. Одетые снегом, прекрасны подмосковные леса, словно зачарованные великаны - громадины сосен, как принарядившиеся на Рождество скромницы - елочки. Но мы ничего этого не видели. Не замечали. Мы бежали в подъемы. Осуществляли тренерское указание - победы в гонках рождаются в подъемах, в тренировках. По понедельникам - "скоростная". Подъемы короткие, по пятьсот метров, но бежать их надо в полную силу и выкладку. По вторникам - "переменная". Длинные двухкилометровые подъемы продолжались равнинами, затем долгими спусками. По средам мы уходили в далекие многочасовые походы, эти тренировки назывались - "выработкой выносливости". В следующие три дня цикл повторялся, и только в воскресенье - отдыхали, парились в бане, смотрели кинофильмы, которые крутил на ручном аппарате массовик-затейник.

Но один раз снизошло на меня просветление. Взлетели мы, дыша как лошади, на вершину холма и остановились, зачарованные. Воткнули палки в снег, стояли и любовались зимним лесом, догорающим днем, розовеющим в предзакатных лучах снегом, солнцем, холодным красноватым диском опускавшимся за горизонт... Высох пот, мерзли спины. Вечернее небо переливалось, меняло цвет. Я говорил, я почти кричал Владу Хатулеву:

- Мы идиоты! Подъемы, тягуны, ничего не видим вокруг. Он согласно кивал в ответ. Постояли, повозмущались. И продолжили тренировку.

Наш новый тренер Николай Иванович Кузьмин пришел работать к нам в МВТУ из сборной Союза. Он полагал тренировку только тогда пошедшей на пользу, если спустя час после ее окончания все еще не утихает дрожь в пальцах.

- Вытяните руки вперед. Пальцы дрожат? Хорошо потренировались, молодцы, ребята!

Кузьмин был высоким, широкоплечим, по-цыгански смуглым. Он скользил в подъемы лучше любого из нас, - движенья его были по кошачьи мягки. Мы любили своего тренера. Он отвечал нам взаимностью, но вида не показывал. Он был суров и строг.

И очень редко улыбался.

Наши девчонки решили подшутить над нами. В ночь с воскресенья на понедельник посрезали с наших штанов все пуговицы. Да еще не поленились, каждую штанину зашили.

В семь утра, как всегда, скомандовали подъем. Все хватают штаны. Пытаются надеть, - но ноги не пролезают. Распороли, разодрали штанины, влезли, - а они не держатся, не на чем. Утренняя зарядка-тренировка была сорвана. Двадцать парней и с ними тридцатилетний тренер целый час пришивали пуговицы, отыскивая необходимые в коробочке из под конфет. Молодцы девчонки, не пожалели, не испугались и тренера. Не будь так, - он сидел бы и посмеивался над нами. Да еще бы и ругал за то, что медленно шьем.

Но Кузьмин сидел и шил вместе с нами. Был чрезвычайно мрачен, долго сердился на шутниц. А мы - не могли не смеяться.

Заводилами в розыгрыше выступали альпинистки Ольга Тимофеева и Ника Домова. За маленький рост их называли "кнопками".

После этой истории я положил глаз на Олю. До этого - девчонка и девчонка. А после - стала нравиться. Кончилась вся эта история через год свадьбой, через семь - разводом. Кончилась тем, что, вопреки собственной предубежденности по отношению к горам, я следующим летом отправился именно туда. Горы надолго стали моей обителью, а восхождения - целью жизни.

Ольга жила в общежитском корпусе недалеко от института. У них в комнате часто устраивались всякие сборища, празднования. Знакомые ребята-альпинисты рассказывали о горах. Но меня эти рассказы не трогали. Я думал, думал совершенно справедливо: "Умный

в гору не пойдет, умный гору обойдет". После третьего курса многие мои друзья-лыжники поехали на Кавказ, в альплагерь. Но я - не поехал.

В нашей стране еще с довоенных времен альпинизм, как школа, строился по ступеням. Были альпинистские лагеря, в которых в течение смен - двадцатидневок - проходят этапы обучения. Сначала учатся лазать по простеньким скалам, потом ходить по льду. Все под наблюдением и руководством инструктора. Все обучение происходит за счет государства, инструктора за свою работу получают зарплату.

Подготовка проходила, как и все в стране, из расчета на участие в будущих войнах. Главное в таком обучении - железная дисциплина, без дисциплины нет ничего. Но молодость брала свое. Было за тот летний сезон у ребят много приключений, веселых и не очень. Инструктор им попался замечательный. Наш же, институтский, Игорь Ерохин.

Вокруг Игоря Ерохина кипела в те времена вся спортивная жизнь института. Игорь одновременно был и капитаном лыжной секции, и капитаном легкоатлетической секции, - прекрасно бегал кроссы, - и капитаном секции плавания, - прекрасно плавал брассом, - и капитаном баскетбольной сборной, в которой играл лучше всех.

Полненький, рыхлый, - никто никогда бы не сказал, что спортсмен, - умный взгляд, приятная улыбка. Игорь был тем человеком, на кого я равнялся, на кого я буквально молился в те времена. Он не просто обучал азам альпинизма, не просто учил жить в горах, выживать в горах. Он учил ребят никогда не падать духом, учил жить весело и бодро.

Там где был Ерохин - всегда жизнь была ключом, бурлило веселье. Даже когда он просто шел по улице, казалось, - улица должка просто покатываться со смеху.

Ребята с воодушевлением рассказывали о разных хохмах, подколках, розыгрышах, которые они устраивали летом. Раз подложили девчонке одной в постель осла. Ночью она приходит - а ее место занято. Сдернула одеяло - а там осел! Или заперлись в обоих туалетах, - мужском и женском, - а вылезли через окошко. С утра выстраивается очередь. Сначала ждут, терпеливо, отрешенно, потом зреет недоумение, - кто же там застрял, что за

...

Такие рассказы разжигали мое любопытство. Но главным побуждающим фактором, конечно, была Ольга Тимофеева. Оля была всего на курс старше меня. Но в альпинизме к тому времени достигла уже заметных успехов, была кандидатом в мастера, да даже почти мастером.

И когда я заканчивал четвертый курс, - никаких сомнений не было. Я собирался в горы. Собирался вместе со своим другом Владиком Хатулевым. Владик ехал уже второй раз, в предыдущем ходу он прошел одну смену на Кавказе.

Мы получили в профкоме путевки в лагерь "Накра" на последнюю, сентябрьскую смену. Последняя смена считалась не слишком удачной, погода постепенно начинала портиться, часто восхождения срывались. Но друг мой Владик не мог поехать в другое время. Там же, в профкоме, нам, как заслуженным спортсменам, выдали деньги на дорогу. В альплагере я рассчитывал увидеться с Ольгой.

Альплагерь "Накра" был организован совсем недавно. По южную сторону Кавказского хребта это был, кажется, единственный лагерь. Путевки необходимо было сначала отметить на перевалочной базе альплагеря в городе Зугдиди. А уже из Зугдиди нас должны были на машине поднять наверх.

До Зугдиди мы ехали на поезде. Всю дорогу проспали. На перевалочной базе нам не очень обрадовались. Оказалось, что "Накра" закрыта. На горной дороге улетела в пропасть машина с новичками, из-за трагедии лагерь закрыли. Дорога по ущельям сплеталась невообразимым серпантинном. А главное, - никто не следил за количеством выпиваемой шоферами чачи.

Ольга уехала домой, в Сарапул. Путевки наши не пропадали. Нам предложили вместо "Накры" провести те же двадцать дней в хорошем санатории в Бакуриани. Те, кто с нами разговаривал, начальство, считали, что нам невероятно повезло. Вместо каких-то гор,

вместо того, чтобы таскать тяжелые рюкзаки, - тихий цивилизованный отдых в красивом месте, С недоумением смотрели они на то, как огорчены мы закрытием лагеря.

Всего нас было человек шесть. Мнения разделились. Мы с Владиком уговаривали всех как можно быстрее бежать через перевал в другой лагерь, в "Алибек". В "Алибеке" были знакомые инструктора, оба лагеря принадлежали одному и тому же спортобществу. Мы надеялись на то, что наши путевки подойдут и там, тогда мы сделаем смену, не потеряем этот сезон. Более разумные и трезвые головы убеждали нас, что в "Алибеке" нас не примут. Главным противником нашей задумки выступила Галка Ванина. Положение осложнялось еще и тем, что Хатулев был в то время влюблен в нее, ухаживал за ней.

В Зугдиди сходились два направления железной дороги. И на Сухуми, через который лежала дорога в "Алибек", и на благословенный Бакуриани. Мы стояли на платформе. Первым отправлялся поезд на Сухуми. Галка держала в руках все наши путевки. Хатулев колебался. Я уговаривал. Наконец выхватил у Галки две наши путевки, и мы вскочили на подножку последнего вагона.

Поезд нес нас к морю. Билетов мы, естественно, не брали, деньги, выданные нам на дорогу, давно кончились. Опасаясь встречи с контролерами, мы залезли на крышу. У нас была с собой веревка, - ведь мы ехали в горы! - которой мы и привязали себя к трубе, чтобы не свалиться с крыши на крутом повороте или во время сна. Но вскоре выяснилось, что в этих теплых краях совсем не всегда тепло. Почти всю ночь напролет мы продрожали, но под утро дохнуло ровным солоноватым теплом. Мы подъезжали к Очамчирам, к морю.

Уже перед самым Сухуми мы спустились со своего насеста и ехали как люди, в тамбуре. Ни я, ни Владик до того в этих местах не бывали. Слышали, знали по рассказам, что надо на автобусе подняться до упора, до конечного пункта, а дальше топтать ногами вверх и вверх, через Клухорский перевал.

Сухуми - столица Абхазии, но сразу же выше начинается другая страна - горная страна Сванетия. Сваны не были репрессированы в темную глухомань сталинских времен как многие горские народы, как чечены, балкарцы. Но нелады с советской властью случались постоянно. В альпинистских кругах ходили рассказы, страшные рассказы о том, как сваны не любят туристов, приходится туристам ходить через Клухор, собираясь огромными толпами, под охраной грузинской милиции, со всеми мерами необходимой предосторожности. Особенно поражал красочностью слышанный нами рассказ инструктора Доброхотова. Просто дух захватывало, - как он с двумя девушками шел через перевал, как захватили их сваны. Связали, положили поперек седел, повезли в дальнее потаенное место. Там посадили в землянку и поставили двух часовых. И ушли решать, - как делить добычу, кому достанутся девушки. И вот тогда храбрый инструктор отнял винтовку у часового, застрелил обоих и увел дрожавших от ужаса девиц из страшного места. Спас из грязных лап.

Вся история звучала правдоподобно, мурашки по коже, как представишь себе все это воочию.

Мы с Владиком решили именно бежать через перевал, - ведь не одни мы такие умные, ведь из "Накры" многие захотят перебраться в "Алибек", возникнет конкуренция, в которой предпочтительнее было бы быть первыми на месте. Мы должны были всех обогнать.

В последнем сванском селении, куда доехали мы на автобусе, у остановки на корточках сидела группа местных ребят и что-то оживленно обсуждала. Мы подошли узнать дорогу. В ответ они медленно, как бы нехотя, объяснили. Мы вежливо попрощались и побежали. Рюкзаки не мешали такому темпу движения. У каждого за спиной в брезентовом мешке болталось по свитеру, по бритвенному прибору и по паре домашних шерстяных носков. Почему-то мы считали, что необходимо в горах каждый день бриться, еще бы, ведь я собирался ухаживать за Ольгой, а Владик - за Галкой. Никогда в жизни я больше не брал эту вещь с собою в горы. А носки шерстяные, хорошей плотной вязки, просто жизненно необходимы в горах. Бывалые альпинисты меня учили, что главное в горах - это запасная

пара шерстяных носков. Руки всегда можно погреть, руки близко, а ноги далеко, их никуда не перепрячешь. Сухие ноги - значит, тепло, потому и нужны носки запасные обязательно. В случае крайней нужды их и на руки натянуть можно вместо варежек, даже и на голову. А вот на ноги варежку не наденешь, фактура не та.

Бежим. Дорога вьется среди чинар, забирается все выше и выше. И чем выше - тем более похоже на среднерусскую природу. Березки, осинки. Вот уже и совсем - словно по подмосковному лесу бежим. Только вот все в горку и в горку. Бегать по лесам - дело привычное, успокоились мы, забыли про все страхи.

И вдруг - два всадника впереди дорогу пересекают. Сваны. За плечами - винтовки, за поясами - кинжалы. Все в черном, серьезные, хмурые. Тут мы задрожали. Все понятно, - те ребята на автобусной остановке нас направили, а вслед навели этих! Все, сейчас нас убивать прямо здесь и будут. Но почему-то всадники не проявляли к нам никакого интереса. Поравнявшись, мы, в душе немея от страха, спросили у них дорогу. Один скупое, в полслова, объяснил нам, как идти дальше, и горцы поехали своей дорогой, а мы побежали своей. Они просто всегда хмурые, не улыбочивые, серьезные, - сваны. Чтут семейные связи, кровные узы, потому черную одежду носят почти круглый год, почитая память родственников, близких и дальних - всех.

Когда мы подходили к "Южному приюту", была уже глубокая ночь. Мы заночевали в летнем домике пастухов. Нашли большой казан, немного кукурузной муки было у нас с собой, набрали щепочек, развели огонь. Приготовили кашу и чай. Легли спать, а у изголовья положили раскрытые два перочинных наших ножика. Но ночь прошла спокойно, никому мы со своими свитерами и бритвенными приборами не были нужны.

Поутру мы побежали дальше, к Клухору. Я еле-еле поспевал за Хатулевым. Он ведь в те времена был уже чемпионом страны в лыжных гонках среди студентов, бегал очень быстро. Все мои мысли были только об одном - как бы не отстать. Пробежали, и не заметив, перевал. Не заметив трупов немецких солдат, о которых тоже ходили легенды. Правда, на многих кавказских перевалах до сегодняшнего дня можно найти гильзы, каски, невзорвавшиеся мины, - свидетелей минувшей войны.

Промахнув Северный приют, мы наконец-то спустились в "Алибек".

Оказалось что действительно мы почти всех опередили. Раньше нас добралась до лагеря только одна девушка. Правда, других таких не нашлось. Больше из Зугдиди никто не перебрался, Бакуриани - действительно райское место.

Кстати, эта девушка тоже была новичком в альпинизме, зато занималась греблей. Через несколько лет Зося Ракитская стала чемпионкой Европы. А горы - остались лишь в воспоминаниях.

Конечно, в "Алибеке" путевки наши принимать отказались. В бухгалтерии даже разговаривать не стали. Оставалась наша последняя надежда - идти уговаривать начальника лагеря.

Сандро Гвалия по профессии был природоведом, изучающим горы. Потому вся жизнь его проходила в горах. Он любил горы. Он любил их так, как только преданный и почтительный сын умеет любить свою мать. Сандро очень хорошо относился к молодым, начинающим, старался привить каждому новичку такую же любовь. Он спас нас. Он не мог просто оставить нас на собственный страх и риск. Он предложил нам работу на кухне, а на время восхождений - вносить в бухгалтерию деньги за наше питание. И еще, он помог отправить нам сразу же телеграмму в правление спортобщества "Наука" с просьбой переоформить наши путевки из одного лагеря в другой.

Так началась моя жизнь в альпинизме. Не совсем законно, совсем не традиционно. Занятия я мог посещать не все, а только наиболее важные. Владике было полегче, занятий у него почти не было, но на третий разряд ему необходимо было участвовать в нескольких восхождениях. Из-за плохой погоды все эти восхождения совершить не удалось, Владик остался без разряда. Зато я на значок наработал. Деньги наши таяли, а ответа на телеграмму все не было и не было.

Я вышел со своей группой на последнее восхождение, совмещенное с перевальным походом. Целью нашей была несложная вершина Сулахат. Темп движения был достаточно высок, мы боялись не успеть из-за подступавшей непогоды. Залезли на перевал, на вершину. Спускались уже в сплошной снежной круговерти. Смена была сокращена до шестнадцати дней.

Все потихоньку разъезжались. Мы тянули до последнего, по три раза на дню бегали узнавать, не пришла ли телеграмма. Но ответа не было. Настал последний срок. Мы уже закидывали свои вещи в машину, когда вдруг услышали крик: "Белопухов, Хатулев, - в бухгалтерию".

Это была та самая телеграмма, разрешавшая принять наши путевки в "Алибеке". Нам выдали все наши деньги, да плюс еще за работу на кухне. Сандро крепко пожал нам руки, пожелал счастливого пути, и мы рванули бегом обратно к машине.

Самой короткой дорогой в Москву было добраться на машине до Черкесска, сесть на поезд и через двое суток приехать в столицу. Но мы решили гульнуть, вместе со знакомыми инструкторами махнули к морю, к шашлыкам и молодому абхазскому вину.

Инструктора были по сравнению с нами людьми богатыми. Они, во-первых, были старше, не студенты уже, а инженеры или преподаватели, а во-вторых, получали за работу в горах деньги. Они, в отличие от нас, вполне могли позволить себе отдохнуть после долгого сезона. И чего мы увязались с взрослыми людьми?

И мы жили в Сухуми, ели шашлыки, фрукты, пили молодое "маджари", но в некоторый момент все же опомнились. Опомнились, когда в кошельках осталось по десяти рублей. Этого было достаточно только на самый дешевый билет от Симферополя до Москвы. Но от Сухуми до Симферополя еще столько же по расстоянию!

Идею подкинули наши же инструктора. Они собирались возвращаться домой через Одессу. По морю. А в те годы между Сухуми и Одессой курсировал теплоход "Россия", огромный океанский лайнер. Еще до войны служил он плавучей резиденцией Гитлера, а во время войны был взят нашими в качестве трофея. И вот теперь служил простому советскому народу, а не фашистскому главарю.

Самое интересное заключалось в том, что билет при входе на корабль не проверяли, не спрашивали. Билет необходимо было предъявить на выходе. Нам с Хатулевым долго думать не надо было. Решили: "Как-нибудь выйдем, что-нибудь придумаем". Мы устроились прямо на палубе.

Корабль действительно оказался великолепным, как и положено резиденции. Был даже бассейн, в котором купались только мы, поскольку сентябрь выдался достаточно прохладным. Нам, ехавшим без билета, хотелось познать все прелести морского путешествия.

Ночью спали прямо на палубе, подложив рюкзаки под себя, надев свитера и завернувшись в плащи.

Очень хотелось есть. Поскольку смена закончилась на четыре дня раньше положенного, нам выдали продукты на оставшиеся дни сухим пайком. Естественно, в Сухуми, где мы питались шашлыками да фруктами, пайки были забыты и затеряны в глубинах рюкзаков. Но теперь все пошло в дело, все пригодилось. Быстро исчезли сгущенка и тушенка. Осталась одна крупа. Мы пробрались на кухню и попросили разрешения на краешке плиты сварить свою перловку в своем же котелке. Молодая повариха кивнула, даже не дослушав просьбы.

Мы засыпали крупу в котелок с водой, стояли рядом, помешивали, поминутно облизываясь.

Но тут на кухню вошел повар-грузин, видимо, главный тут. Он жутко рассердился, когда увидел, что мы варим в своем котелке. Выплеснул содержимое в бак с помоями, открыл огромную кастрюлю и наложил в освободившийся наш котелок какого-то мясного варева. Наложил от души, с верхом. "Мы пока еще не нищие. Кончится - приходите еще", - и выставил нас за дверь.

Мы даже потратили несколько лишних копеек, - посидели в ресторане. Все вокруг пили вино, ели экзотические блюда, а мы все фантазировали, - вот здесь стоял Гитлер, а здесь Риббентроп или еще кто. Столики, инкрустированные золотом и перламутром, огромные зеркальные витрины, витражи, дорогие картины, все вокруг помогало представить обстановку роскошного логова зверя.

Официант чуть не лопнул от досады, выполняя наш заказ, - бутылка минеральной воды. Сами понимая всю глупость собственного положения, быстро выпили воду и смылись.

Приближалась Ялта. Именно в Ялте собирались мы покинуть гостеприимный борт теплохода. Собирались, хотя не знали еще, - как нам это удастся. Не хотелось даже и думать об этом. Спросят билеты, поймают, - и что тогда? В тюрьму посадят! Или отправят все же в Москву, а уже там - посадят.

Что делать?

Но решение нашлось, очень простое решение. Дело в том, что на выходе билеты проверялись, но не у всех. Только у тех, кто сходил на берег с вещами. А тех, кто шел просто прогуляться по твердой земле, - не беспокоили. Ура! значит, надо попасть в разряд людей, идущих прогуляться. Но куда при этом девать все наши вещи?

Пришлось натянуть на себя все, что было, по два свитера, по двое штанов. Хорошо, что тогда физкультурные штаны очертаниями более походили на шаровары запорожских казаков. Все, что еще оставалось, распихали по штанинам, Хатулев умудрился даже трехлитровую кастрюлю в штанину схоронить. Рюкзак свой каждый положил на руку, сверху прикрыв плащом.

Да, видать, со стороны смотрелись мы солидно. С важным видом, с плащами через руку, мы сошли в Ялте на крымский берег. Было четыре часа утра. Забежав за какой-то домик, прямо на пристани, мы срывали с себя свитера, штаны, вытаскивали вещи, распихивали по рюкзакам. Представьте себе изумление наблюдавшего всю эту картину случайного милиционера, которого мы сначала и не заметили, а когда заметили, - поздно уже было тушеваться. А он, видимо, ошарашенный всем происшедшим на его глазах, не рискнул к нам подойти.

Я был в Крыму. Я впервые был на своей татарской родине.

В Крыму, где, как я помнил по рассказам матери, должны были меня встречать гостеприимно, дружески, виноградом, чебуреками, вином и шашлыками. Я был в сказочном краю, где хозяева радушно пускают ночевать усталых путников. Где живут трудолюбивые и приветливые люди.

Но ничего не было. Не пахло мясом, не свисал виноград гроздьями, а весь путь от Ялты до Симферополя нам пришлось идти пешком.

Татары были давно высланы. Под Украину Крым еще официально не отошел. Но заселялся в большинстве своем украинцами. Как могли себя чувствовать эти переселенцы в чужом разоренном доме? Тревога и боязнь сопутствует тому, кто водворился в покинутый дом.

На нас смотрели с подозрением, с плохо скрываемой враждебностью. Никто не приглашал войти в дом, разделить трапезу с хозяевами. А самим просить было неудобно.

Шли мы в трусах и легких спортивных тапочках, в руках - посохи, за спиной - рюкзаки. Один раз на повороте, - а там вся дорога из одних поворотов и состоит, - попался нам старый дед, стерегущий готовые к отправке ящики с виноградом. Вдохновившись испугом его, вызванным нашим появлением, мы подошли:

- Дед, виноградом-то угости!

Трясущимися руками отсыпал он нам килограмма три, - наконец мы узнали вкус настоящего крымского винограда. А то по дороге попадались лишь одичавшие лозы с кисло-терпкими ягодами. А рвать с виноградников мы не решались, местные жители сторожили свои сады с собаками.

А бедный наш дед, глядя в спины удалявшихся двух молодцов, благодарил в душе Бога за то, что жив остался, что отделался так легко.

Долго ли, коротко ли, но доплелись до Симферополя. Я вошел в город, в котором родился, в котором провел первые два года своей жизни. Этот город я знал наизусть. Я пришел в город, о котором так часто слышал от матери. В город, который я так любил...

Крым - мой, воображаемый, и Крым - настоящий, - оказались несхожими. И эта огромная разница, это разочарование, - настолько расстроило и разозлило меня, что я не хотел более и видеть ни улицы Володарского, ни дома, в котором когда-то жила наша семья. Я сказал Хатулеву: "Хватит, ничего не хочу видеть! На поезд - и домой!"

Мы взяли билеты на самый медленный, самый пассажирский поезд. На оставшиеся шестьдесят копеек закупили две буханки черного хлеба. Штурмом взяли общий вагон, залезли через окно быстрее всех, захватили две третьих полки. Расстелили вещички под себя, чтоб помягче лежалось, и завалились спать.

Без всяких приключений добрались до Москвы.

Так закончился мой первый сезон. Надо сказать, что в горах мне не просто понравилось. После тяжелых лыжных тренировок хождение на высоте казалось легким, развлекательным. Только-только получив значок, я уже думал о том, как бы побыстрее сделать мастера. Это не казалось мне сложным делом. А с другой стороны, если не брать тщеславие в расчет, я действительно влюбился в горы.

Вернувшись в родное общежитие, мы с Владиком написали благодарственное письмо приютившему нас Сандро Гвалия. Просто так написали, от избытка чувств. Спасибо, мол, что не выгнал, помог сделать первые восхождения, дал возможность открыть для себя новое и прекрасное.

Другой бы, наверное, не ответил. Гвалия прислал ответ. Я храню этот небольшой листок бумаги уже более сорока лет. В этом письме, по-моему, содержится ответ на вопрос - зачем люди идут в горы.

"5.10.51 г. Лагерь "Наука-Алибек"

Дорогому Владилену Алексеевичу и прекрасному Андантину Константиновичу !

Ваше содержательное и полное здорового юмора и студенческих приключений письмо получил... Очень тронут вашим вниманием. Вы произвели прекрасное впечатление. Будем рады вновь видеть вас в горах Кавказа... Независимо от того, чем вы будете заниматься в жизни, - альпинизм должен быть основной и могучей силой формирования в вас духа, склонности к героическим приключениям, мечтаниям и достижениям побед над снежными вершинами. Альпинизм вообще вырабатывает чувство свободы и независимости, помогает жить, понимать мир, - знания становятся богаче, а процесс познания - радостнее.

Желаю успехов в учебе, и одновременно готовьтесь к лету 52 года!

До скорой встречи! Пишите С уважением Сандро (Александр Иорданович) Гвалия".

Глава 2. ВЕРШИНА

В пятьдесят восьмом году нашей целью была Победа. Гора, названная так в дни войны, на рубеже сорок третьего, отрядом военных топографов под началом полковника Рацека. Именно им удалось обнаружить четвертый семитысячник, находящийся на территории нашей страны. Да еще какой! 7439 метров над уровнем моря, только пик Сталина выше - на 56 метров всего.

Мы решили победить Победу. Причин тому было множество. Отношение числа погибших на горе к числу побывавших на ее гребне было очень велико. Двадцать восемь на восемь. Самый северный семитысячник планеты, самый суровый, самый страшный.

С Игорем Ерохиным мы задумали это восхождение зимой пятьдесят седьмого. Понимая, что Федерация альпинизма просто так не разрешит это восхождение, решили провести летнюю альпиниаду на Кавказе. Район выбрать было чрезвычайно просто - Безенги, два соседних ущелья, в которых находятся почти все пятитысячники Европы. Холодный,

высокий, ледовый, - по условиям восхождений он приближал нас к Тянь-Шаню. Победа тогда была лишь мечтой, мы пока что никому не говорили о своей дальнейшей задумке. Планы на следующий год бродили в нас под спудом, тайно, чтоб никто не сглазил. Мы ехали в Безенги - восходить.

К тому времени альпиниады МВТУ проводились при участии многих вузов. Сначала присоединился Московский университет, а как раз тем летом мы могли смело себя именовать "межвузовской альпиниадой Москвы". Участвовали студенты, аспиранты, сотрудники и преподаватели. Всего собралось более пяти десятков. Да еще Ерохин пригласил пятнадцать альпинистов из Чехословакии. В Безенги Игорь намеревался отобрать из них четырех сильнейших, тогда экспедиция на Победу в следующем году получила бы статус международной.

В Безенги тогда дорог не было. Все снаряжение, палатки, кухню, все приходилось тащить на себе, на собственном горбу. В том числе и газовые баллоны, весом в шестьдесят килограммов каждый. Базовый лагерь располагался над ледником, на поляне Миссес-Кош. Прямо над лагерем уходил вверх снежный гребень Дых-Тау, а на юге полнеба загораживала ледовая Безенгийская стена.

Народу было много, а снаряжения не хватало. Я помчался назад, вниз, в лагерь "Баксан". Лагерь этот принадлежал тому же спортобществу, что и все мы, без особых вопросов там отгрузили все, чего не хватало участникам альпиниады, - веревки, крючья, карабины, спальные мешки. Здесь произошла встреча, еще одна случайная встреча, так много изменившая во всей моей дальнейшей жизни.

Я знал Валу Божукова еще с пятидесят четвертого года, знал как очень сильного лыжника. Мы выступали вместе на студенческом первенстве страны в Тарту, жили в одной комнате, спали на одних нарах. И очень много говорили - об альпинизме, о лыжах, о жизни. Валентин оказался заядлым спортсменом, воспитывал в себе боевой дух на лыжне, а заодно быстро продвигался вверх по лестнице альпинистских достижений. До первого разряда тем летом ему не хватало "пятерки". Начальником учебной части в "Баксане" был мой хороший знакомый Игорь Смирнов. Покидая лагерь со всем полученным мною снаряжением, я попросил его устроить Вале пятерочный выход. Авось пригодится. Пригодился, да еще как! Я попрощался с Валентином. Снаряжение везли лошади, поэтому я убежал вперед, чтобы засветло вернуться на нашу базу. Поужинал и лег спать. Минут десять спал всего - да так глубоко, что трясли и трясли меня, будили, будили, спрашивали - что делать. Необходимо было выходить наверх. А я не мог никак продрать глаза. Но надо было вставать. Сверху, с ледяных склонов Дых-Тау, подавали сигнал тревоги. Я был на наших сборах начальником спасательной службы.

Сигнал тревоги во тьме... Шесть раз в минуту мигает фонарь, потом перерыв, - и опять шесть раз в минуту. Иногда это бывает - галлюцинация, иногда звезда, подошедши под склон, мерцает. Но на этот раз сигнал - настоящий, четкий, зовущий. Мы и подтверждение получили от спустившейся группы.

Как начспас - и как один из сильнейших - я возглавил первую спасательную группу из шести человек. В нашу задачу входило - как можно быстрее подойти к месту происшествия, выяснить, уточнить, - что произошло, кто пострадал, оказать первую помощь. При свете налобных фонариков мы поднимались. Сначала по осыпям, потом вышли на скалы. К рассвету подошли к группе ребят, из рассказа которых можно было составить первое представление о случившемся. Они видели, - летела связка, застряла где-то выше, ночью оттуда слышны были стоны. Сами эти ребята подойти в темноте не решились, но подали сигнал бедствия.

А в моей команде во время ночной гонки отваливались один за одним. Из шестерых нас осталось только двое. Мы подошли к тому месту, откуда ночью раздавались стоны. Вдвоем, я и Коля Володичев.

Восхождение совершала команда из четырех человек. Туманов и Бланк из университетской секции и два чеха. Связка Туманов-Бланк шла впереди. На льду ребята

сорвались, полетели по кулуару. В конце концов в том месте, где кулуар сужался, их заклинило. По-видимому, они сразу очень сильно разбились, поэтому не могли выбраться самостоятельно. Их стоны и хрипы в ночи были предсмертными. Но их можно было спасти. Чехи не решились спуститься в кулуар. Срыв настолько парализовал их, что они просидели всю ночь чуть выше, на полочке, без палатки, дрожа от холода и от стонов, слышимых снизу. Один из них был врачом по профессии. Но в кулуар они не полезли.

Когда подошли мы с Колей - никаких стонов уже не было. Были два трупа, вмёрзшие в лед. С восходом солнца по кулуару пойдут камни. Тогда от тел ничего не останется. От ребят ничего не останется. Необходимо было срочно вырубать их из льда. Этим мы и занялись. Точнее, - я занялся. Коля, конечно, много сил потерял при подъеме, но дело было совсем не в этом. Для меня Туманов и Бланк были фамилии. Я видел их мельком несколько раз на тренировках. Как всегда и бывает на спасработках, когда не своего, а чужого, я равнодушно крошил лед, освобождая тела из цепкого плена.

Коля был их другом, ходил с ними много лет. Для него - это были тела близких. Я впервые в жизни видел чтоб человека так била дрожь. Коля вроде бы стоял на месте, а его подкидывало на двадцать сантиметров вверх, какая уж тут работа.

Нельзя было терять ни минуты, ни мгновенья. Я с бешеной скоростью вырубал ребят из льда. Это ужасное напряжение сил - осталось в памяти на всю жизнь. Таких моментов было всего два или три у меня.

... Задолго до описываемых событий я выступал (единственный раз в жизни) в районных соревнованиях по велоспорту. Конечно, я ничего не смыслил ни в тактике велосипедной гонки, ни в чем другом, связанным с велосипедом. Просто - сел и поехал. Гонка была групповая, я быстро оказался в лидерах со своим напарником-соперником. Мы менялись, брали поочередно на себя ветер, - только я этого ничего не понимал, я слепо копировал товарища. Мы сильно оторвались от основной группы и финиш должны были разыграть между собой. Но разыгрывать финиш я почему-то решил, увидав на асфальте отметку "три километра". Сейчас я уже разбираюсь, немного, правда, в тактике гонки. Принято финиш разыгрывать из-за спины, за сто метров, за пятьдесят. Но тогда-то я этого ничего не знал. Увидав отметку "три километра" - я рванул. А уж раз рванул, то никак не мог допустить того, чтобы соперник мой удержался у меня за спиной. Этот дикий рывок тоже запомнился мне на всю жизнь. Не то что в памяти, - в мускулах отложился. Только увижу велосипед, - сразу же руки и ноги, чувствую, устали. Он не усидел у меня за спиной. Так мы и финишировали, я впереди, он - метрах в сорока сзади. Долго соперник мой качал головой, не мог поверить, что я впервые участвую в гонке...

Наконец работа была закончена. Удалось освободить ребят из ледяной ловушки. Подошел большой спасотряд. Тела спускали вниз на длинных шестах, подвесив, а я еле-еле добрал до лагеря и свалился. Спал целые сутки напролет. А может, и больше, я даже сам не мог разобрать - сколько я сплю.

Туманова и Бланка похоронили тут же, на поляне. Восхождения продолжались.

Наша группа, не вполне осознанно готовившаяся к траверсу Победы, решила сделать неплохое по тем временам восхождение. Мы замахнулись на траверс сразу всех пятитысячников в массиве Дых-Тау-Коштантау. Да еще начиная с подъема по северной стене на первый из них. Эта стена совсем недавно была пройдена группой Виталия Абалакова. За это восхождение они были удостоены (сами себя и удостоили!) званий чемпионов страны.

Этот траверс запомнился мне тем, что все время приходилось идти впереди. И на стене, и на траверсе. Ни на льду, ни на скалах - никто не мог меня сменить. Сначала пытались, но при этом темп восхождения заметно падал. Я был физически лучше подготовлен, лучше бил крючья, быстрее передвигался по льду. Если меня меняли - скорость восхождения уменьшалась. А это всегда опасно, особенно на таких сложных маршрутах.

Все восхождение заняло семь дней. Стена была пройдена за два. Но на вершине прихватила нас непогода, началась пурга, гроза, ветер ураганный. А вершина Дых-Тау

рыжая, из железных пород сложена. Все молнии метили прямо в макушку, били в наши две палатки, которые пришлось установить на самом верху. Грозовые разряды ударяли в крайнего, вытекали из последнего, из его ботинка. Били в кучу железного снаряжения, складированного подальше от палатки.

Немного известно случаев гибели людей, застигнутых грозой на высоте. На равнине уберечься гораздо труднее. Наверху молнии не имеют такой убойной силы. Нас било по десятку раз, однако не убивало. Помню, делали на Кавказе какую-то вершину. Поднялись на гребень, и тут началась непогода, гроза. Мы знали, что первым делом необходимо в такой ситуации: спуститься метров на десять пониже, оставив все железо наверху. Так мы и поступили, спустились, сидели, дрожали. Только последний из нас - Боб Чайнов - не успел вслед за всеми спуститься, задержался на гребне. Мы отчетливо видели, как у него выбило разрядом из рук ледоруб, как этот ледоруб полетел вверх, а не вниз - как полагалось. Мы видели, как у Боба с капюшона штормовой куртки стекают струи голубого электричества. Посмотрели друг на друга, - а у нас такие же стекают. Боба этим ударом оглушило, он прилег на гребне, но потом живой и здоровый спустился к нам.

Через два дня непогоды на вершине Дых-Тау из одиннадцати человек осталось нас только пятеро. Остальные шесть решили прекратить восхождение, спустились по более простому маршруту. А наша пятерка пересидела, перетерпела, приделала к прохождению стены еще и траверс.

Мы не были первопроходцами на этом маршруте. До нас овчинниковская группа МВТУ делала этот же траверс. Сделала, как объявлялось, за рекордное время. За двадцать пять дней. А мне и все восхождение не показалось таким уж трудным. Ведь когда лезешь быстро - легче идет. Меньше времени мучаешься. Еще и еще раз я убеждался в правильности нашей тактики "скоростных восхождений". Позже это стало называться восхождениями в "альпийском стиле". Именно такой стиль принес в Гималаи Месснер, открывший эпоху покорения восьмитысячников без кислорода. Ведь медленное движение невозможно при таких восхождениях. Длительное время без кислорода организм просто не выдержал бы. За чертою шесть тысяч метров над уровнем моря силы не восстанавливаются. То есть жить на такой высоте невозможно (но месяц пробыть - можно. К примеру, Владимир Машков провел месяц на памирском фирновом плато). Чем меньше времени ты находишься на высоте, - тем более возможно сохранить себя для восхождения на гору.

Окончив траверс, мы лежали на ласковой травке Миссес-коша. Теперь можно было и поговорить, помечтать. Нет, мы уже не мечтали. Мечты обретали зримые очертания. Начался отбор кандидатов в нашу команду. Команду, которая будет штурмовать Победу.

Всего было отобрано пятьдесят шесть человек. Пятьдесят шесть человек - это уже не команда, это настоящая экспедиция. Это была целая жизнь. Отдельно прожитая. Для многих участников, для меня - тоже. Я к тому времени закончил аспирантуру и целый год занимался только одним делом - подготовкой экспедиции. Точно так же, забросив работу над дипломами, готовили экспедицию Володя Шполянский, возглавлявший в то время альпсекцию МВТУ, Локшин, руководивший столь же масштабной секцией в МГУ. Да и всем участникам пришлось основательно потрудиться. В том числе и четверем чехам, - им была поручена часть снаряжения, кроме того, они обеспечивали качественную фотосъемку всего восхождения.

У каждого было свое задание. Все вместе эти задания составляли громадную стратегическую операцию. Работа началась сразу же по возвращении из Безенги. За много месяцев до начала летнего сезона пятьдесят восьмого года.

Так действовал Ерохин. Он и альпиниады предыдущих лет готовил тщательно, продумывал все до мелочей. И все держал в голове. Те альпиниады, когда многие много ходили, чего в обычном альплагере просто не разрешили бы. Игорь был прекраснейшим организатором, умел поставить задачу, умел требовать выполнения. Каждый в течение всей подготовки обязан был отчитываться за свое задание. И - горе тому, кто халатно

отнесся к приказам Ерохина! Такой мгновенно отчисляется из экспедиции. Один или два подобных случая на начальном этапе показали - Ерохин настроен серьезно. И все выполняли все, что поручалось. Уж очень хотелось поехать на Победу.

Никто не мечтал, никто и не думал, что молодым альпинистам удастся выехать на Тянь-Шань, на высоту, чтобы соперничать с маститыми высотниками.

Путь к Победе преграждала нам Федерация альпинизма СССР. Долгие годы ее возглавлял Виталий Абалаков, желчный, жесткий человек, не очень любивший людей вообще и ненавидевший молодежь в частности. Ему казалось (а может - хотелось), что сильнейшей командой является всегда его команда, команда общества "Спартак". Он включил в команду жену, друзей - членов Федерации: Филимонова, Аркина, Боровикова, Кизеля. Они делали достаточно простые восхождения и, будучи сами судьями, присваивали себе медали чемпионов. Абалаков, Филимонов... Эти имена были овеяны легендами, их обладатели заседали в Федерации и считали ерохинскую компанию неопытной молодежью. Неопытной и наглой.

Я всегда был далек от тех, кто хотел бы сделать из альпинизма спорт, кто считает альпинизм видом спорта. Но Ерохин добивался совсем иного. Ерохинский подход превратил альпинизм из прогулки раз в году в дело всей жизни. Благодаря Ерохину многие начали тренироваться со всей серьезностью и тщанием. А не так, как в своих пособиях предлагал Абалаков, считая лучшей тренировкой - зимний подледный лов рыбы. Ведь вот - сидишь, сидишь, один день, другой, а все на льду, холодно, мороз. Так и в горах приходится иногда, если непогода нагрянет, приходится пересидживать в холоде. Или - на стене приходится ждать, пока партнер по связке подойдет. Так тогда многие и готовились.

Сам-то Виталий Михайлович не только рыбачил. Он бегал, крутился на турнике, тело его и в пятьдесят лет было по-юношески мышечно. На дистанциях в двадцать, в тридцать километров Абалаков обгонял на лыжне многих молодых альпинистов. В тридцать седьмом году, на спуске с Хан-Тенгри, Абалаков сильно поморозил руки и ноги. Так что на лыжах он выигрывал у молодых, не имея ни одного целого пальца на руках и полступни на правой ноге. Железный характер! Но скольким он навредил...

Ерохин почему-то был уверен в своей победе над Абалаковым и его федерацией. Игорь спокойно руководил всей подготовкой экспедиции.

Я не верил в то, что Федерация нам разрешит совершить восхождение. А без ее разрешения - мы не могли поехать. Денег у нас своих не было, деньги нам давало государство. Федерация была частью государства, носителем частички власти. Да и ладно, предположим, нашелся бы добрый волшебник, снабдил бы нас необходимой суммой. Все равно мы бы не поехали, дело было не только в деньгах. Восхождение всей команде в целом и каждому участнику в отдельности - не засчитали бы. "Маршрут не был подписан начальством". А начальством был - Виталий Абалаков. Брат Евгения Абалакова, того самого знаменитейшего альпиниста, который в 1933 году один взшел на вершину пика Сталина. Виталия в той экспедиции и близко не было. Он завидовал брату, по-своему мстил ему. Когда мы начинали скоростные восхождения, Евгения уже не было в живых. Смерть его, - при весьма загадочных обстоятельствах, - породила один невероятно устойчивый слух, который многие считали отнюдь не слухом. Но я могу излагать только факты, то что я знаю, что произошло на моих глазах.

По поводу наших скоростных восхождений начали появляться в газетах разгромные статьи, подготовленные с подачи Федерации. Дескать, быстро ходят, значит - не страхуются, значит - рискуют, значит - нельзя так, пора положить конец. В таких условиях трудно было продолжать ерохинскую тактику. И - очень-очень трудно выпарпать разрешение на поездку в самые высокие районы, на Памир и Тянь-Шань.

Мы задумывали восхождение самое трудное. Поэтому на Победу. В те времена считалось, что Победа уже покорена по Северному ребру. И у нас возникла мысль сделать не просто восхождение, а пройти траверсом - подняться по Восточному ребру, на вершину Восточной Победы, потом - покорить саму Победу и спуститься по Северному ребру.

Полным траверсом это назовешь, полный траверс проходится с Востока на Запад. Но просто траверсом - очень даже.

Почему-то называют эту гору пиком. Странно. Маттерхорн, безусловно, пик. Но ни Победу, ни Эверест пиком не назовешь. Это огромные массивы, подавляющие все пространство вокруг. Они устремлены вверх, в небо, - не острием, а всем своим существом. И закрывают, затмевают - полнеба.

Такова Победа.

Когда начинали, когда только задумали зимой пятьдесят седьмого, я кричал: "Давай! Давай сделаем ее, Игорь, это будет классное восхождение!" Сомнений в том, что взойдем, - не возникало. Сомнения были - пустят ли, разрешат ли. Перед лицом Федерации - я уже и не верил в успех. Но Ерохин учил меня альпинизму - мудрому. Лазать я мог и сам. Я был готов к горам физически, но не умственно. А горы, высокие горы, требуют исключительно гармонического сочетания ума и силы. В совместных наших восхождениях роли всегда так и распределялись, я был силой, а Игорь - умом.

В МВТУ, где я к тому времени заканчивал аспирантуру, образовались как бы две отдельные альпинистские секции. Одну половину возглавлял Ерохин, другая оставалась за "стариками". Ее возглавляли Овчинников, Лубенец. "Старики" - это образное выражение. В этой половине тренировались такие же студенты, а Овчинников всего на два года старше меня. Ерохин - на четыре, он и на войне успел побывать. Две секции разделяли не рубежи возрастов. Овчинниковская секция считалась лучшей в Москве. Но мы с Игорем полагали, что тренируются и готовятся они не лучшим образом. У Овчинникова альпинисты хорошо лазали, но плохо бегали. Скоростной подготовкой вообще не занимались. И не хотели заниматься. Глаза и уши их для всего нового были закрыты. Мы, познавшие тяжесть лыжных тренировок, не могли согласиться с пренебрежением к скорости, бытовавшим среди них. Тем более, что тренировки Овчинников проводил по утрам, с семи до девяти, до работы. И это ставилось им в огромный плюс, - ведь основная работа при этом не страдала, времени такая тренировка занимала немного.

Мы же считали - если уж заниматься чем-то, то заниматься серьезно. Иначе - слишком уж любительский подход получается. Но после всего этого люди приедут в горы, где надо будет работать не два часа в день, а и день, и ночь, и не часами, а днями бороться.

Мы бегали очень много, но лазали - слабее овчинниковцев. Поэтому "старики" первыми в Союзе вышли на стены, стали совершать стенные восхождения, мы же больше тяготели к траверсам, к восхождениям высотным, в которых главную роль играли скорость и выносливость.

Я жил в стороне от политики, от всей тайной кухни спортивной жизни. Меня втянули в дразги значительно позднее, когда я достиг некоторых успехов в альпинизме. Лишь спустя много лет я начал понимать, что Ерохин и Овчинников враждовали совсем не из-за методики тренировок и тактики восхождений. Все было глубже и проще. Я узнал, например, что был момент, когда Ерохин в искреннем порыве подал заявление о вступлении в партию. И в этом ему было отказано. Команда стариков этим хотела ему сказать: "Ты не нашего круга".

Трудно сказать, в чем его официально обвиняли. В необычности поведения? Вокруг него всегда царил веселье, смех, шутки. К нему тянулась, у него училась молодежь. А могли так смеяться коммунист пятидесятых? Наверное, нет. Спортивные начальники боялись его порывистой искренности, честности.

Потом я узнал о том, что Ерохин был когда-то изгнан из альпинистских кругов МВТУ, достигал всего в альпинизме в других секциях и обществах. В чем же обвиняли его тогда?

На заре их альпинистской молодости, когда все они - и Ерохин, и Овчинников, и Лубенец - были еще в одной секции (я намеренно не говорю "вместе", потому как уверен, что вместе они не были никогда), произошла такая история. Во время восхождения на одну из цейских вершин на Караугомском плато застигла их непогода. Непогода страшная. И, как я понял из дошедших до меня рассказов, Ерохин тогда якобы показал себя трусом,

уговаривал всех спуститься, говорил, что нельзя сидеть во время непогоды, - она может продолжаться очень долго, а каждый час отсидки отнимает много сил, которые не восстановишь. А растеряв все силы - недолго и погибнуть.

Вот за это он и был изгнан.

Весь мой опыт восхождений, да и опыт многих моих друзей, подсказывает мне, что в той ситуации прав был Ерохин. В непогоду погибали и единицы, и целые команды. Как на той же Победе в пятьдесят пятом году, сразу одиннадцать человек.

О Игоре я должен рассказывать и рассказывать. Ерохин был моим учителем, братом, другом, капитаном. Я преклонялся перед этим человеком во всем, не только в спорте. Он открывал для меня то, что впоследствии становилось частицей меня самого.

Про нашу команду рассказывали истории:

- Идет Ерохинская команда по стене. Впереди бежит рысью Белопухов. Вот подходят к сложной стеночке. Ерохин посылает вперед Белопухову банку сгущенки. Белопухов перед тяжелой работой слизывает эту банку и быстро взбирается на стеночку. Проходит, крепит веревку. Ерохин посылает вперед Белопухову банку сгущенки. Для восстановления сил после тяжелой работы. Белопухов слизывает и ее и бежит рысью дальше. Восхождение продолжается.

Честно говоря, все так примерно и происходило. Но дело не только в самих восхождениях, дело даже не в стиле этих восхождений.

Ерохин создавал новую школу альпинизма. Для того, чтобы как можно больше успеть сделать за сезон, были придуманы альпиниады. Ведь альпинистские лагеря не безразмерны, путевок вечно не хватает. Две смены за сезон удавалось отходить редким счастливым. А хотелось как можно больше ходить. И чтоб контроля, чтоб начальство вмешивалось - как можно меньше.

Для этого всеми правдами и неправдами скапливались какие-то деньги, выбивались в профкоме, вносились самими участниками. И проводились альпиниады. Именно альпиниады стали главной формой организации ерохинской школы. В основе лежали - повышенная спортивность, обязательность тяжелых нагрузок при подготовке и требования прохождения маршрута в максимально быстром темпе, зато с наименьшим риском. Ибо чем быстрее проходит лавиноопасный сброс - тем меньше вероятность попасть в лавину, чем быстрее проходит стена - тем меньше вероятность быть застигнутым непогодой. Понять этого альпинисты старой закалки никак не могли. Так и не смогли до последних дней своих.

Стремление проходить маршруты быстро встречало резкое противодействие Федерации. Прошли траверс Шхельды за три дня вместо десяти, пик Щуровского за сутки вместо трех, поднялись на Ушбу по ледовой северной стене, по нехоженому пути, за одни сутки. Да такого не может быть! Ведь все ходят в три раза медленнее. Значит, тут что-то не так. То, что молодежь может быть лучше подготовлена, - членам Федерации и в голову не приходило.

И все-таки победил Ерохин. Нам было разрешено провести экспедицию на далеком Тянь-Шане. Федерация разрешила нам работать на больших высотах, на склонах семитысячника. Но признать нас достаточно сильными и опытными, чтобы лезть на гору "без присмотра", федерация не могла. Нашу штормовую группу "усилили" тремя сильнейшими альпинистами-высотниками Союза. На Победе ни Иван Богачев, ни Ваню Галустов, ни Петя Скоробогатов еще не бывали.

- Но у них есть опыт покорения пика Ленина, пика Сталина и пика Евгении Корженевской. Всех памирских гигантов, - заявил на заседании Федерации один из ее вождей Михаил Боровиков. "Тянь-Шань - не Памир", - хотел возразить я, но прикусил язык. Буду возражать, подумал, - вообще не пустят.

С чем связана особенная сложность восхождения на Победу? Как я уже многократно повторял, гора эта - самый северный семитысячник. Потому морозы, ветра там страшные. Хорошей погоды практически не бывает. Погода или плохая, или

неустойчивая. Высокий Тянь-Шань начинается с юга склонами Победы. На юг склоны Победы обрываются, продолжаются низкими предгорьями Китая. И - раскидывается пустыня Такла-Макан. Вся влага, скапливающаяся над песками, барханами, собирается в огромные гроззовые фронты. И обрушивается на склоны Победы. Обрушивается ураганскими ветрами, пургой, невероятным количеством снега. Круглый год на склонах - обилие свежего снега, круглый год - лавинная опасность. В ожидаемых, пристрелянных, и неожиданных местах грохочут по склонам лавины. Стекающие мелкие - и не замечаются даже, и в счет не идут, и за лавины-то не считаются.

До ближайшего жилья от базового лагеря на леднике Звездочка - четыреста километров. Четыреста километров бездорожья, перевалов, горных кряжей. Чтобы подобраться к подножию горы, необходимо преодолеть семьдесят километров ледника Иныльчек и еще тридцать языка Звездочки. Ледники искромсаны трещинами, ледопадами, разорваны бурными реками.

На боковую морену ледника Звездочка, туда, где должен был стоять наш главный базовый лагерь, за всю историю восхождений в данном районе ни разу не удавалось совершить заброску грузов с помощью авиации. А притащить все необходимое для пятидесяти шести человек караваном, на лошадях, - не представлялось возможным. Караван все же у нас был. Тридцать шесть лошадей везли часть снаряжения. С караваном гнали пятнадцать закупленных специально на мясо овец. Правда, эта покупка обернулась насмешкою и над бедными животными, и над нами. Овцы тощали на глазах, - и от страха высоты, и от разряженности воздуха, и из-за отсутствия травки под копытцами.

Несмотря на просчет с овцами, свежее мясо у нас не переводилось. Казалось, Ерохин предусмотрел все. Чтобы на подходах всегда было свежее мясо - Игорь включил в состав экспедиции двух не очень сильных альпинистов, зато лучших стрелков в Союзе, Сашу Абреимова и Мишу Шапошникова, чемпионов СССР по стрельбе из боевого оружия. Им разрешалось возить с собой по стране свои шестизарядные карабины. Задачей ребят было на подходах и отходах охотиться на горных козлов, обеспечивать мясом караван. Но вышло все совсем не так, как рассчитывал в Москве Ерохин.

Ребята уходили на охоту и - возвращались ни с чем. Мы показываем - вон там, по краю ледника, бегают козули с прямыми рогами, винторогие архары, каждый весом в сто - сто пятьдесят килограмм, киики, - поменьше, зато мясо их вкуснее мяса рябчика. Наши чемпионы не могли подстрелить ни тех, ни других, ни третьих.

Зато с нами были киргизы, сопровождавшие колхозных лошадей. Их было шесть человек, за каждым закреплено по шесть лошадей. Ерохин платил им зарплату. Знали бы они, что их ждет впереди! Что лошадей придется на снежном поле перевала разгружать и тащить буквально на руках, на себе! Знали бы они, что пять лошадей сорвутся на льду и погибнут! Но трудности были впереди, а в начале караванного пути киргизы еще были вполне довольны жизнью. У них у каждого было по винтовке. Однозарядной дедовской "мелкашке". А приносили они с охоты по три - по четыре туши зараз. Так выяснилось, что умение стрелять и умение охотиться в горах - совсем не одно и то же. Опыт охоты подсказывал - где и когда ходит козел, чем он дышит и как он дышит. Во всем этом разбирались киргизы, впитавшие в себя эту науку с молоком матери. Но этого всего не знали Саша и Миша.

Первостепенной задачей подготовки всей экспедиции было - все-таки придумать способ сбросить грузы в намечаемое место базового лагеря с воздуха. В пятьдесят пятом году, во время спасательных работ, грузы пытались сбрасывать с самолетов, но безуспешно. Все разлеталось в разные стороны, так что найти, собрать и использовать по назначению удалось лишь жалкие крохи.

Значит, необходимо было изобрести что-то новое. И Ерохин придумал. Грузы надо сбрасывать на таких парашютах, которые раскрывались бы только у самой земли. И наши ребята - братья Стрелковы, распределившиеся после учебы в парашютный НИИ, - занялись

разработкой специальных дистанционных трубок, которые, сгорая, давали задержку в раскрытии парашюта. Эта разработка стала их дипломной работой.

Но - где? Где взять сами самолеты?

Если бы на месте Игоря был любой другой человек - не додумался бы ни в жизнь до такого решения. Я просто представить себе не могу, как такая безумная идея вообще могла в голове возникнуть, даже если эта голова - Ерохинская. Но такова была вся жизнь его. Он ставил безумные задачи - и решал их, в голове его рождались безумные идеи - и он реализовывал их. Авиация? А чем нам не подходит военная авиация?

И вот мы с трудом открываем массивную дверь министерства обороны. Дежурный офицер с недоумением разглядывал двух невысоких в спортивных костюмах:

- К маршалу авиации Вершинину!

Произошло чудо. Игорь сумел уговорить маршала провести очередные учения не где-нибудь на Украине, не в пустыне Кара-кум, а в горах высокого Тянь-Шаня. Он сумел убедить Вершинина в том, что учения в горах гораздо полезнее и интересней. Ведь - все равно - те же деньги уйдут, тот же бензин-керосин. А эффект будет гораздо выше. Ведь никто еще никогда в горах не летал!

Это было непостижимо! Я стоял рядом, слушал, разинув рот. Немыслимо, но мы получили "в свое распоряжение" четыре бомбардировщика типа В-2, самые крупные по тому времени машины. И вместе с нами во Фрунзе должен был прибыть весь обслуживающий персонал. Мелочь по сравнению с выброской, но мы еще и сэкономили деньги на том, что из Москвы наши грузы летели бесплатно, на "наших" самолетах.

Вопросы питания Ерохин поручил мне. Кроме того, я занимался общей физической подготовкой команды, должен был вырабатывать для каждого индивидуальный план тренировок. Проводились и общие тренировки - строгие, многочасовые, пять раз в неделю. Много бегали, просто ногами и на лыжах. Лазали по деревьям, по развалинам зданий, дворцов в Царицыно. Живем мы не в Альпах, не в Алма-Ате, где раз в неделю можно сбежать на восхождение, где за год можно так находиться, что никакого бега не надо. В Москве есть только одни горы - Воробьевы. В Москве остается только бег. Мы тогда уже догадывались о том, что и на равнине есть способы подготовиться к высоте, акклиматизироваться. Надо не просто бегать, а бегать - скоростные отрезки. Все время быстро бежать нельзя долго, далеко не убежишь. Зато можно чередовать ускорения и замедления в беге. В других, зачастую очень разных, видах спорта уже известно было давно, что скоростные тренировки очень полезны. Мало кто задумывался - почему. При рывке, при ускорении за минуту совершается огромная работа. За эту минуту человек не успевает ни разу вдохнуть. Это приводит к кислородному голоданию. В горле встает комок. Наверное, всем знакомо это чувство. И чем выше тренированность - тем менее заметен этот комок. А что такое акклиматизация? Это удивительная способность организма подстраиваться под условия разреженности атмосферы, нехватки кислорода. Так вот, приучая себя к кислородному голоданию, мы и решаем задачу перестройки организма.

Питание Ерохин поручил мне вовсе не потому, что я был специалистом в этой области. Просто Игорь понимал, что иду чаще всего первым я. И энергии трачу больше всех. И после этого требую сгущенки. Не зря же про нас с Ерохиным истории рассказывали.

У маститых высотников сгущенка не была в почете. Главная энергия - в мясе, - говорили они. Главная энергия в сгущенке, - отвечал про себя я. Без мяса вполне можно жить, можно ходить, а вот без сахара будешь ползать, - как рак задом. Мясо нужно есть в Москве, во время тренировок. На высоте необходима пища легкоусвояемая, которая быстро расщепляется в чистую энергию и при этом требует немного кислорода. Ведь кислорода не хватает и так.

Конечно, в список продуктов я включил не одну только сгущенку. Пришлось учесть будущую потерю продуктов при сброске с самолетов. Ведь наивно было бы полагать, что все сброшенное попадет в цель, будет найдено и использовано. Поэтому количество

продуктов, предназначенных на выброску, было удвоено. Такая предосторожность оказалась не излишней, но все же чрезмерной. К примеру, та же сгущенка. После удвоения мы собирались сбрасывать две тысячи четыреста банок. Но наглухо был потерян лишь один контейнер из четырех. Так что где-то на склонах Победы до сих пор лежит закованный во льдах огромный ящик с 600 банками сгущенки. Быть может, кому-то еще повезет!

А в распоряжении экспедиции оказалось 1800 банок. Сгущенка лежала горами на всех подходах к Победе. На леднике Звездочка, на первом снежном участке, на ледяном склончике... Когда мы спускались с уже покоренной вершины - на откосе морены, прямо под нашим базовым лагерем, было выложено огромными метровыми буквами "Привет восходителям!". И вся надпись состояла из банок. Многие команды, работавшие в этом районе, еще много лет подряд питались оставшейся после нас сгущенкой.

Помогал мне в работе с продуктами Слава Глухов. Взаимодействовали мы примерно так. Слава приходит и говорит:

- Адик, вот я нашел на подмосковном заводике наборы сухого пайка для десантников, самые лучшие. Попробуй, подойдут ли они нам. Я пробую, качество отличное, то что нам нужно:

- Поезжай на завод, бери у них триста штук.

- Адик, но они сказали, что могут выделить от силы десять. И то с большим напрягом, вещь дорогая, да и секретная.

.....

Все предусмотрел мудрый Ерохин. Сам включил, не спрашивая меня, в состав экспедиции Соньку - золотую ручку. Мою тогдашнюю гражданскую жену. Ему казалось, - так будет лучше для меня.

Соня была очень сильной спортсменкой. И велосипедисткой-перворазрядницей, и волейболисткой. Но на высоте была впервые. Поварихе не требуется подниматься выше базового лагеря, выше четырех тысяч метров. Но привыкала и к этой высоте Соня трудно. Все же справлялась и с головной болью, и с работой. Сонька варила этих несчастных, отощавших, запуганных овечек. Нет, она не была сердобольной, сама же их и резала. Она умела делать все. Но видел я ее очень мало. Первые дни шли вместе, с караваном. Потом я убежал вперед, с продуктами, спасать от голодной смерти наших "разведчиков". Потом караван добрался до базового лагеря, Сонька сварила барана, я поел и побежал вперед, вверх, на разведку. А спустился вниз только через месяц, когда закончена была и разведка, и акклиматизация, и сама Победа была покорена.

Караван. Большинство участников шли с караваном. Вперед убежала только разведгруппа. Восемь человек, среди них Валя Божуков. В экспедицию Валентина приглашал фактически я. Игорь даже и знаком-то с ним не был. Благодаря мне Валя предыдущим летом получил возможность закрыть первый разряд. Не имей он того "пятерочного" восхождения - мы бы не имели права его взять с собой. Не попал бы на Победу, если бы не сделал тем летом Ушбу - знаменитую кавказскую вершину, словно двумя острыми клыками вонзающуюся в небо.

Валентин с ребятами убежал вперед, к Звездочке, к месту базового лагеря, куда самолеты должны были сбрасывать грузы. Передовой отряд расчистил место, установил две большие "армейские" палатки. Продуктов взяли в обрез, чтобы не нагружаться, чтобы как можно быстрее добежать до места.

А в тот год, как назло, стояла небывало плохая погода. Непрерывно снег, снег, снег. Мы пробивались сквозь стену мокрого снега напополам с дождем, а на душе кошки скребли. Продукты у разведчиков были на исходе. А самолеты не могли вылететь из-за непогоды, не было возможности сбросить хотя бы немного продуктов. Нелетная погода! Да и караван, завязая в снегу, запаздывал. Опыта караванного пути почти ни у кого не было, приходилось всему учиться на ходу. Учились вьючить лошадей, учились заставлять их идти по горным кручам вперед.

Запомнилась переправа через Сарыджаз. Река огромная, стремительная, страшная, - катятся огромные валы, чуть что - унесет, и костей не соберешь. Где-нибудь в Китае выловят обломки. А лошадь знай себе плывет, справляется с течением. Она привычная. Но очень страшно сидеть на этой лошади, спокойно минуя водовороты и сбросы. Если глаза открыты - от страха начинает кружиться голова, кажется, ты сейчас свалишься в этот водоворот, бурное течение размажет тебя по огромным валунам. Так что лучше закрыть - но тогда еще страшнее, как будто ты уже крутишься и гибнешь в речной погибели. Ты видел, как переправлялись другие, ты видишь их на другом берегу, живых и невредимых, выжимающих штаны и раскладывающих для просушки вещи. Но не веришь в то, что тебе повезет так же, как и всем. А лошадь знает свое дело и в конце концов, желтого от ужаса, вытаскивает тебя на противоположный берег.

Лошади должны были, по ерохинской задумке, дойти до начала ледника Звездочка, до высоты 4000 метров. Дойти по семидесятикилометровой долине ледника Иныльчек. Но сначала, после Сарыджаза, нам надо было пройти перевал Тюз. Пятитысячный перевал, где уже не было травы.

Шел дождь со снегом, все затянуто было туманом, все выше и выше поднимался наш караван, минуя травянистые полянки с пасущимися на них стадами овец. Пастухов, чинно восседающих на своих конях, и охраняющих стада собак не очень интересовало, куда идут эти люди. Ни один не подъехал к нам, не спросил. Возможно, они впервые видели такое столпотворение в горах, непонятное скопление людей, лошадей и тюков с грузами. Восточный человек - спокойный человек. Раз люди куда-то идут - значит, так надо. Людям этим надо, а ему самому надо - пасти овец.

Чем выше мы поднимались к перевалу, тем сильнее становился снегопад. Снег лежал уже почти метровыми сугробами. А сам перевал, - когда подошли, - оказался завален снегом метра на три. Лошади пройти не могли, даже налегке, без груза. Люди, овцы, лошади, - все сгрудились у края снежной цитадели.

А ребята уже сидели без продуктов на Звездочке. Голодные. И Ерохин посылает меня еще с несколькими быстроногими - на выручку. Было нас четверо. Четверо должны были пропахать все эти снега с небольшим запасом продуктов. С небольшим - чтобы не загрузаться, да и самолеты должны же были когда-нибудь прилететь.

И вот я уже прощаюсь с Сонькой, после нескольких дней, проведенных вместе, в трудах и лишениях, и убегаю вперед.

Погода постепенно улучшалась, но снег не прекращался. Мы бежали, постепенно теряя силы и оставляя "лишние" продукты. Спустились на Иныльчек, который обычно открыт в это время года. Но ледник был на метр засыпан снегом. Мы шли, по колено утопая, шли и шли вперед. Вот уже поворот на Звездочку пройден, еще километров пятнадцать - и мы с ребятами! Но день кончался, догорал. Пришлось заночевать. Продуктов оставалось уже совсем немного, мы выкинули почти все, кроме шоколада, сгущенки и сухарей. Чтобы только немного подкормить ребят, а там все-таки свалятся же когда-нибудь с неба наши четыре контейнера со сгущенкой!

А за нами, оказывается, шел караван. Как ни поспешали мы, - Ерохина сумели опередить всего на день. Он тоже спешил. Ерохин сумел провести через перевал караван. Лошадей переносили на руках. Киргизы пытались бастовать: "Мы дальше не пойдем, начальник, там шайтан! Куда ты нас завел, начальник, отдавай лошадей, мы спускаемся вниз".

Ерохин пресек бунт на корню. Он не уговаривал. Он командовал:

- Молчать! Нанялись - работайте! А не будете работать - расстреляю!

Киргизы поверили, что так оно и будет. За плечами Ерохина был фронт. Он не умел уговаривать, уламывать. Но караван прошел. И отстал в результате от нашей группы всего на сутки. Но это все мы узнали уже потом.

А пока - наступала ночь, мы варили кашу в палатке. Приятнее, конечно, жечь примуса на улице, в палатке вони бензиновой больше, но под снегом готовить невозможно. Непогода гуляла уже пятнадцатый день.

Мы варили кашу, переговаривались, лежа в спальнях мешках. И вдруг почувствовали - что-то не то! Непривычная тишина опускалась на нас. Снег уже не шуршал по скатам палатки. Выглянули - и обалдели. Все небо в звездах!

Следующий день стал первым днем хорошей погоды. Хорошей погоды, которая продлилась до начала нами траверса. Разведка и акклиматизация проходили в идеальных условиях. Ну а на самом траверсе... Снег валил, не переставая, мы летали в лавинах, отсиживались в пещерах. А на спуске - снова засветило солнышко.

Когда мы, выскочившие в чем мать родила, увидели это небо - звездное, широко распахнувшееся над нами - радости не было конца. Возможно, наши восторженные крики могли слышать все, - и Божуков наверху, и Ерохин внизу. Но не слышали. Наверное, сами орали от восторга!

Всю ночь мы ворочались с боку на бок, не могли уснуть. Но утро превзошло все наши ожидания!

Светает в горах рано, раньше, чем на равнине. С первыми лучами солнца, еще сквозь сон, мы слышали далекий приглушенный рев. Постепенно нараставший и нараставший. Это уже был не гул, а рокот. Все ближе и ближе. Опять пришлось вылетать из палатки в том же виде, что и вчера.

Боевым строем, один за другим, шла четверка четырехмоторных "Дугласов". В строгом порядке заходили, ложились на боевой курс. Открывались бомбоотсеки, и оттуда летели контейнеры. Наши контейнеры, подвешенные вместо бомб.

Бомбили с предельной точностью небольшой пяточок морены, где находились наши разведчики. Мы прыгали, обнимались, поздравляли друг друга. Спокойно доели все, что несли для друзей. Ведь у них теперь было столько еды, что хоть лопатой разгребай.

Все же военные - это военные. Свяжись мы с гражданской авиацией - во-первых, неизвестно, сколько денег пришлось бы заплатить, во-вторых, неизвестно еще, когда бы они прилетели.

Через сутки вся и все собралось на месте базового лагеря. Ставились палатки, гудели кухонные плиты, варилась баранина. Я поел и ушел на разведку, вверх, к перевалу Чон-Терен. Именно перевал был выбран - как место выхода на ребро. По ребру следовало подниматься на Восточную Победу. А затем уже подходить к трапеции самой Победы. Левый край вершины достаточно резко обрывается. Зато справа трапеция плавно снижается, и с этого понижения берет начало Северное ребро. До этого места предположительно дошли восходители из группы Летавета - Иванов, Гутман и Сидоренко. К этой точке вышла и команда Абалакова в пятьдесят шестом.

Перед траверсом необходимо было основательно акклиматизироваться. Для этой цели мы выбрали пик Военных Топографов. До нас на этой вершине не бывал никто. Попытка взойти на вершину из лагеря, расположенного на высоте шесть тысяч метров, была не очень удачной. На саму вершину взошли лишь несколько из тридцати. Остальные повернули назад, не дошли три или четыре десятка метров, - день кончался, подступали сумерки, нельзя было рисковать в самом начале работы. Холодная ночевка на таких высотах - дело неожиданное и непривычное. Другое дело - холодная на Кавказе, да и та ни к чему хорошему не приводила.

Постепенно началось движение по Восточному гребню. Потянулись связки, где-то в середине вырыли пещеры. Огромные, просторные, в которых могли при желании разместиться все пятьдесят шесть участников экспедиции. На Кавказе слишком мало снега для рытья пещер, снеговой покров быстро переходит в фирн и лед. Рытье пещер было, конечно, не нашей придумкой. Мы знали, что только с пещерами сможем сделать траверс. Ведь в палатке за семью тысячами, а шли мы выше семи восемь дней, пришлось ночевать только один раз. И слава Богу, ведь только пещера спасает от ураганного ветра,

господствующего на гребне. Приходилось останавливаться рано, -иногда в два часа дня, иногда в четыре, чтобы успеть выкопать надежное "подземелье".

Все познается в сравнении. В пещере мокро и сыро. В пещере холодно. Но пещеру на гребне ничем не заменить. На улице минус двадцать, ураганный ветер, а в пещере около нуля, тихо, слышно только, как примус гудит. Даже не верится, что в двух метрах - беснуется непогода. Единственным неудобством было - когда заваливало вход. Доступ воздуха прекращался, свечи гасли, дышать становилось нечем. Приходилось откапываться. А что с потолка капало, - так и в палатке с крыши стекает конденсат.

Мы вырыли в середине гребня пещеры - и сразу убедились в том, что не зря. Слава Богу, мы не повторяли ошибок экспедиции казахского клуба под руководством Шипилова. Той самой экспедиции пятьдесят пятого года, из состава которой погибло одиннадцать человек. Погибли почти в том самом месте, где мы сейчас отсиживались.

В 1955 году команда Шипилова собиралась покорить Победу. Покорить по тому же самому Восточному ребру. Но штурмовать решили сразу, без акклиматизации, без последовательных выходов. Решили - и пошли. В первый день прошли много. Во второй поменьше. За весь третий - двести метров. На четвертый - поставили палатки в середине гребня. Остановились рано, - силы быстро таяли при подъеме. Они еще и не чуяли беды, не осознавали того, что никуда уже не дойдут, даже вниз!

Мы, кстати, тоже ставили палатки - но только на время рытья. В них пока варился обед, отдыхала очередная смена копальщиков, прямо на вещах. Но вот повалил снег. В течение получаса все наши палатки "сравняло с землей". Мы еле-еле успели выдернуть все вещи и собрать сами палатки. Пещеры были практически готовы.

Потом отсиживались три дня, ждали погоду. Отсиживались, распевая песни, готовя пищу, занимаясь делами, которыми обычно занимаются во время отсидки. Отлеживаться тяжело, бока устают, но деться некуда - приходится лежать. В пещере не побегаешь. Но пещера была - спасением.

За три года до этого все было гораздо серьезнее. Пещеры не было. Палатки через полчаса засыпало полностью. Пока все вылезли, пока успели достать хоть что-нибудь из вещей, - на месте палаток намело сугробы, найти в которых что-либо было невозможно. Достать удалось далеко не все. Кто остался в одном ботинке, кто без ботинок вообще. У кого-то остались носки, у другого - нет. Пропала под снегом большая часть снаряжения. В конце концов они сумели вырыть пещеру. И, обессиленные, завалились внутрь. Так начиналась трагедия.

Непогода продолжалась. Просидев еще день, они поняли, что надо послать за помощью. Продукты остались под снегом, в обрывках палаток. Двойка пошла вниз. Урал Усенов и Суслов. Суслов ушел недалеко - просто лег и умер на гребне. Погода потихоньку улучшалась, но это его не могло уже спасти. Усенов пошел дальше один. Спустился до ледника, но был настолько ослабевшим, что попал в первую же попавшуюся трещину. Уже совсем ничего не соображал. К счастью для него, непогода совсем утихомирилась. Следы, оставленные им, не были замечены. Цепочка следов вела прямо к краю трещины.

Быстро были организованы спасательные работы. Благо рядом, на Северном гребне, в это же время работала узбекская экспедиция под руководством Рацека. Это их пытался обогнать Шипилов, решив штурмовать вершину сразу, без подготовки. Узбекские альпинисты, как никто до них, были близки к победе. Но - приходилось отменять штурм, спускаться, выходить на спасработы. Со всего Памира слетались команды на помощь.

По следам спасатели дошли до трещины. Вытащили Усенова. На удивление всем - он был живой. Пролетев несколько метров, остался сидеть на каком-то уступчике. И провел в ледовой трещине, на крошечном уступчике - сорок восемь часов. После стольких дней борьбы с непогодой, недоедания, обессиливания - еще двое суток в трещине просидел. Выжил, когда другие рядом умирали. На что только не способен человеческий организм!

На следующий год Урал Усенов в команде Абалакова снова штурмовал Победу.

Из остальных участников в живых не осталось никого. Уходили из пещеры вниз двойками, потеряв какой-либо контроль над собой. И никто уже не выполнял обязанности капитана. Еще двоих нашли на гребне. Остальные уходили, срывались, исчезали в белом безмолвии. Тела их не найдены до сих пор.

Естественно, воспоминания о трагедии (а тогда мир альпинистов был невелик, мы знали все подробности) наводили нас на размышления о тактике высотных восхождений. Которую мы познавали на собственной шкуре.

Пересидев непогоду, все спустились вниз. Мы собрались в верхнем базовом лагере, на высоте 5200 метров. Выглядел лагерь оригинально. Место было ровное. Поэтому пещеры были вырыты не горизонтально - в склон, а вертикально - вниз. Это были даже не пещеры, а огромные подземные дома.

На траверс планировалась команда в двенадцать - тринадцать человек, остальные собирались на Восточную Победу. Восточная Победа - сама по себе семитысячник, неплохое достижение.

Но все это только планировалось. А пока - в базовом лагере растянули веревки, на них мирно сушилось белье. Совершенно неожиданный для такого места, для такой высоты пейзаж.

Подытожили первые потери. Примкнувшие к нам альпинисты города Фрунзе, возглавляемые Алимом Романовым, во время пещерной отсидки дрогнули. В первый же день спустились вниз и покинули экспедицию. Но все остальные рвались вверх, к Победе, в том числе - и три девушки, Соколова, Щукина и Анечка Тихонова.

Наконец, белье было просушено, мы вышли огромной группой на маршрут. Сорок шесть человек должны были подняться за один день от пещер на Восточном Гребне до вершины Восточной Победы. Тринадцать из них - с палатками, со всем снаряжением. Тринадцать с Восточной уходят на траверс. Остальные спускаются в тот же день обратно, к пещерам. Чтобы не тащить ни палаток, ни спальных мешков. Тринадцать - остаются ночевать на вершине.

Поднимались тяжело. К счастью, выпавший за время непогоды снег сошел лавинами, а тот, что остался, - держал крепко. Постоянно меняя впереди идущих, вытаптывающих тропу, группа поднималась все выше и выше. Девочек, естественно, вперед не выпускали, девочек не нагружали теплыми вещами. А чехи неплохо тропили, - я и не ожидал в них такой выносливости.

К вечеру Восточная Победа была покорена. Сорок шесть человек - огромная команда стояла на вершине. Впервые столько альпинистов одновременно покорили семитысячник. Но - подкрадывалась ночь. Мы поставили палатки. Ребята пожелали нам "счастливого траверса" и быстро ушли вниз.

Траверс продолжался тринадцать дней. В основном - в непогоду. Приходилось очень туго. Обстановка непрерывно менялась, то приходилось ползти по снегу, настолько он был глубок, то через каждые десять метров загонять крючья в голый лед. Постепенно команда все ближе и ближе подбиралась к трапециевидному бастиону, мрачно взиравшему на нас седым скальным отвесом.

Подойдя под бастион, мы остановились на ночевку, а назавтра решили, оставив палатку, налегке зайти справа, через пологую часть, на самую крайнюю, на высшую точку - по более простому пути, где не нужна была крючьявая страховка. Впереди был участок фирна, который позволял пройти на кошках, поочередно страхуясь через ледоруб, с большой степенью надежности.

Пока что высоту все переносили хорошо. Все, кроме Саши Абреимова. Решили, что он назавтра останется в палатке.

Утром две связки-шестерки вышли на штурм главной вершины. Когда до поворота оставалось сто пятьдесят метров, один из двенадцати остановился и сел на снег. Он не мог идти дальше. Из двенадцати - один. Ваню Галустов, заслуженный мастер спорта, один из сильнейших альпинистов Союза, который придан был нам Федерацией, как более

опытный и сильный - чтобы вести нас к высоким вершинам. Конечно, сказался и возраст, и тренировался не по нашим канонам. Водку пил вместо тренировок. Много мог ее выпить. И поллитра, и литр, и два литра, говорят, выпивал. Звали его - "Черный Буйвол". Водка только удесятряла его силы. На Кавказе он водил молодежь после выпитых накануне бутылок - не моргнув глазом. Но в нашей экспедиции водка не была предусмотрена. Возможно, если бы была - он дошел бы до вершины. Но он - остановился.

Так что теперь из трех приданных нам Федерацией "стариков" в штурмовой группе остался один Иван Богачев. Иван был очень силен, прекрасно бегал средние дистанции. Настоящий альпинист-высотник. И опытный - мог всегда дать дельный совет, в любой ситуации.

А Петя Скоробогатов отстал от всех еще на предварительном этапе:

- Ой, как тяжело, как вы быстро ходите, и мяса не дают, все на сгущенку упирают. Я так не могу, - и просидел все время возле кухни в нижнем базовом лагере. Вместе с Сонькой картошку чистил.

Вано Галустов, Вано Галустов! Если бы знал он, к чему приведет эта его остановка перед вершиной Победы. Какие изменения произойдут в спорте, в стране и в мире! Изменения, потому что Ерохин мог изменить и страну, и мир. Мог возглавить экспедицию на Эверест, мог возглавить весь советский альпинизм. Мог жить еще долго-долго. Если бы все это мог предугадать Вано, сидя на снегу под вершиной, - нашел бы в себе силы дойти. Но кому из нас даровано в жизни чувство предвидения?

Вано надо было спускаться. Вся его связка, пять человек, пошли вниз. Другая - продолжала подъем к вершине. Через пару часов вышла на высшую точку. Как мы и предполагали, сюда еще не ступала нога человека.

Команда Абалакова была совершенно не в этом месте. Не намного ниже, но достаточно далеко по горизонтали. От вершины гребень с еле заметным понижением уходил вдаль. Но высшая точка - выделялась из всего гребня. Всюду на гребне был снег, свисали карнизы. И только здесь - скалы. Мы сложили огромный тур. Не помню уже, что было написано в записке, хотя писал ее я.

Обидно, так обидно было, что нас на вершине было всего шестеро. Наши друзья почти дошли, они были в силах дойти, они уже проделали путь, какой до них никто из советских альпинистов еще не проделывал.

Но тур складывали шесть человек.

Не помню, что написал в записке. Все-таки высота большая. Хорошо еще, что способен был писать. Когда мы вместе с космонавтами проходили медико-биологические исследования - все было гораздо труднее. Труднее голове соображать. В барокамере был такой тест, проверка - насколько ты еще соображаешь. Поднимали долго, сначала с физическими упражнениями, с приседаниями, отжиманиями. Постепенно, в течение двух часов, мы поднимались на высоту девять тысяч метров. Остановки начались с отметки в шесть тысяч. На каждой остановке нам предлагали решить арифметическую задачку. Одну и ту же. Двухзначное число умножить на двухзначное.

На шести тысячах числа спокойно давали себя перемножить, на семи - с трудом, но все же удалось вспомнить, как производятся действия. А вот на восьми - как я ни приставлял цифры, то верхние к нижним, то нижние к верхним, ничего у меня не получалось. Кислородное голодание. Почерк становится каким-то корявым. В барокамере был очень быстрый подъем. Ногами так не успеть.

На Победу мы забирались долго. Но несмотря на всю мою акклиматизацию - я писал записку корявым, незнакомым почерком. Написал, наверное, то, что обычно в записках пишут. Группа такая-то поднялась на пик Победы. А - сколько человек, кто именно, я не упомянул. Это неупоминание сослужило нам потом службу. Напиши я определенно - поднялись шесть человек, - не случилось бы многих драм. А написать, что поднялись все тринадцать - я не мог. Это была открытая ложь. Нас могли бы обвинить в мошенничестве.

Но не случилось ни того, ни другого.

Вниз бежали достаточно быстро. Быстро догнали пятерку, спускавшую Галустова. Оказалось, что и не догоняли. Они не решились без нас начинать спуск. Когда мы все вместе немного спустились - Галустов пошел сам. К палатке подходил "своими ногами".

Потом был спуск по Северному ребру. После небывалых снегопадов - очень опасный спуск. Как ни пытаешься проскочить - склон обрывается лавинами. За время спуска каждый летал в лавинах по три-четыре раза. В маленьких и больших.

В самой страшной летела наша четверка. Лавина пошла совершенно неожиданно. Сорвался весь склон под нами. Сотни тонн снега рухнули вниз. За мгновение все вокруг превратилось в адский кипящий круговорот. Если бы лавина зацепила всех четверых - в живых не остался бы никто. Но в бурной снежной реке неслись трое, а Сергей Морозов, связанный с нами веревкой, летел по склону рядом. В конце концов, перед самым обрывом, ему удалось закинуть веревку за уступ, затормозить падение связки. Лавина ушла дальше, в сбросы, а наша четверка осталась висеть на скальном уступе. Пострадал один я. Во время падения веревка обмотала меня, поломала ребра. Остальные отделались ушибами. В нашей группе был Аркадий Цирульников, опытный врач и прекрасный альпинист. Он осмотрел меня, сказал, что бинтов никаких не хватит. Поэтому мою грудную клетку необходимо туго-туго обмотать полотенцем.

Меня замотали. Спуск продолжался.

Было больно, трудно. Каждый шаг резью отдавался в проломленных ребрах. Помню, надо было форсировать трещину, за которой начинался более простой склон. Для этого спускались через дыру на несколько метров, словно в сказочную пещеру, а затем вылезали через подобную же дыру с другой стороны. Я буквально молил Божукова, страховавшего меня, не отпускать веревку до тех пор, пока я не коснусь ногами дна этой пещеры. Но он все равно отпустил ее на метр раньше, я рухнул на дно, доламывая свои ребра.

Под нами лежал ледник Звездочка, ровный многокилометровый ледник. Нам до ровного его тела оставалось всего метров триста. Метров триста лавиноопасного склона. Все прошли аккуратно, след в след. Оставалась наша, последняя, связка, в которой почему-то шел и Ваню Галустов. Нельзя было садиться, катиться по склону - это приводило к сдергиванию лавины. Спускаться надо было ногами, осторожно. Но Ваню очень устал.

Я просил:

- Ваню, пожалуйста, только не сядь на задницу, лавину сорвешь, - не надо было говорить это ему под руку (или еще под какое место). В следующий момент Ваню сел, склон тронулся, пошла лавина.

Эта лавина шла не на нас, а под нами. Очень здорово, приятно - ехать на лавине верхом, как на саночках. Если б только не мои ребра - как это было бы здорово! За одну минуту - рррраз и внизу. Ледоруб я отбросил подальше от себя, боялся новых переломов. Но некуда, видно, было дальше ломаться. По указанию Аркадия полотенце подтянули потуже. Я уже и не чувствовал боли.

Через несколько минут мы стояли на Звездочке.

Траверс Победы закончился.

Закончилось покорение гигантского горного массива. Почти десять дней группа находилась выше отметки 7000 метров. Впервые шесть альпинистов были на высшей точке этого самого страшного семитысячника.

Мы не торопились в базовый лагерь, где нас ждали, где была уже выложена стуженкой надпись: "Привет горвосходителям!", где уже зажигались дымовые шашки в нашу честь, под которыми мы, чихая и щурясь от едкого дыма, должны были проползать, чтобы попасть в объятия встречающих. Оставалось всего два часа хода, но мы все сидели на леднике и обсуждали - как лгать? Только сейчас каждый понял, насколько щекотливо положение всей экспедиции. Как теперь отчитываться о восхождении? Что говорить? Кто был на вершине, кто дошел только до гребня? Обсуждали - где был Галустов, дошел ли он до вершины?

Сам Галустов молчал. Ему, конечно, не хотелось, чтобы его вычеркивали из списка первовосходителей. Да и вообще - речь о первовосхождении даже и не шла. После всей борьбы с Федерацией, борьбы с группой Абалакова, который в назревающей ситуации становился нашим открытым врагом, мы понимали, что сотрут нас - в порошок, в самый мелкий из возможных порошков. Решено было не лезть на рожон, забыть и слово-то такое - "первовосхождение". Не поднимать этот вопрос вообще. Главное заключалось - не в этом.

В насквозь обюрокращенной стране главным результатом мог стать только один - получение медалей первенства. Представление чемпионских званий в своих секциях - как отчет о проделанной работе. Профсоюзу наплевать на то, что есть где-то пик Победы. Но золотыми медалями чемпионов профсоюз будет доволен, - есть чем гордиться, а главное, - есть чем и профсоюзу отчитаться перед высшим начальством.

Все это висело теперь на нас. Выступали по очереди. Некоторые предлагали просто обмануть, другие - сказать всю правду. Наверное, так и надо было сделать. Но сказать всю правду - это значит лишиться медалей шестерых (а может - и всем лишиться). Только шестерым засчитали бы восхождение, остальным бы урезали все, - весь пик Победы. Словно и не было их там.

И, как назло, в связке с Галустовым оказались оба руководителя секций, Шполянский и Локшин. Не случись этого - Ерохин говорил бы только правду. Но ребята целый год пахали, но ребята выцарапывали деньги из своих профкомов. И перед этими профкомами ребятам надо было отчитываться. Тоже соображение не из последних.

Последнее слово оставалось за Ерохиным. Игорь предложил нечто среднее. В отчете точно не говорить, кто был на вершине, кто не был. Но это совсем не значило, что Ерохин предлагал не говорить правду вообще:

- Как только мы получим медали - тут же обнародуем все как было в действительности. Пойдем в редакции газет, на телевидение. Но сейчас нам главное - обмануть федерацию.

Заслуживала ли она много к себе отношения? Если бы не Федерация, российская молодежь давно к тому времени штурмовала бы семитысячники, выезжала и в Гималаи. Мы считали Федерацию своим злейшим врагом. Обман Федерации не был для нас обманом. Обман Федерации считался правым делом.

Я, как и всегда, согласился с Ерохиным. Я вызвался написать отчет, обещав запутать все следы и спрятать все концы. Прямой лжи в моем отчете не было. Был туман, туман, окутывающий и в хорошую погоду ранним утром верховья Звездочки.

Наконец, мы спустились, пролезли под сигнальными дымовыми шашками, выперли по последнему тягуну на морену. Все, в лагере! Встречали ружейной пальбой. Сгущенкой - вдоволь, остававшейся еще тушенкой. Бараны давно уже были съедены. Восхождение закончилось.

Для всех. Но не для нас с Игорем. Как и предполагали, сидя на Звездочке, нам пришлось продолжить восхождение. В кабинетах. В дискуссиях с Федерацией. Противников было много.

Я оформил отчет так, как и задумывал. Не было ни одной конкретной цифры или даты - кто, где и когда. Зато было очень много общих слов.

О нашем восхождении писали газеты Англии и Америки.

Все тринадцать траверсантов получили золотые медали.

И сразу же после этого мы опубликовали статью с точными датами, фамилиями шестерых, побывавших на вершине. Подчеркнули особо - следов пребывания человека на вершине обнаружено не было.

Выступили по телевидению. В старом еще здании, на Шаболовке. Ерохин все смеялся над моим выступлением. Говорил, что все в нем сводилось к горам сгущенки. Те, кто смотрели передачу, только про сгущенку и поняли. Вел передачу Виктор Балашов, известный в прошлом диктор. Он, бывший борец, был намного выше и крупнее нас. Да к

тому же все время стоял на переднем плане. И зритель видел на экране огромную фигуру Балашова, а рядом - крохотных альпинистов.

За непокорство нам грозила карающая десница "спортивной общественности". После всего шума, поднятого нами, приходилось ожидать одного - дисквалификации. Как это обычно и делалось, нас должны были лишиться званий мастеров спорта, "раздеть", как говорят в народе. Но ничего подобного не произошло. Казалось, Федерация смирилась со своим маленьким поражением.

К тому же начиналась подготовка к Эвересту. Не включить таких спортсменов, как Ерохин, Божуков и я, - федерация не могла. Иначе все бы узрели не только подлость, но и глупость Федерации.

"Старики" рассчитывали на нас. Ерохин им был необходим как великолепный организатор, завхоз, администратор. Я и Валентин по их расчетам должны были затащить для них грузы и кислород, без которого ни Абалаков, ни Аркин, ни Боровиков не смогли бы штурмовать высочайшую вершину мира. На нашем горбу - потому и не растерзали нас за Победу. Сделали вид, что не расслышали.

По возвращении с Победы мы были включены в состав экспедиции "Эверест-59". Экспедиция намечалась совместная, советско-китайская, потому и восходить было решено со стороны Китая, с севера.

Китайцы тренировались рядом с нами. Не вместе, вместе они не могли, не выдерживали наших нагрузок. Меня с самого начала удивляла их отчаянно слабая подготовка. Как они собираются идти, если еле-еле ноги таскают, а на высоте идут на каких-то уколах. Присмотревшись к ним, я понял, что братья наши - не только не альпинисты, но и не спортсмены вообще. Партия направила их на этот фронт работы, силу и опыт горных восхождений заменяли им политическая устойчивость и грамотность, преданность партии и вера в идеалы коммунизма. Грешно смеяться, сами столько лет жили под железной пятой.

И снова забыл я о литье под давлением. Целый год государство выплачивало нам стипендию, мы только и делали, что тренировались, паковали продукты, отправляли в Китай снаряжение. Как самых голодных, нас с Божуковым прикрепили к Евгению Иванову, занимавшемуся продуктами. Можно было подесть что-нибудь вкусенькое, шоколадку, баночку икры из несортных рассыпавшихся упаковок. Конечно, мы были скромны и на многое не замахивались. Но как приятно было после дня работы, прерываемой надолго тренировкой, попить чаю со всякими вкусностями.

Все продукты рассортировывались по ящикам, на каждом ящике стояла надпись - "высота 6000", "высота 7000", "базовый лагерь... Все было предусмотрено, продумано. Готовились тщательно, используя все, что только могло пригодиться, свой и чужой опыт. К тому времени Эверест был покорен дважды, двумя экспедициями. Неужели мы могли стать третьей?

В сборную команду страны, кроме нас троих, из победной нашей экспедиции больше никого не взяли. Вместе с нами готовились еще несколько молодых альпинистов, но большинство оставалось за "стариками". Ерохину тогда только исполнилось тридцать два, мне - двадцать восемь, Божукову - вообще двадцать три. Абалакову - пятьдесят. Его команда - тоже примерно того же возраста. А вошла в сборную его команда полностью, без вопросов, без выяснений - кто достоин, кто сильнее.

Общая организация и руководство были поручены Евгению Белецкому. Тому самому, руководившему в тридцать девятом году восхождением на пик Сталина, в год шестидесятилетия вождя. После трагического случая - гибели Олега Аристова - восхождение было прекращено. Но нельзя было, невозможно - чтобы сорвалось восхождение, приуроченное и посвященное такой дате! Белецкий доложил Сталину, что в честь его юбилея покорена гора, носившая имя вождя. Более того, позднее Белецкий написал целую книгу - посвященную успешному восхождению.

Спортивной частью ведал Кирилл Кузьмин. Очень сильный высотник. Небольшого роста, коренастый, жилистый - прекрасно бегал на лыжах. Ему было уже за сорок, он не тренировался с нами, по нашей методике, но был в высшей мере достоин руководить штурмом Эвереста.

Собирались с нами в Гималаи и грузинские альпинисты. Первым среди них был, без сомнения, Михаил Хергиани со своим бессменным напарником и другом Иосифом Кахиани.

Осень пролетела незаметно. Тренировались мы втроем со своими ребятами из секции, тренировались самостоятельно, очень много бегали. Потом вся команда должна была собраться в Терсколе, совершить восхождение на зимний Эльбрус, пожить на седловине, - и сразу лететь в Китай, к подножию Эвереста. Задумка Кузьмина, - чтобы в Гималаи прибыть уже акклиматизированными. Эльбрус - это уже обывание под шесть тысяч метров. А зимний Эльбрус - многие приравнивают к семитысячнику.

И вот незаметно подкрался февраль, - мы собрались в Приэльбрусье. Сначала несколько недель жили в уютном альплагере "Шхельда". Всех заставляли кататься на горных лыжах. Но мы с Божуковым прихватили равнинные и там, где все спускались на горных, - обходились ими. К тому же возникла прекрасная идея - а что, если попробовать бегать на лыжах в горах, на высоте. От "Шхельды" до подножия Эльбруса километров тридцать всего. Почему бы не попробовать пробежать эти километры на лыжах? Сказано - сделано. Испросив у начальства разрешение, мы сбегали на обычных равнинных лыжах до "Приюта одиннадцати" и обратно. Успели обернуться за один день, хотя здорово умотались. Как снопы подрубленные вечером завалились спать. Зато организм привыкал к кислородному голоданию, мышцы наливались силой.

Физически мы готовы были неплохо. Морально - хуже некуда. Бесперывно между стариками и молодыми вспыхивали споры, возникали трения. Но трения не могли возникнуть при такой разнице в подготовке и подготовленности, при столь различных взглядах на жизнь. Мы считали обязательной для себя утреннюю зарядку, они - нет. В дни отдыха мы проводили дополнительные тренировки, они предпочитали целый день отдыхать. Мы ходили быстро, они предпочитали медленный темп. Зрела ненависть к нам, молодым и настырным. Вот, мол, какие выскочки.

Но до открытого конфликта дело пока не доходило. Программа пребывания в "Шхельде" была полностью выполнена, сборная страны "Эверест-59" переехала на склоны Эльбруса.

На седловине разбили палаточный лагерь, достаточно долгое время каждый провел на высоте. Ходили на обе вершины. На Восточную - просто в качестве высотной тренировки, на Западной же приходилось всю использовать технику прохождения ледовых склонов. Погода стояла превосходная. Было морозно, но ясно, светило солнце, ветер не очень свирепствовал. Наконец, отработав и здесь все, что задумывал Кузьмин, начали спуск.

А на спуске накрыла нас непогода. Как это всегда на Эльбрусе и бывает, - неожиданно словно ночь опустилась, полярная ночь. Задул ураганный ветер, закрутила пурга, подморозило. Надели маски, но и маски не очень-то спасали в снежной круговерти. (Внизу потом выяснилось - многие на этом спуске обморозили глаза.) Склон Эльбруса - не крутой, но зимой весь из зеленого бутылочного льда. Гладкий, скользкий, мерцающий в сумерках, кошки на таком льду держат очень плохо. Подступала паника и неразбериха. Абалаков, Белецкий остановились:

- Дальше идти нельзя. Туман, ветер, потеряемся, заблудимся, погибнем, - заблеяли старые зубры.

Но тут взревел Ерохин. История повторялась. Как и тогда, на Караугомском плато, Ерохин позвал всех спускаться. Он не боялся, что его опять обзовут трусом. Он был уверен в своей правоте. Он сохранял душевное равновесие, когда все уже устали бороться. Абалаковцы дрогнули. Сдались, подчинились Ерохину. Он повел группу дальше, вниз. И не заблудились, не потерялись. Все дошли, все остались живы.

Я запомнил на всю жизнь день - 17 марта 1959 года. Перед получением документов и билетов, как всегда в СССР, положено было провести общее собрание. Нас собрали, усадили в кресла. И объявили - никуда мы не поедем.

Китай начал оккупацию Тибета. Тибетцы сопротивлялись. Индия через перевалы поддерживала их оружием. Хрущев в политике был - младенец. Он по-марксистски, как ему казалось, одобрил действия индусов. Мао тоже был марксистом. Особым, вроде Сталина, перед которым Никитка когда-то отплясывал в расшитой украинской сорочке.

Дружба кончилась. Не исполнялась больше песня "Русский с китайцем - братья навек".

Не поехали на Эверест. Все ходили хмурые, злились, переживали.

Злость всегда рвется наружу, ищет - на ком бы отыграться. Лучшей мишени для Федерации, чем Ерохии и его команда, - трудно было придумать.

Проводились заседания. Одно, другое, третье. На заседания приглашали, вызывали нас. На каждом разбиралось - как мы шли, сколько человек достигло той или иной высоты, кто именно.

Прямого обмана мы не могли признать за собой. Было - сокрытие событий с целью получения всеми золотых медалей. Мы были искренни. В этом не сомневались даже наши враги.

Вспоминались все старые огрехи. За два года до этого, при оформлении отчета о первопрохождении северной ледовой стены Ушбы, Ерохин допустил неточность. Неточность - равносильна обману. Уж очень нам хотелось впервые получить медали первенства! А медали в советском альпинизме давали не за вершину, не за восхождение, - за отчет. Кто друг Абалакову, кто напишет, что забил крючьев больше всех, - тот и победитель.

Типическая ситуация сложилась в шестьдесят восьмом году, когда все та же группа спартаковцев Абалакова прошла по пологому склону на пик Ворошилова (такой склон и стеной-то совестно называть), а в это же время рядом, на том же Памире, команда "Труда" впервые поднялась на пик Коммунизма по отвесной двухкилометровой южной стене (Ю.С.К.). Такой стены (5500 - 7500) нет, наверное, ни в Гималаях, ни на Аляске.

Чемпионами стали - абалаковцы.

Потому-то Ерохин и допускал неточности в отчетах. В том числе и о восхождении на пик Военных Топографов. На это тренировочное восхождение всего шло человек тридцать. Но на самой вершине были не все. Всем идти до самого конца было неразумно. Но по правилам тогда все должны были бы вернуться. Но по правилам - эта вершина не засчитывалась никому. Либо все заявленные на восхождение восходят, либо - как будто никого из них и близко не было! Но вершина ведь была покорена, почему же Ерохин должен был от нее отказываться?

Были неточности. Был повод - обрушиться на Ерохина, на меня, на всю команду. Благородный обман, который был до Эвереста молчаливо одобрен даже многими стариками из Федерации, - превратился просто в обман. Потом - в обман общественности. Потом - вырос до обмана советской власти.

Ох, как они с нами расправлялись! Своего унижения, пережитого ими на спуске с Эльбруса, они простить не могли. Обвинить на этот раз Ерохина в трусости - было уже невозможно. Трусам оказались его оппоненты.

И все же, все же... Возможно, с нами обошлись бы и не так круто. Но тут встал Иван Богачев. Иван знал очень многое, о чем мы могли только догадываться. Знал всю подноготную тайной кухни Федерации. Иван резал правду-матку в глаза:

- А что вы именно к нам придираетесь? Белецкий не дошел до вершины пика Сталина, а где это зафиксировано? Нигде, наоборот, вот целая книжка лежит - о том, как они дошли до вершины. Да какой отчет ни возьми - в каждом можно найти неточности.

Богачев припомнил и другие случаи недохождения до вершины маститыми альпинистами. Теми, кто нас судил. Начиналась борьба не на жизнь, а на смерть. Тут уж не

до реверансов, если победит Богачев - вся Федерация летит к черту. Нас надо было задавить, затоптать.

Но Ивана уже не остановишь. И вот в воздухе повисает самое страшное:

- Простите, но ведь и вы, Виталий Михалыч, никогда не стояли на высшей точке пика Победы.

Абалаков побледнел. Такую мысль надо было рвать - с корнем. Чтобы никогда, никогда, - ни сейчас, ни в будущем, - никому и в голову не могло прийти, что покорили Победу не Абалаков со своей верной гвардией, а Ерохин и Белопухов.

Нас дисквалифицировали. Срезали звания мастеров спорта. Устроили огромное-погромное собрание альпинистов всего Союза. Мы сопротивлялись изо всех сил, отбивались как могли. Перед моим выступлением (последним словом) ко мне подошел Овчинников:

- Не поддержишь Ерохина, скажешь всю "правду", - тебе ничего не будет.

Но я сказал всю правду - без кавычек.

И власть, и право раздачи наград, и дележка государственных денег - все было в руках Федерации альпинизма. Терять она не хотела ничего. И находила способы уничтожить врагов.

Попал под косу и Божуков. Его не дисквалифицировали, не лишали звания, но не были зачтены восхождения на пик Военных топографов и на Победу. Звание мастера спорта не могло быть оформлено, Валентин заново начинал бороться за включение в высотные команды.

А вот Галустов, смиренный Галустов, из-за которого все и произошло, - остался и при звании, и в величии. Он молчал, он помогал своим друзьям душить нас.

Сначала я не ощущал всей тяжести удара, нанесенного нам. Подумаешь, дисквалифицировали! Но проходил месяц за месяцем - наваливалась тоска. Становилось ясно, что все пути дальнейших восхождений - перекрыты. А хотелось на высоту, я активно готовился к будущему лету, к новому сезону. Я был готов к высоте - как никогда.

Кирилл Кузьмин сочувствовал нам. Но в экспедицию на пик Сталина взял одного Божукова.

Начинало сдавливать грудь. У моей мамы случались такие приступы, она называла это стенокардией. Я не ходил к врачам, я продолжал тренироваться. Но было очень тяжело. Результаты падали.

После семи лет активных поездок в горы я был насильно отлучен от альпинизма, впервые остался летом в душной и пыльной Москве. Была, конечно, возможность поехать в альплагерь, на Кавказ. Но после Победы - это было уже невозможно. Как невозможно взрослому человеку влезть в штанишки детские. Туда, куда рвалась моя душа, - не пустили.

В то время желающих бегать длинные дистанции было очень мало. И тренер МВТУ по легкой атлетике Виктор Викентьевич Шилов, добрейший человек, видя и понимая мое состояние, предложил тренироваться летом у него. Готовиться на десятикилометровую дистанцию.

Шилов был, конечно, в курсе всех наших дел. И хотя ему, как и всем, поручили добивать нас, как врагов народа, у него этого и в мыслях не было.

Оказалось, бег - тоже очень тяжелый вид спорта. Тяжелый и - интересный. Тренировались пять раз в неделю, вдвоем, в том самом парке Московского военного округа. Мой напарник готовился выступить на дистанции пять километров.

Бесконечное число ускорений. Сто метров, двести, пять раз по сто, пять раз по двести, пять раз по четыреста, снова пять раз по двести. Тренировки требовали не очень много времени. Проводились, в основном, после работы.

Я в то время наконец приступил к работе, инженером в МВТУ. Начал работать вопреки множеству попыток сгноить, послать куда-нибудь подальше. Все сроки пребывания в аспирантуре вышли давно. Я должен был быть распределен институтом на работу.

Распределение было однозначным - в Барнаул, к чертям собачьим! Вон его из института, чтобы духу его здесь не было, этого врага советской власти!

Но ничего не вышло. Спас меня ректор института Николаев. Он тоже был альпинистом. Он любил меня. Иногда в профессорской столовой мы оказывались за одним столиком. Николаев расспрашивал:

- И как это вы все успеваете? Лыжи, альпинизм, наука, диссертация. Да еще семья!

Я говорил, что семьи, конечно, нету, на семью не остается ни минуты.

Между нами складывались ровные, добрые, теплые отношения. В решающий момент он спас меня. Направил вместо Барнаула в новую институтскую лабораторию. Хрущев объявил новое приоритетное направление в промышленности - выпуск и внедрение пластмасс.

Пластмассы можно смело поставить Хрущеву в плюс. Это вам не кукуруза. В течение двух-трех лет промышленный облик страны значительно изменился. Появилось множество деталей из пластмассы, которые были в десятки раз дешевле таких же из металла и дерева.

Как раз новая лаборатория, мое убежище и пристанище, создана была для изучения пластмасс. Состояла, правда, всего из двух человек. Начальник - Лымзин и его заместитель - я. И больше никого.

Лымзин работал над докторской диссертацией, я помогал ему в этой работе. Помощь мою он очень ценил, поэтому я пользовался большими правами и свободами. Я мог ходить на тренировки - когда захочу. Начальник лаборатории и его заместитель были взаимно довольны друг другом.

Работа в новой лаборатории укрепляла мои позиции. Из недр парткома извергалось и ползло по институту негласное положение, установка: Белопухов - антиобщественник, антисоветчик, его надо давить, давить и еще раз давить. А у меня, как у заместителя Лымзина, складывались хорошие отношения с заведующими кафедрами. Возникая чисто по научной линии, зачастую перерастали и в просто человеческие. Наша лаборатория, к тому же, была богатейшей кормушкой. Хлебом не корми - только дай поработать, посотрудничать с нами! За сотрудничество, за одно участие в новой тематике - получали большие по тем временам деньги. А всей дипломатией у Лымзина ведал, естественно, я, больше никому было.

Положение обязывало. Со многими я оказался на короткой ноге. Постепенно приходило успокоение. Грудь больше не сдавливало. В сентябре успешно выступил на первенстве вузов Москвы. Занял четвертое место, пробежав десятикилометровку за тридцать две минуты тридцать секунд. Доволен был Виктор Викентьевич. Доволен был и я.

Приближалась новая зима. Зима шестидесятого года.

Божуков летом в команде Кузьмина взошел на пик Сталина. Взошел по новому пути. Мы с Ерохиным решили - раз лето пропало, значит, надо зиму не пропустить, не потерять даром. Задумали сделать траверс Домбая.

Домбай - самая высокая гора Западного Кавказа. Зимой еще никто не ступал на ее вершину. И не пытался покорить. Организованы были две группы. Группа Академии наук и наша. Восхождение решили делать совместное. Так было безопасней.

В конце февраля мы собрались на Домбайской поляне. Когда-то, еще до войны, здесь располагался альплагерь "Медик". Главным его украшением считался деревянный двухэтажный дом с башенками, в готическом стиле. Лагерь был закрыт, но дом продолжал стоять, теперь в качестве отеля. Там мы и поселились. Жили, готовились, тренировались. Кавказская зима еще не собиралась сдаваться. Часто баловала нас снегопадами, реже - ярким солнышком. Температура на Домбайской поляне не особо стесняла нас, но то на поляне, а наверху ждали настоящие морозы.

Короткий подготовительный этап пролетел незаметно. Покидали гостеприимную поляну - я и Божуков, как всегда, на равнинных лыжах, остальные на горных. Путь лежал по глубоким долинным снегам к подножию Домбая. Нас провожали, - недавние знакомые

решили довести до начала маршрута. Одна из провожающих - Нина Воронцова - стала впоследствии женой Валентина.

Под самым выходом на первые скалы была выкопана огромная пещера. В ней все разместились. Шестеро нас, шестеро "академиков", да и проводы пока не заканчивались. Решили выходить на маршрут с разрывом в один день. Восхождение обещало быть трудным, опасным, поэтому заранее договаривались о связи, о возможном взаимодействии.

В пещере оставили лыжи. Воткнули в пол, в снег, рядом. Вышли "академики", возглавляемые Женей Таммом. Ни одного академика в этой команде пока не было, но - доктора наук, ученые с мировым именем. Вышли через день и мы. Ерохин, Божуков, я, Ийя Соколова, физик, только что защитившая диссертацию, Володя Фещенко и Аркадий Цирульников, наш доктор, прошедший с нами траверс Победы.

На четвертый день восхождения наша шестерка вышла под стену, которую обычно называют "психологическая". Пройти, подниматься в этом месте по гребню - очень трудно. Поэтому предпочтительнее было выйти на стену. Стена сама по себе достаточно простая. Легко идетя вверх, свободно забиваются крючья. Но все это происходит над двухкилометровым отвесом.

Постепенно все веревки перепутались, все оказались соединенными в единое целое. Последним шел Ерохин. Выбивал крючья, передавал наверх. Первыми шли, поочередно сменяя друг друга, я и Валентин.

Мы вылезли на широкую полку, с которой хорошо уже просматривался выход на гребень. Оставалась последняя небольшая стеночка,

Я подсадил Валу, он вылез, осмотрелся. Оказалось, рядом с ним очень удобный для закрепления веревки камень. По веревке я вылез к Валентину. Мы оказались стоящими вдвоем наверху, а все остальные оставались под нами, на полке.

Божуков, собрав веревку в кольца, уселся на этот камень, я же собирался, закрепив конец, принимать следующего.

Следующим подходил Володя Фещенко:

- Адик, закрепи веревку.

Я только и успел это сделать. И, как только я сделал это, - раздается дикий свист и грохот. Я вижу, как закрепленная за камень веревка разлетается в воздухе по ниточкам в клочья.

Все четверо улетают вниз по стене.

Передать ощущения те - почти невозможно. Срыв произошел через секунду после того, как я закинул веревку за камень. Произойди он на секунду раньше, замешкайся я на секунду, - мы бы летели вместе со всеми, к подножию стены.

Только потом, спустя многие годы, я осознал, что тогда, именно тогда, на зимнем Домбае, я был ближе всего к смерти. Ближе всего того, что случилось в моей жизни. Но все это я осознавал потом. Потом приходил липкий страх: "А что если бы не успел веревку закинуть?".

А тогда - мы были подавлены, смяты, разбиты. Находясь за перегибом, мы не могли видеть никого из наших друзей. Мы только слышали свист.

Спустились обратно на полку. Поняли, догадались, досмотрели - как все это произошло.

Ошибку допустил Ерохин.

Мы замечали, что после дисквалификации, после всех разборов, обвинений, - часто Игорь бывал подавлен, мрачен, уходил в себя. Прежней улыбки уже не было на его лице. Если бы мы заранее задумались над всем этим, - не пошли бы этот труднейший маршрут. Не пошли бы - из-за него.

Эта невнимательность на стене - была результатом подавленного состояния. После разборок на заседаниях Федерации.

Игорю необходимо было сделать большой шаг, огибая огромный камень, выступ. Но за огромным - торчал маленький живой камушек, который надо было обминуть, не наступить.

Мы все проходили это место с должным вниманием, каждый передавал следующему, что камень - живой. Ерохин, видимо, пропустил замечание впередиидущего мимо ушей. Наступил на этот камень. Сорвался.

Но даже не это, не эта - стала той роковой ошибкой, унесшей жизни четверки.

Перед Ерохиным шел Аркадий Цирульников. Игорь не предупредил его, чтобы тот обратил внимание, подстраховал. А между ними свободно болтались пятнадцать метров веревки, был и крюк между ними - забитый слабо, не из расчета на рывок. Цирульников и не смотрел назад, на Ерохина. Все смотрели в противоположную сторону: Аркадий на Соколову, Соколова на Фещенку, Фещенко на меня.

Все устремлены были вперед, вверх, за последний перегиб.

Ерохин, пролетев пятнадцать метров, вырвал крюк и сдернул Цирульникова. То же самое с Соколовой. Втроем они одернули Фещенку, уже почти вылезшего к нам. Последний рывок всей четверки, уже набравшей огромную скорость, - никакая веревка не могла бы выдержать.

Мы сидели на полке. Я и Божуков. С одним обрывком веревки. Без крючьев. Без палатки. Без примусов. Мы шли первыми, облегченные. В рюкзаках - только спальники и пуховки. Зима, Домбай, вечер. Вечер восьмого марта. Утром Соколовой вручили подарок. Куклу какую-то специально тащили. Теперь эта кукла в продранном рюкзаке лежала в двух километрах ниже.

Оставалось одно - в очередной раз бороться. Бороться за чудом сохраненные жизни. Единственной нашей надеждой было - догнать "академиков".

Наверное, можно пролететь два километра и остаться живым. Некоторые парашютисты, падая в глубокий снег, ничего себе даже не ломали. Но стена эта имела примерно в середине уступ, перегибалась в отрицательный угол. Именно об этот уступ каждый падавший разбивался. Дальше до ледника летели окровавленные тела.

Безжизненные тела.

Их нашли потом прямо под стеной, припорошенных снегом. Поиски были недолгими.

Наступала ночь. С вершины снег весь был сдут, мы ворочали камни, сооружали стенки - укрытия, логово. От ветра защита. А от мороза - прятаться негде. Съели на двоих единственную оказавшуюся случайно в моем рюкзаке банку сгущенки. Залезли в спальные мешки, забились промеж камнями, накрылись рюкзаками.

Пытались заснуть. Утром оказалось, что всю ночь нас мучил один и тот же кошмар. Сквозь морозную дрожь грезилось, - будто все это неправда, ребята живы, рядом с нами.

Сборы поутру были недолгими. Вышли очень рано. Путь наш шел по летним - бесснежным - скалам, усложненным льдом и морозом. Часа через два впереди увидели группу. Кричали громко, - почти сразу же и услышали, остановились, поняли - что-то случилось. Хотя бы потому, что догоняли их только двое.

На Западной вершине Домбая мы соединились. Их шесть да нас двое. Теперь - восемь. Рассказали им о случившемся. В положенный час вниз ушла радиограмма. Внизу что-то поняли, что-то нет. Кто именно из шестерых погиб - разобрать не смогли. До Москвы дошли самые разнообразные вести. Наши с Валентином матери в очередной раз похоронили в душе своих сыновей.

На радостях "академики" нас здорово накормили, выдали по плитке шоколада, по банке сгущенки, все это добро мы запивали крепким горячим чаем.

После этого выяснилось, что у "академиков" тоже не все хорошо, продукты уже на исходе. Но особых волнений это не вызывало, все рассчитывали на большую заброску, оставленную еще летом на Восточной вершине.

Летом я пробегал от Западной до Восточной за два часа, почти все - ногами. Мысли о том, что впереди ждет не еда, а беда, - и не возникало.

Мы начали движение по гребню. И тут же с удивлением обнаружили, - вопреки ожидаемому, снег с гребня не сдувался. Наоборот, снег скапливался на гребне. Перед нами начинался двухметровый сугроб - длинный, длиною в весь гребень, от Западной вершины до Восточной, обрывающийся в обе стороны жуткими карнизами. Чтобы пройти - необходимо было, срывая весь снег, обнажать скалы. Только после этого возможно поставить ногу, сделать шаг.

За первый день мы прошли пятьдесят метров.

Восточная вершина, гора продуктов - все это оказалось недостижимым. Проще было дожидаться лета, чем убирать весь этот снег вручную. Пришлось вернуться на Западную вершину. В час радиосвязи вниз уходит радиограмма. Радиограмма пугающего содержания.

Продукты на исходе. Будем предпринимать попытку спуска прямо вниз, по стене.

Гибель четверки уже всех переполошила внизу. Но когда слышали, что и группа известных ученых - Балдин, Тамм, Бонгардт - терпит бедствие, в Москве началась паника.

Лучшие альпинисты вылетели специальным (как сейчас принято говорить - чартерным) рейсом. И Кирилл Кузьмин, и Овчинников. И друзья, и враги. Спасать полетели все.

Мы ползли вниз по стене. Спасало то, что погода установилась хорошая. Холодно, морозно - зато ясно.

Еды не было совсем. Вечером ставилась палатка, обычная "памирка" (высотной двойной почему-то у "академиков" не было). Постепенно, забивая все углы, раздеваясь по ходу дела, умещались в эту "памирку" восемь человек. Каким-то образом умещались! И вот когда все упихивались - делался чай, по полстакана на брата, каждому выдавался один кусочек сахара. Отвечеряв, засыпали, кто как уместился.

А спуск был трудный. Поначалу мы крючья не выбивали, оставляли. Оставляли, оставляли, и вот осталось - всего два. Пришлось выбивать их после каждого дюльфера. Я и Божуков, как всегда - по очереди, оставались наверху, на крюке, пока все спускались вниз. Потом крюк выбивался, а оставшийся спускался тридцать метров с нижней страховкой, догоняя группу. То есть двадцать восемь - свободным лазаньем, последние два - с нижней страховкой.

Перегорала боль и горечь утраты. Мы боролись, боролись со стеной. Боролись уже не за две, а за восемь жизней. Рация не работала, батареи давно сели. Но вот мы увидели вертолет, кружащий в виду стены. Нас искали! Близко подлететь не могли, нас они не видели, хотя мы кричали, махали руками.

На пятый день стена была пройдена. Пройдена сверху вниз. Снизу кончалась, расходилась двумя гребнями. Расходилась влево и вправо. Эту часть маршрута никто не знал. Решили идти по левому. Прошли совсем немного, силы быстро таяли, поставили палатку.

И в это время на соседнем, правом, гребне появилась двойка спасателей. Мы увидели их, они нас. У них, мы знали, была еда. Но наступала ночь.

Никто не спал, не мог уснуть, все думали, думали вслух, - что у тех двоих в рюкзаках. Шоколад, сгущенка, да хотя бы просто сухарики черные, только бы чего-нибудь съесть.

А на утро - никто не мог подняться на ноги. До этого - шли, работали, боролись. А увидели скорую помощь, увидели людей, идущих на подмогу, - и легли. Бешеным усилием воли возможно было только на четвереньки подняться. На четвереньках собирали палатку, на карачках поползли - в буквальном смысле поползли - вверх, обратно по гребню.

Ребята накормили нас по-умному. По несколько штук печенья и паре черносливин. Да большего у них и не было, старались бежать как можно быстрее, не нагружались. Теперь надо было спускаться - по правильному гребню.

Станным оказался этот спуск. Спускаешься дюльфером по веревке на тридцать метров - узел какой-то, ни крюка, ничего, просто веревка еще одна подвязана. Спускаешься еще тридцать метров - опять узел, следующая. Такой спуск иногда начинал походить на цирковую акробатику. Только этого нам, обессиленным, не хватало!

Почему же не было промежуточных крючьев?

Двойка, пришедшая первой нам на помощь, на подъеме очень торопилась. Володя Безлюдный, шедший впереди, все время проскакивал мимо мест, где надо было бы сажать крюк. Володя лазал очень хорошо, и Крайнев снизу подвязывал и подвязывал веревки.

Такие чудеса случаются только на спасработках.

Не доходя до наших пещер, встретились с основной спасательной группой в тридцать пять человек. Друзья и недруги расцеловали нас. Никто не ожидал увидеть нас с Валентином живыми. Мы побрели дальше, вниз, а спасатели - под стену, искать тела погибших.

В пещере взяли лыжи и быстро покатали дальше. Скатились прямо к почте. Послали телеграммы - я своей маме, Валентин - своей. Вечером - не могли спокойно смотреть на еду, ели, ели и ели. Только кажется - наелся, а глаза увидят еще что-нибудь - и опять хочется. Ночью обоих рвало.

Ощущения жизни потихоньку возвращались. Оживала и горечь. Спасатели просили одного подняться к ним, помочь опознать тела. Другой - должен был встречать родственников погибших, здесь же, на Домбайской поляне.

Непонятно было, что труднее.

Мы кинули жребий. Бежать наверх выпало Валентину. Я остался встречать Ольгу Ерохину. Я хорошо ее знал, был другом семьи. И вот сейчас - должен был что-то говорить ей, утешать, оправдываться. А на сердце легло - кто б меня утешил.

- Вот, - думал я, - Божукову, небось, полегче. Но легче ли было Валентину, который, ковыряясь в телах, пытался понять, кто Ерохин, а кто Фещенко. Единственно, кого опознали сразу - это Соколову.

У Ерохина не было головы. Голова была отколота, многих кусков так и не нашли. На руке остались целыми - со стеклом - механические часы. Тикали долго еще после паденья, после страшного удара, после гибели. Единственными свидетелями были эти часы. Свидетелями смерти.

Распихали по мешкам, надписали - кто где. И уже больше эти мешки не вскрывались. В Москву отправляли в запаянных цинковых гробах. Когда хоронили - тоже не вскрывали, просто на каждом гробе стояла фотография - Ерохин, Фещенко, Соколова, Цирульников.

В Москве, на Никольском кладбище, похоронили их, соорудили памятник.

Так закончилась для Игоря Ерохина и жизнь, и борьба. Борьба за право все делать честно. Таким он всегда и оставался. Человеком чести.

Трагедия на зимнем Домбае не полностью убила во мне тягу к альпинизму. Охоту отбил перелом ноги в Царицыно, на кирпичном замке, построенном Баженовым.

С уходом Игоря закончилась для меня целая эпоха. Эпоха в моей жизни.

Я перестал тренировать альпинистов. Сам перестал лазать.

Я вернулся в лыжную секцию.

Глава 3. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Никогда в жизни я бы не связался с наукой, если бы занятия ею не давали возможности бегать на лыжах.

После окончания института, проведя несколько месяцев в горах, я приступил к своей новой работе. Работе интересной, ибо работал я самостоятельно. Была машина для литья под давлением, был я - инженер, работавший на ней. Помогал мне всего один человек. Старый рабочий, еще до революции занимавшийся литьем. Он заливал в нашу машину раскаленный металл.

Литье под давлением - где только не применяется. Застежки-молнии, ручки дверные, детали приборов. И, конечно, - всякие мелочи для ракет и прочей военной дребедени.

Почтовый ящик номер 19 - завод, где работала уже больше года моя жена Ольга Тимофеева, куда распределился и я, - выпускал приборы для внутреннего обустройства ракет.

Мы поселились в небольшой комнатке в двухквартирном домике на самой окраине города Железнодорожный. В одной комнате - мы, в двух других - соседи с маленькими детьми. Общая кухня, на которой вечно были развешаны для просушки пеленки и подгузники.

Но мне что вся эта теснота - главное, лес рядом. Шагнул с крыльца, нацепил лыжи - и тренируйся сколько душе угодно!

Но оказалось, что все не так просто. Надо еще и работать. Не столько работать, сколько присутствовать целый день на работе. А так на тренировки, на настоящие тренировки - времени не хватает. Такой режим был мне непонятен. Я жаждал свободы. На одном из комсомольских собраний я не стерпел, вылез на трибуну и заявил, что администрация не способствует развитию самодеятельного спорта, а наоборот - тормозит, что спортсменам не дают тренироваться. Даже и представить себе невозможно, чем могло обернуться такое заявление.

Но обернулось - неожиданно хорошо. Меня избрали в бюро ответственным за спорт и физкультуру. Я добился того, что нам было разрешено тренироваться два раза в неделю в ущерб работе. Без удержания из зарплаты. Два раза в неделю мы после обеденного перерыва шли не работать, а бегать. Я возглавил лыжную сборную завода.

За все эти льготы и привилегии надо было платить. Платить победами в районных соревнованиях. В первенстве Балашихинского района.

На участие в соревнованиях профсоюз выделял нам деньги, а завод - автобус. Кроме денег, профком выделял товарища, который был держателем этих денег, следил за нашими выступлениями. Почти всегда мы оправдывали высокое доверие.

После удачного выступления мы заезжали по дороге домой в какой-нибудь загородный ресторанчик, благо в те годы пригороды Москвы кишели различного рода забегаловками. Вместо того, чтобы умыться, переодеться, отдохнуть, брали обед с выпивкой за казенный счет. С серьезной выпивкой, по поллитре на брата.

Такая была у меня команда, такой был я сам. Правда, чемпион района и по лыжам, и по бегу, и по велоспорту.

Во время своего студенчества я не знал, что такое аспирантура, и слова-то такого не знал. Не знал, что существует такой способ жизнепроектирования, полурбота-полуучеба. Три года - сам себе голова, предоставлен самому себе. Куча свободного времени.

Отношения с моим стариком-рабочим складывались превосходные. Мы жили, что называется - душа в душу, и работали от души. А с ним и нельзя было по-другому. Он говорил мне: "Если уж все равно тут торчать заставляют, так лучше работать, чем баклуши бить. И душе польза, и уму польза, и дело движется".

Именно от деда Максима я впервые услышал:

- Революция? Да революцию делали пьяницы да бездельники. Рабочему - зачем эта революция нужна была? Рабочие - работают. Я вон до революции еще квалификацию имел, в земляные формы отливал. Доход имел - семь рублей в месяц. Две коровы, куры, дом свой, жена, пятеро ребят. Трое в революцию сгинули. О какой революции я должен был думать? Мне семью надо было кормить, а не озоровать с красными флагами. А были пьяницы, забулдыги, шпана, вот им побегать-пострелять самое то. Эти-то и были - революционеры.

Отпускать в аспирантуру меня на заводе не хотели. Как молодой специалист, я обязан был отработать три года. Но мы с Максимом постарались, поработали от души. Отлили новые детали. Я напридумывал еще разных слов, - вышел реферат, необходимый для поступления. А за эти-то новые детали меня и отпустили на заводе.

Дед Максим благословил меня, хотя очень сожалел о том, что ухожу. Сердцем, говорит, уже прикипел, да уж твоё дело молодое, иди дальше учись. Ко всякому учёному (только не марксистскому, естественно) - относился дед с большим уважением.

Шансов на поступление у меня не было никаких. Кафедра выделила всего одно место, а нас - претендентов - набралось пять человек. К тому же вместо того, чтобы корпеть над учебниками, готовиться, - я как всегда тренировался.

И все экзамены, кроме последнего, сдал на тройки.

Оставался - экзамен по специальности. Самый главный, по его результатам и проводилось зачисление.

По списку я стоял первым. Не начинайся моя фамилия на одну из первых букв, будь я не Белопухов, а, к примеру, Чернопухов, - пришлось бы возвращаться к моему деду Максиму.

Но первым в аудиторию вошёл я. За столом сидел седой заведующий кафедрой - лауреат сталинской премии Николай Николаевич Рубцов. И с ним ещё два преподавателя. Увидав меня, Рубцов жутко обрадовался:

- Это вы! - взглянул в список, лежавший перед ним, - Андантин Константинович Белопухов? Вы к нам? Сдавать экзамен? Я очень рад.

Он вспомнил, вспомнил "Медного всадника" русского мастера Фальконе.

Экзамен превратился в формальность. Мы беседовали о живописи, о скульптуре, об истории литья. Как раз во всем этом я неплохо разбирался.

Рубцов хотел, чтобы я поступил. Мне поставили пятерку, остальным - тройки. Я стал аспирантом.

Конечно, когда я уже после травмы думал, что все это было несправедливо по отношению к тем, другим, кто усиленно готовился, кто серьезно хотел заниматься наукой, кому я перебежал дорогу, - мне было стыдно. Стыдно за то, что не извинился хотя бы перед каждым из четверых.

А потом - но ведь все же по Божьему произволу, уж если так мне повезло, значит - Бог помог, значит - так надо было.

Каяться надо в другом. В том, чего сам захотел, возжелал, ради чего забывал о многом, что сам совершил.

Этот рубеж, травма - все разделила. Считайте, разделила - пополам. Сейчас - ровнехонько пополам. В этом году исполнилось двадцать пять лет с того солнечного октябрьского дня. И в дотравменной жизни - я прожил двадцать пять лет. С двенадцати лет - началась работа, с двенадцати лет - начался спорт.

Две равные половины. Две разные половины.

В первой половине - мною двигало честолюбие, карьеризм. Именно тогда я продал душу - вступил в партию.

Надо было ехать в Польшу. На международный конгресс по литью.

Эта поездка очень многое мне дала. Я увидел другой мир, окунулся в другую жизнь. Что ни говори, но после СССР Польша казалась - почти свободной. Другая культура, частное землевладение - все это было настолько непривычно, настолько ошарашивало и бросалось в глаза после нашей колхозной одноцветности.

На конгресс съехалось около восьмиста человек. Из них только половина - непосредственно участники конгресса, остальные - жены, дети, друзья.

В нашей делегации жен, детей и одновременно друзей заменяли сотрудники госбезопасности. Все тридцать пять наших - как на подбор - были в одинаковых черных костюмах, рубашках, галстуках.

Напрямую мы знали только одного гебиста, но ничем не выдавали своих знаний. Боялись - тут его разоблачишь, так он в отместку по приезду домой тебя тоже разоблачит. Перед всей советской общественностью. Да и вообще, чего человека смущать.

Боялись всего, боялись заговорить с иностранцем-"капиталистом", для общения нам рекомендовали братьев по соцлагерю. Боялись отлучиться для прогулки по городу, боялись вести путевые заметки, просто заметки "не по теме конгресса".

Сам конгресс, все доклады и обсуждения, проходил в высотном здании, похожем на те в Москве, построенные руками зеков и пленных немцев. По указанию Сталина Варшава была обезображена этим монстром, призванным символизировать тоталитаризм, "давить" на всякого, кто рискнет поднять голову.

На конгрессе были приняты три официальных языка: немецкий, французский и английский. Для своего доклада я выбрал немецкий. Когда-то в школе и техникуме изучал, хотя, конечно, практически ничего не помнил. В институте изучал английский, но его тоже почти не знал.

Месяц занятий с тещей, матерью Сони, очень помог сильно продвинуться в понимании и умении излагать свои мысли на языке великого Гете. Теща язык знала - великолепно. Еще бы, во время войны они с мужем были заброшены для разведывательной деятельности в Германию. После нашей победы они недолго работали в восточном секторе, потом муж получил повышение в министерстве, вскоре переименованном государственной безопасностью. Приближалась борьба с космополитизмом, будущий генерал спешно развелся со своей женой, у которой был соответствующий пятый пункт. Однако мать Сони не была репрессирована - помогли старые связи, а может - просто повезло.

В Варшаве меня поселили вместе с нашим делегатом, прекрасно говорившим на немецком. Мы договорились в нашем временном доме забыть о родном языке. Да еще я старался как можно больше общаться с литейщиками из братской ГДР, Мы беседовали о литье, о формах, о скоростной киносъемке - обо всем, что должно было присутствовать в моем докладе.

Но в какой переплет я попадал, когда садился иногда обедать за один столик с их женами! Обычный светский разговор о природе, о погоде - тут я не мог и слова вымолвить.

Наша делегация "вороних грачей" очень возмущалась - а почему нет официально русского языка?

После доклада мой немецкий был оценен по достоинству. Говорили, что у меня какое-то особое, бранденбургское произношение.

Два наших маститых профессора пожали мне руку и сказали:

- Ну вот, теперь можете готовить докторскую к защите.

Конгресс завершился, но нас еще две недели возили по Польше, знакомили со страной, с польскими литейщиками, с заводами.

Это было интересно. В разных странах отливки делают по-разному. То есть общие правила одни и те же, но мелочи... Бывает, в мелочи самая изюминка и заключается.

Для художественного литья можно использовать отливку в земляные формы. Так были отлиты, к примеру, статуи Юрию Долгорукому в Москве и Петру в Санкт-Петербурге. Можно - в керамические формы, словно в прочную яичную скорлупу.

Можно отливать в металлические формы без давления. Когда-то это называлось "литьем в кокиль". Но после сорок восьмого года у нас такое литье стали называть литьем "в металлические формы". И только в последнее время старое название было возвращено.

Так отливали и в Польше. Мы посетили Краков, мы видели экологически очень неблагоприятные районы. Поляки тогда уже много говорили о загрязнении атмосферы, их тогда уже волновали вопросы экологии, а мы-то и слова такого еще не знали. Зелена Гура, где дым заводов застилал горизонт. Но что такое Зелена Гура - по сравнению с Магнитогорском?

Во время этой поездки произошел один случай, который я часто вспоминал в своей спинальной жизни.

Два последних года, выезжая на улицу, я чувствую новое, изменившееся отношение к таким, как я. Предлагают помощь, чувствуется благожелательная настроенность.

А двадцать лет назад грузовики мчали, обдавая грязью. Я очень любил гонять по подмосковным шоссе на своей "рычажке". И служил помехой для шоферов. Не сбавляя

скорости, они пронеслись мимо, рискуя задеть, зацепить мое утлое средство передвижения.

Мы ехали из Варшавы в Краков в десяти огромных автобусах. Ехали по довольно узкому, без обочин, шоссе, обсаженному деревьями.

Я ехал в первом автобусе и все никак не мог понять, почему мы неожиданно сбавили ход, десять, двадцать минут - едем медленно. Подобрался поближе к водителю, чтобы через лобовое стекло рассмотреть в ночи, - что же мешает нашему новенькому мощному автобусу гнать на всех парах.

Далеко-далеко в свете фар маячила фигурка велосипедиста.

В конце концов он свернул на боковую дорожку, к своей ферме. Когда мы проезжали мимо, я рассмотрел, - пожилой уже мужчина, чтоб не сказать старик. Если бы наш автобус пошел на обгон, ему пришлось бы сворачивать в придорожную грязь.

Наш водитель и не пытался его догнать, приблизиться. Чтобы не смутить.

Это была - Польша.

Потом, через много лет, я попал в Америку. Потом я много читал о том, как живут спинальники, да и вообще - инвалиды, на Западе. Но - большего, чем в случае с этим велосипедистом, я так и не узнал.

И особенно было больно вспоминать ночную поездку из Варшавы в Краков после того, как три года назад, тренируясь на "рычажке", я стал свидетелем отвратительной картины. Таксист, молодой, здоровенный парень, остановил машину и ждал, пока вылезет из кабины очень пожилая женщина. А она с трудом открыла дверцу, не удержалась, упала, с трудом поднялась, даже не пытаясь отряхнуться, захлопнула дверцу, поплелась, прихрамывая, и уже теперь бессильными движениями руки пытаясь отряхнуть грязный снег, примокший к пальто при падении. Наверное, и "спасибо" сказала водителю.

Рыжий таксист спокойно, даже, как показалось, с легкой усмешкой, следил за страданиями старушки. Как только дверца захлопнулась - рванул, обдавая брызгами стоящих на остановке людей.

Это было - непонятно жестоко. Непонятно, кого больше жалеть, кто более достоин жалости, - старая женщина, сказавшая "спасибо", или жестокосердый водитель.

Жестокость, конечно, бывает разная.

Когда спинальник после больницы, после восстановительного центра, попадает в теплую семейную обстановку, - это чаще всего не хорошо, а плохо. Родные, жены, мужья, дети, - должны и виду не показывать, что он инвалид, что он не здоров. Что он - не нормальный. И помощи нельзя оказывать никакой, до тех пор, пока она уж очень-очень не потребуется. Когда уже иначе - нельзя.

Это жестоко. Представьте, вы - отец или мать, или любящая еще жена - и вот любимый вами человек перемещается по квартире на коляске, с трудом с этой коляски переползает на диван. Не может подъехать к умывальнику, чтобы привести себя в порядок (ванн комнаты в наших квартирах на это не рассчитаны), не может залезть в холодильник, не может самостоятельно приготовить себе еду.

Вы, конечно, кидаетесь на помощь.

Поэтому первые годы после травмы спинальник должен жить один. В том смысле, что он должен научиться все это делать самостоятельно, без чьей-либо помощи. Только тогда он будет жить. И чувствовать, что живет, а не существует.

Эта задача - очень трудная. Перед многими моими знакомыми спинальниками стояла остро. И я очень переживал - как бы им помочь! Советами? Но нельзя лезть самому с советом, пока не спросили, пока не позвали на совет.

Часто случалось так, что люди, которые могли бороться, если бы их с самого начала не окружали заботой, лаской, - опускали руки, становились инвалидами, иждивенцами.

Любовь иногда обязана быть жестокой.

Ох, как это трудно, - все делать самому, когда все вокруг стремятся тебе помочь. Сам ведь ты почти ничего и не можешь.

Иногда, чтобы сделать что-то самому, надо не просто приехать на кухню, надо сначала с дивана сползти на пол, передвигая подушки, добраться на кухню без коляски. Потому что розетка, видите ли, запрятана далеко за холодильником на уровне пола. Потом уползти обратно, передвигая подушки, взобраться на диван, оттуда - на коляску, и так далее.

Примеров таких - множество. Любое действие в собственной квартире, действие или движение - пример. Когда приходится затрачивать часы на то, что здоровый человек успевает сделать за считанные минуты. Что здоровый человек - и не замечает.

И все равно, это - единственный выход.

Конечно, спинальник не сможет самостоятельно переоборудовать свою квартиру таким образом, чтобы ему было удобно в ней жить. Расширить дверные проемы, чтобы коляска всюду проходила, - возможно только с помощью друзей, близких, хороших знакомых.

Мне в этом помогали мои друзья.

На Западе давно уже дома строят с учетом того, чтобы в них могли жить инвалиды. Я слышал даже, что если дом не удовлетворяет таким требованиям, мэрия его не принимает.

Не знаю, насколько это правда. У нас такая возможность не учитывается абсолютно.

В пятидесятые годы Москва активно застраивалась так называемыми хрущевками (или хрущобами). Малогабаритные квартиры, маленькие кухоньки, узкие коридоры. По такому коридору спинальнику можно только - ползать.

Потом строительство слегка модернизировали, возводить начали панельные дома. Но возможности проехать в такой квартире на кухню или в ванную - не появилось.

Я сам живу уже двадцать три года в такой квартире. Где на обычной коляске проехать невозможно.

Что ж, я переделал все свои коляски. Конечно, это сделать было очень трудно. В последнее время после таких работ у меня разыгрывается цистит, ведь производить все необходимые для слесарного дела усилия, лежа на боку, а не стоя у верстака, - очень тяжело. Но что делать! Конечно, спинальница-девушка не сможет самостоятельно переделать свою коляску.

В реабилитационных центрах спинальники обычно заводят множество знакомств, общаются, делятся опытом. Но все проходит, пациенты разъезжаются, адреса теряются. У меня таких друзей осталось только двое. Один из них - Володя Архангельский - полная моя противоположность.

Травму Володя получил всего на год позже, чем я. Но если я всю жизнь после травмы стремился ползти, двигаться, совершать немислимые походы на коляске, - он все время лежал дома, на кровати. Поэтому, конечно, он гораздо более беззащитен перед жизнью, чем я. Хотя работает, создает электросхемы, жена чертит, - так что Володя даже считается ценным специалистом в своем НИИ.

В основном мы общаемся по телефону. Но несколько раз я приезжал к нему на дачу в Солнцево, на своей "рычажке". Добирался на противоположный конец Москвы.

Во всем его жизнь противоречит моей, наверное, поэтому мы так дружны.

Его сгубило то, что сразу после травмы он попал в семью. Жена от него не ушла, именно из-за нее он и получил травму. Его пожилая мать, - сколько вреда своей помощью и заботой она ему принесла. Говорить о матери, о том, что она своей любовью навредила, - да как только язык поворачивается такое сказать!

Мать не может себя пересилить. Видя, как страдает ее ребенок, как ползет из одной комнаты в другую, к умывальнику, - не выдержит, принесет умывальник прямо в кровать.

И еду приготовит.

И - не даст самому от кровати оторваться.

Не знаю, как в подобной ситуации вела бы себя моя мать. Она умерла за два года до травмы.

Когда я пришел в себя в больнице, одной из первых пришла совершенно кошунственная мысль - как хорошо, что мама не дожила до этого всего. Страшная мысль. Но - именно об этом я и подумал.

Я думал и о своей семье, если ее можно было назвать семьей.

Я думал о том, что до травмы меня совершенно не волновало.

После развода с Ольгой я шесть лет прожил с мамой в санатории "Узкое". И только тогда начал понимать, - кто есть моя мать. Узнал, наконец, что это за человек. Полюбил за ее трудолюбие, жизненную стойкость. И все же - это все было лишь поверхностное знакомство. А иного и быть не могло, для иного я не был еще готов, я не был способен понять человека, даже очень близкого. Главными оставались - собственные успехи и победы.

Замыслы и помыслы так загромождали жизнь и свет, что не оставалось места и для мамы. Не оставалось места - женам и семьям.

Но если я могу себе простить такое отношение к женам, то к маме - нет, не прощаю.

Ведь даже умирала - не на моих руках.

Я тоща был на спортивных сборах под Москвой.

Мама умирала дома. В таком возрасте в больницу уже не берут. Тем более - с подозрением на рак.

Мы не знали диагноза. Врачи знали. Но сказали - "стенокардия".

Угасла она быстро, в двадцать дней.

У нее было правило, - каждый день гулять по часу в парке возле дома. Дышать воздухом. Я даже и не заметил, как ее прогулки все сокращались и сокращались, все меньше и меньше времени проводила она среди деревьев, а не в душной комнате. И совсем перестала выходить.

Когда стало совсем тяжело, у ее постели дежурили поочередно, - я, мой брат Лель и моя жена Соня. Я не бросал сборы, на дежурства приезжал после тренировок.

И так получилось, что мама умерла не на руках моих или брата. В тот день дежурила Соня.

Наверное, глухому все это понять - надо чтобы самого шарахнуло, чтобы Бог наказал, наказал страшной травмой. И тогда возможно войти в сообщество человек.

Человеческие мысли приходили ко мне, тревожили меня, когда мне становилось плохо. Здоровье улучшалось - отходили на задний план, прятались - глубоко. Вот и получается, что благодарить Бога - за болезни и несчастья, ибо только в них являешь себя образом и подобием Божьим.

После травмы я заставил Соню развестись со мной. Конечно, при этом я ставил ее в ужасное положение. Она могла в чьих-то глазах стать плохой женой, бросающей мужа в беде. Но я настоял на своем. Не задумайся я наконец над тем, что такое семья, - махнул бы рукой, и осталась бы Соня моей женой. И себя бы загубила, и меня бы не спасла. Это было бы ошибкой, наша связь никогда не имела ничего общего с понятием семьи.

Мы расстались. Позже Соня вышла замуж за известного волейболиста Воскобойникова. Говорят, он ударом мяча мог убить человека. Но жили они недолго, Воскобойников начал пить, а она не смогла уберечь его от этой напасти. Недавно она совершенно неожиданно позвонила. Просила посмотреть, - не осталось ли у меня нашего свидетельства о разводе для оформления пенсии. Документа этого у меня не оказалось, и мы со смехом вспоминали - в каком же ЗАГСе мы расписывались? Так и не вспомнили. Год - проще, год - шестьдесят третий, хотя встречаться мы начали еще в пятьдесят седьмом.

Поход в ЗАГС был вынужденным, мы могли и не расписываться.

"Суровая советская действительность" заставляла совершать неправильные и ненужные поступки. Жить было совершенно негде, у матери была маленькая комнатка в "Узком", я спал там на полу.

Образовывать семью - где?

Нужна была собственная квартира. Я занял денег у друзей. Но чтобы вступить в кооператив - надо было иметь право на жилплощадь. Вот поэтому нам пришлось расписаться. Вот поэтому мы не помнили номера ЗАГСа. Потому, что все это было совершенно не важно.

Весной пятьдесят седьмого года я заканчивал аспирантуру. Но заканчивал только по срокам, сделано у меня ничего не было. Спихватившись, я начал работу. Стоял в течение месяца у литейной машины и день, и ночь. Проводил эксперимент, на который потребовался бы целый год. Но - аспирантура заканчивалась. Я на месяц даже забыл о тренировках.

Кафедра выделила мне в помощь пожилую лаборантку, но этого явно не хватало. Тогда - прикрепили еще и студентку, Соню Давыдову. Ей надо было подработать, чтобы свести концы с концами. В те времена бедные студенты, а большинство студентов были бедными, вступали в научно - технические общества. Такие общества существовали при каждом институте. Подразумевалось, что студенты будут безвозмездно трудиться на благо науки. Но, по правде, членство в таком обществе было необходимо, чтобы оформиться на полставки, давало возможность получать дополнительно к стипендии рублей тридцать - сорок.

Так и делала Соня. Она была замужем за таким же бедным студентом Давыдовым. У них был ребенок, девочка, но семья скоро распалась.

Наша связь возникла как-то мгновенно. А началось все с рисового супа.

Я не мог оторваться от машины, даже чтобы сходить пообедать.

А Соня, тоже литейщица, тоже увлеченная экспериментом, увлеклась заодно и мной. Когда приходило время обеда, она бежала через дорогу, в столовую, приносила в кастрюльке три-четыре порции моего любимого молочного рисового супа. Этот суп нас и свел. В шестьдесят третьем расписались, чтобы в шестьдесят шестом развестись.

А Сониная девочка так и жила у бабушки.

И такие семейные отношения, к сожалению, часто возникали и у меня, и у моих друзей. Наверное, из-за бедности нашей. Мы не могли позволить себе жить свободно. Ведь так было у меня и с первой моей женой. Не было бы никакой необходимости в бракосочетании, если бы не стоял вопрос с квартирой, с пропиской.

Наверное, небывалая инфантильность была присуща многим из моего поколения. Мы рано начинали работать, зарабатывать деньги, но были беспомощны в социальных, бытовых вопросах. Мы были инфантильны и в сексуальном отношении, не знали многого, что положено знать юноше или девушке. Не знали, как строить интимные отношения. Из-за этого разрушались семьи. Из-за этого создавались семьи, без которых вполне можно было бы и обойтись. Большевики приучали нас к тому, что в отношениях между мужчиной и женщиной есть только одна сторона - физическая. Что жениться надо лишь для того, чтобы удовлетворять потребности в женщине. Другого искать и не надо.

Система коллективизации, система обездушивания и обезличивания, коллективизация умов и сердец - привела к такой инфантильности.

И не зря молодыми стали считать до сорока-пятидесяти лет. Мало получали, мало имели, но и забот многих иметь не полагалось, но и требовали - немного.

И я тоже был (и остаюсь во многом) продуктом этой системы. Несмотря на генетические задатки, на все способности, - я слишком часто совершал в жизни непростительные поступки. Глупые, вздорные поступки. Обманывал близких, обманывал любимых.

Обманывал - себя.

К сожалению, спинальник не может иметь собаку или кошку. Спинальник не в силах самостоятельно уследить, справиться с домашним животным.

Мне лет двадцать подряд предлагали, - заведи себе кошечку, она будет сидеть у тебя на коленях. Пушистая такая, ласковая. Наконец, я сдался.

Надя как-то принесла маленький теплый комочек, черный, с желтыми пятнами: "Это Тяпа".

Тяпа прожила у нас достаточно долго. Мы очень любили нашего маленького друга. Но я никогда не мог уследить за ее маневрами, на коляске или ползком за кошкой не угонишься. Поэтому Тяпа жила у нас, как хотела, на вольном выпасе.

Жизнь кошки на улицах Москвы подвержена не просто случайностям, но и настоящим опасностям. Особенно в предутренние часы, когда появляются страшные мужики с баграми и сетками, им нужен дешевый мех на шапки, которые они потом продают "под кролика". Или - просто хулиганы от нечего делать камнями швыряются, стараясь разmozжить голову ни в чем не повинному животному.

Каждое утро мы с волнением ожидали, вернется наша любимица или нет.

И однажды она не пришла.

Мы нашли ее в подвале, за водопроводными трубами. Всю ночь пьяные хулиганы справляли свой шабаш. Мучили не одну только, весь пол в одном углу был залит кровью.

Похоронили Типу в коробке, в садике за домом. Долго плакали Надя и Оля.

Дали как-то на пробу собаку. Она прожила у нас три месяца. Три месяца я пытался ее выгуливать, кормить, следить за ней. Но - воспитать собаку труднее, чем ребенка, - пришлось вернуть ее прежним хозяевам.

Зато прекрасно жили у нас хомяки, морские свинки.

Когда у нас появился первый хомяк - красивый, джунгарский, пушистый, - я в три дня смастерил ему специальный домик. Домик-клетку. Два этажа, на нижнем - столовая, домик с сеном и водой, на верхнем - домик в готическом стиле, спальня, туалет. На второй этаж вела парадная лестница. Наружную стенку заменяло большое стекло, - так хомяки всегда были под присмотром.

Один из наших друзей неудачно пошутил. Пришел к нам в гости больным гриппом, засунул бедного хомячка себе в рот.

Бедняга наш Мустафа, - родом из теплых краев, из Джунгарии. После этой "шутки" у него отнялись задние ноги. Он стал - почти как я. И, как и я, боролся, научился подниматься по лестнице на второй этаж, волоча парализованные ноги.

Я приделал надежные перила. Мустафа быстро сообразил, что это ему на пользу, что это - для него, прислонялся к ним спиной, чтобы случайно при подъеме не свалиться с лестницы.

Мечта иметь собаку родилась во мне очень давно. Еще тогда, когда я бегал.

Но о какой собаке могла идти речь, когда у меня времени на жен-то не хватало. Каждый день тренировки, работа в институте, писание статей, консультации, беготня по литейным цехам заводов. Даже по ночам приходилось иногда работать.

В шестидесятых годах распорядок дня бывал таков. Вставал в пять утра, в семь убежал на тренировку, на собственную тренировку, потом бежал на работу, лекции, занятия, общая тренировка. И, еле-еле живой, к одиннадцати часам приползал домой. Хорошо, тогда прямо в метро можно было купить какой-нибудь пирожок, перекусить на ходу. После и ужинать не надо. Прибегаешь домой и валишься спать.

О каких еще собаках тут мечтать! И все же полтора месяца в своей жизни я был хозяином собаки.

Правда, был хозяином напололам с Божуковым, зато ровно напололам. Собака все эти полтора месяца считала нас одним хозяином в двух лицах.

В то время мы были очень близки с Валей. Он тогда еще не женился, я часто оставался у него, жил по нескольку дней кряду, и его мама даже называла меня вторым сыном.

Мы беседовали задушевно, бывало, ночи напролет. Спорили о том, что лучше - любить или быть любимым. Я, конечно, утверждал, что гораздо лучше быть любимым. А Валентин тогда был влюблен, искал взаимности.

Позднее его любовь обернулась семейным счастьем. Первую свою дочку он назвал Женькой.

В 1962 году мы готовили штурм стены пика Революции. Необходимо было осуществить выброску грузов на пятитысячный перевал Абдукагор. Выброску поручили нам с Божуковым.

Ребята уже сидели на перевале, а мы загружали самолет в Душанбе, летели, выбрасывали грузы на парашютах, возвращались из вечных льдов в пекло города, - и все повторялось заново.

Валентин сидел в выходном проеме самолета, я его страховал, фотографировал горы, которые лежали под нами. Он выталкивал стокилограммовые ящики, и они уходили вниз, к перевалу.

Выброски прошли удачно, почти ничего не пропало. Все тридцать человек были обеспечены продуктами и снаряжением, всем необходимым для штурма. Для штурма стены была отобрана команда из лучших, способных идти по сложным скалам в условиях большой высоты, мороза, снега. Руководил командой Лев Мышляев.

Я гордился тем, что меня включили в такую команду. Ибо, несмотря на выносливость, несмотря на успехи в высотных восхождениях, впервые меня признали и как скалолаза.

В те времена Валентин еще не прыгал с парашютом, не парил над горными хребтами. Это потом у него появился такой немного пижонский стиль - вслед за грузами прыгать и самому, кружить под куполом своего парашюта над базовым лагерем, потихоньку спускаясь. А тогда - нам надо было пешком догонять экспедицию.

Из Душанбе маленький юркий "АН-2" доставил нас в таджикский райцентр Ванч. В Ванче нам следовало найти попутную машину, чтобы проехать еще километров сто до геологической базы. А там оставалось тридцать километров до морены, до базового лагеря. Теперь уже пешком.

Мы сидели на аэродроме и ждали машину. И день, и два. С краешку большого картофельного поля, которое являло собой взлетно-посадочную полосу, была маленькая уютная поляночка. Во всей Азии трудно найти место, где можно было бы сесть на землю, не боясь колючек. Но здесь можно было смело ложиться на землю, здесь была травка - мягкая, родная, как в России. Протекал чистый, как слеза, ручеек.

А рядом раскидывал свою тень огромный абрикосовый сад. И сторожила его такая же огромная, как и сам сад, овчарка, памирская овчарка - есть такая порода. У таджиков кормить собак не принято. Собака сама должна находить себе пропитание. А мы дали ей колбасы. Бросили одновременно по кусочку. Видимо, она впервые ела то, что дали ей люди. И, съев, - признала нас хозяевами.

С тех пор и до прихода машины собака все время была при нас. Мы кормили ее, ходили с ней сторожить сад (при этом каждый делал это так, как понимал, как умел, каждый по-своему).

Но, наконец, нашлась попутная машина. Набитая таджиками, киргизами, русскими, везли мешки с фруктами, овощами, разным шмотьем.

Жалко было расставаться. Жалко было бросать признавшую себя нашей животину.

Мы спросили у местных ребят на аэродроме, чьей считается наша собака. Оказалось, сторожа, живущего в этом абрикосовом саду (надо же, а мы-то ни разу его не видели).

Пришли к сторожу. Валя говорит:

- Отдашь нам собаку в обмен на, - и показывает на майку, что была на мне. Ничего особенного, белая с синей каемкой, и размера маленького. Да и непонятно было, кто теперь сад сторожить будет. Но, видимо, майка была нужнее. Обыкновенная футболка за рубль восемьдесят.

На собаку, теперь уже окончательно нашу, была надета номинальная веревочка. И уже втроем мы побежали грузиться на машину.

Мы решили назвать нового друга (точнее, подругу) - Женька. Так предложил Божуков.

Шофер грузовой машины - самый желанный гость во всех кишлаках, встречающихся на горной дороге. Когда нужно - ведь это он всех подвозит, потому самый ценный, уважаемый человек.

А дорога трудная, серпантин, узкие развороты, отвесные склоны, обрывы.

Проехав первые тридцать километров, мы остановились. В первом же кишлаке шофера повели поить.

Чем круче дорога, чем выше, - тем больше надо шоферу.

При первой же остановке Женька выскочила из машины. Мы видели, с каким трудом ей дается поездка, как мучительно ей от страшной тряски. Она решила распрощаться с нами, вернуться в свой абрикосовый сад. Она побежала вниз по дороге.

Ну что же, жаль, конечно, но пусть будет, как будет. Мы печально смотрели ей вслед. И вдруг она остановилась, оглянулась на нас, -словно спрашивала. Но мы просто смотрели на нее, ни звуком, ни жестом не выдавая своих чувств и желаний.

Она отвернулась, сошла с дороги и легла под куст чертополоха.

Несколько часов мы ждали, когда шофер выпьет и отдохнет. И через несколько часов - мы втроем влезли на борт грузовика.

Чем выше - тем больше шоферу надо. В последнем кишлаке он отсыпался после выпитого целые сутки. А всего наше путешествие на машине заняло три дня.

В течение этих последних суток в верхнем кишлаке мы сидели, как почетные гости, на дастархане, нас непрерывно поили зеленым чаем. Наливали, как уважаемым людям, по трети пиалушки. Чем больше уважают, тем меньше наливают.

Кишлак был киргизским. На Памире часто встречаются места, где население сильно перемешано. И невозможно понять, на чьей территории находишься. Киргизы мяса за один раз могут съесть очень много, наверное, килограмма четыре, не меньше. Это целое искусство. И горячий кок-чай очень помогает тому, чтобы жирная баранина усваивалась организмом.

А после еды - киргизы берут в руки свои национальные музыкальные инструменты, и начинаются песни! И начинаются пляски! И будь ты хоть самый расчислительный гость - не увильнешь от участия в общем веселье.

Ну, пел-то я всегда неплохо, у Вали тоже хорошие вокальные данные. Но - плясать? Я первый и последний раз в жизни отплясывал "Барыню" - именно в этом кишлаке. А что еще делать, - шофер спит, машина стоит.

Женька была с нами. Мы старательно ее подкармливали, вызывая бурное удивление у наших хозяев. Она поправлялась на глазах, шерсть залоснилась, в глазах появился блеск, азарт. На нас она смотрела с преданностью и любовью. Это было так радостно, так приятно.

Наконец вечером третьего дня мы достигли геологической базы. Здесь начиналась горная тропа. Дальше мы должны были двигаться на своих-на двоих.

Перед выходом Валентин задумал вымыть Женьку. Все-таки спала она вместе с нами в палатке, да и вообще Валя очень любит чистоту. Я же всегда был индифферентен в таких вопросах. Мне было совершенно непонятно - зачем ее мыть.

Раздобыли огромный кусок мыла. Посреди базы была труба с холодной водой. Валентин сказал мне : "Держи Женьку", и сам начал ее намыливать. Легко сказать, держи! Эдакого теленка, весившего больше, чем я сам. Да она могла нас обоих за собой таскать, как хотела.

Но Женька не вырывалась. Всю эту затею перенесла стойчески. Раз уж хозяин хочет - надо терпеть.

Мы вышли, свежие и умытые, в свой тридцатикилометровый поход.

В начале пути Женьку мы вели по очереди на четырехметровой веревке. Это было страшно неудобно и ей, и нам, она все время путалась под ногами. Пройдя так всего километр, плюнули и решили - пусть делает все, что захочет.

Мы идем под тяжелыми рюкзаками, забираемся все выше и выше, уже видны снежно-ледовые вершины, идем, потеем. А Женька - то убежит вперед, но тут мы спокойны, то отстанет, а мы волнуемся, вдруг вниз ушла, бросила нас. Проходит час, другой, - нет, смотрим, возвращается.

Так она нам нервы и мотала.

А год нашей экспедиции был как раз годом, когда сорвался, ушел вниз ледник Медвежий. Образовалось озеро, оно прорывалось, грязевыми потоками затапливались кишлаки, погибли сотни людей, множество домашнего скота.

Нам надо было вслед за взрывниками, проложившими новую тропу, пересечь двухкилометровый ледник. Ледник со странным названием, - медведи, что ли, по нему ходили?

В конце концов наша тройка достигла базового лагеря, в котором мы обнаружили одного лишь повара. Все остальные были на перевале, искали грузы, перетаскивали ящики к местам хранения. Трудность заключалась в том, что снеговые пространства были огромны, груз находили с трудом. Нам необходимо было как можно быстрее присоединиться к ребятам, указать более точно места выброски, облегчив тем самым поиски.

Взяв легкие рюкзаки, безо всякой акклиматизации, мы побежали наверх. Естественно, Женька увязалась за нами. Дорога сначала вилась по морене, по осыпям, но потом начался ледник Абдукагор. Мы вышли на блистающий, переливающийся голубизной лед. Погода - ясная, яркое слепящее солнце. Мы шли в солнцезащитных очках, совершенно не подумав о бедной нашей Женьке. Она в результате сильно обожгла себе глаза. И обморозила лапы. Но шла с нами, - что поделаешь, хозяин есть хозяин!

Ледник Абдукагор достаточно труден для прохождения, сильно изрезан трещинами. Женька все весело бежала легкой трусцой впереди, а вдруг отстала. Я сначала даже не обратил на это внимание. Шли мы очень лихо, не связавшись, не проверяя трещины впереди себя. И тут я оказался в закрытой щели. Спасли лыжи, привязанные горизонтально лямками к рюкзаку. Мы взяли с собой равнинные лыжи, чтобы на плато пика Революции попытаться бегать. Из затеи этой ничего не вышло, на пяти тысячах не побегаешь, пробежишь метров десять - и задыхаешься. Зато именно лыжи спасли меня от долгого падения в бездну, ибо трещина, в которую я провалился, расширялась книзу, казалась бездонной.

Валентин скинул мне веревку, я обвязался концом, после чего он аккуратно извлек, вытянул меня из западни.

Теперь мы стали более внимательными. Связались. И тут заметили, что как только перед нами оказывалась трещина, - Женька перемещалась в хвост нашей группы. Видимо, она чувствовала закрытые трещины, чувствовала опасность, хотя впервые была на леднике.

Мы постановили идти за ней, чтобы она и выбирала дорогу.

Идем за Женькой. Идем себе, идем, доходим до ледовой стенки. Метра четыре в высоту стеночка. Вырубили ступеньки, ввернули крюк, вышел наверх Божуков, вытащил меня. Ну а Женьку-то? Нет, решили, - хватит ей испытаний, крикнули: "Женька, домой топай, мы дальше идем одни".

Но недолго мы шли дальше одни. Через десять минут наша собака была с нами. Мы-то корячились, на стенку влезая, а Женька нашла обходной путь!

Наконец, вышли на перевал Абдукагор, всю дорогу мучил меня разболевшийся зуб, воспалилась десна. На перевале выяснилось, что и температура поднялась. Надо было спускаться вниз. Но вдвоем с Валей - нельзя, некому будет показать ребятам места выброски, помочь им. Дело-то надо было делать.

Значит, я должен был идти вниз один. Хотя и учат в учебниках альпинизма, что ходить в горах в одиночку недопустимо. Практика, как всегда, обгоняла теорию.

Наше расставание с Валентином происходило на небольшом перевальном плато. Он двинулся вверх, я вниз, - мы расходились все дальше и дальше... А между нами металась бедная Женька. Впервые хозяин раздваивался, ей надо было выбирать, - за кем идти.

Пошла все-таки за мной, ибо я шел вниз.

Впоследствии мы уже не таскали Женьку наверх. Больные глаза и лапы не позволяли, да и лучше ей было на теплой морене, при базовом лагере, при поваре, который кормил ее до отвала.

Когда мы спускались в базовый лагерь, она радостно приветствовала нас.

Спускались сверху двое, в пуховках, мокрые, обросшие, присыпанные снегом.

Она вскакивала передними лапами на плечи одному из нас, но лишь на мгновение, в следующее мгновение она уже висла на другом, сбивала с ног. Она металась так между нами в течение нескольких минут, приветствуя радостно своего хозяина в двух лицах. Как это приятно, - когда кто-то так предан тебе! Какое счастье иметь такого четвероногого друга!

После окончания экспедиции Женька осталась с геологами, на базе. Ей там понравилось, ее там полюбили. Мы расставались с грустью, но что было делать? Взять в Москву мы ее не могли, да и нечего в Москве было делать ей, выросшей в горах.

Так она и осталась - у геологов.

На стену пика Революции я так и не попал. Не попал из-за несчастного случая, произошедшего в самом начале спортивной части экспедиции. Двойка улетела в трещину, были организованы спасработы. Но одного из ребят спасти не удалось.

Как начальнику спасательной службы, мне пришлось везти тело погибшего в Душанбе. Поехали мы вдвоем с начальником экспедиции Лешей Чернобровкиным. Отсутствовали десять дней, когда вернулись - ребята уже ушли на стену. Я остался наблюдателем команды. Сидел на какой-то соседней вершине и следил за движением группы по стене.

Не знаю уж, как так получилось, но нам, двоим наблюдателям, не оставили почти никаких продуктов. А мы должны были не сходить с места все двенадцать дней восхождения, никуда не отлучаясь. Из продуктов мы имели: сухари, бычки в томате, лук, чай и немного сахара. Умудрились растянуть это удовольствие на все двенадцать дней. Варили рыбный суп на первое, уху из бычков в томате. С сухарями, просто так эту гадость не проглотить. На второе - сухари с рыбными консервами (бычки в томате).

И так все двенадцать дней.

Потом мы встречали их, нашу команду, спускающихся с покоренной вершины. Вместо приветствия я крикнул : "У вас сгущенка есть? Мясо есть?", но у них оставалась только горстка сухарей и две банки рыбных консервов. У нас не хватило духу узнать - каких!

Альпинистские будни. Трагическое и веселое, смешное, переплетаются, неотделимы друг от друга.

Спускали погибшего в Душанбе. Отправляли его на родину, в Киев, запаянного в цинковый ящик. Отправили очень быстро, в Душанбе - жара страшная, долго держать нельзя было. Но десять дней - просидели. И на стену я опоздал - не из-за этого. Десять дней ушли не на это.

Занятия альпинизмом в нашей стране всегда были четко регламентированы. Это на Западе - застраховался и иди, куда хочешь. Поскольку у нас такого страхования никогда не было, а деньги на экспедиции мы получали от государства, то государство и требовало отчета в случае чьей-либо гибели, какого-либо происшествия. Выезжала специальная комиссия и начинала официальное расследование. Очень часто такое расследование приводило к запрещению экспедиции продолжать работу. Экспедицию закрывали, руководителей наказывали. Несмотря на то, что были уже к тому времени истрачены большие деньги, несмотря на то, что цель бывала близка, одна радиограмма снизу - и команда сходила с маршрута. Команде приходилось возвращаться.

Все наши десять дней ушли на разбор комиссией нашего случая. Состояла она из трех человек: Колюня Булгаков, физик из Ленинграда, Леша Одноблюдов, профессионал-альпинист из Москвы, и Владимир Папегребский, тоже профессионал, начальник учебной части альплагеря "Варзоб".

Почему-то все члены нашей комиссии очень любили выпить. Колюня мог выпить литр в день. Папегребский - полтора. Леша Одноблюдов носил с собой в портфеле снаряженную канистру, чтобы делать это без перерыва.

Работа комиссии сводилась к тому, что мы непрерывно заваливались в какую-нибудь чайхану города Душанбе, брали еду и выпивку. Они пили, мы с Чернобровкиным ели. Расплачивались - деньгами нашей экспедиции.

К сожалению, очень многие альпинисты любили выпить. Гигантское здоровье, привычка к огромным нагрузкам - требовали разрядки в мирное время, "на равнине". Многие спивались, потеряв друзей, после случившихся трагедий. Переживания, - ведь для многих это была целая жизнь, - старались притупить водкой. И потом - умирали в сорок, в пятьдесят, хотя могли бы и до ста прожить, продолжая ходить в горы.

Чаще всего мы навещали чайхану, располагавшуюся на берегу Комсомольского озера. В тридцатых годах по приказу из Москвы были вырыты Комсомольские озера во всех столицах среднеазиатских республик. Я купался в душанбинском Комсомольском. Вода - тридцать три градуса, очень грязная. Но ташкентское и фрунзенское гораздо грязнее. В душанбинское втекает чистейшая горная речка Варзоб, потому-то озеро не слишком грязное и не слишком теплое. Для моего тощего тела - самое приятное купанье. Местная знать никогда не купалась в Комсомольском озере, считая, что вода в нем пахнет мочой. Я этого не замечал. Да и вовсе не так уж плохо относился всю жизнь к этому продукту человеческой жизнедеятельности. К тому же нетрудно подсчитать, что если все население города Душанбе пописает в это озеро, - вода сильно грязнее не станет.

На берегу Комсомольского озера было множество шашлычных, лагманных, где Леша Чернобровкин расплачивался за несъеденные нашими экспертами шашлыки. Я, наоборот, уничтожал все эти деликатесы. В жутких количествах. Впереди еще предстояла работа в горах, я надеялся все-таки успеть на стену. Леша тоже старался. Но пить я отказался наотрез, а ему приходилось. Иначе они сразу начинали кричать: "Ты нас не уважаешь, ты нас не любишь, ты нас обижаешь, как же мы будем заключение давать по твоей экспедиции?" И Леша вынужден был пить. Не литрами, но несколько стаканов в день приходилось на его горемычную голову.

А я поедал лагман. Наблюдал за его приготовлением, - ну и зрелище, доложу я вам! Теперь лагман в столовых подают - просто лапша с жидким супом. А тогда, в шестьдесят втором, заказанный мной лагман готовился на моих глазах, так полагалось. Все должно делаться на глазах клиента.

Повар брал кусок теста и начинал раскручивать его в руках, на весу. Крутил этот кусок теста, скручивал в длинную лапшу, достигавшую в длину три-четыре метра, казалось, как вокруг гимнастки мелькает лента, так и вокруг повара перемещался, размазывался по пространству кусок теста. Потом он свертывал, нарезал и опускал варить, - не в одном общем казане, а в небольших, строго по порциям.

Велись за столом бесконечные разговоры о том, кто виноват в случившемся, виновен ли я, как начспас, виновен ли Леша, как начальник экспедиции. Все это поперву казалось очень правильным. Лишь на десятый день до меня дошло, что гибель человека здесь совершенно ни при чем, что главным для этой троицы было - выпить за наш счет.

На десятый день мы приехали в "Варзоб", к Володе Папегребскому. Приехали, чтобы составить окончательный акт. Взяли водки, выпили в столовой, нас прекрасно покормили. Разговоры продолжались. Кто прав, кто виноват. И снова звучало: "Что-то выпить хочется". Папегревский сел за руль грузовика и мы поехали выше, в какой-то кишлак. В магазинчике была только водка да печенье. Мы взяли и того, и другого. Сели на берегу горной речки. Они пили водку, закусывали печеньем. Им все равно было - чем закусывать.

И в этот момент Леша мне шепнул: "Адик, выручай, я не могу больше выпить ни глотка, в горло не лезет, спасай, - а то опять без акта останемся". Что делать, наливай! Хватил стакан, и вдруг осенило. И что мне стоило раньше выпить? Взял я бумагу, взял ручку, начал сам писать акт, спрашивая у комиссии, - верно ли пишу. Написал первый абзац, - он

погиб там-то, тогда-то. Второй абзац, - никто не виноват, связка шла, расслабившись. Экспедицию можно продолжать. Все согласны?

Еще бы они не были согласны, после таких попок! Подписали все трое.

Вечером мы передали в базовый лагерь сообщение о том, что восхождение можно продолжать.

На стену я не попал. В качестве утешения мы с ребятами сходили на один из маячивших в гребне пиков, никем доселе не пройденных. Два дня били крючья - сначала скальные, потом ледовые. Назвали - пиком Космонавтов.

На этом завершилась спортивная часть экспедиции.

Сезон 1962 года оказался для меня очень долгим. Такого сезона у меня не было в жизни, кроме, разве что, весны и лета моего выпускного пятьдесят третьего. Экспедиция на пик Революции состояла из двух команд. Объединились спортивная команда "Буревестника" и сборная Таджикистана. Конечно, сборная была значительно слабей, ведь команда "Буревестника" была фактически вузовской сборной страны. И еще в мае я, как специалист по общефизической подготовке альпинистов, вылетел в Душанбе, инспектировать наших соратников.

Вылетал из Москвы поздно ночью, в легкий заморозок, на взлетной полосе лужи подернулись тонким ледком. Прилетел в Душанбе утром - плюс тридцать. К вечеру, к началу тренировки, на которой и должна была состояться проверка, термометр показывал плюс сорок в тени.

Конечно, на проверке я должен был подавать пример, задавать темп. Начал с легкой разминки. Потом пошли всевозможные упражнения. Подтягивались, отжимались, приседали на одной ноге, - ну, тут я еще лидировал с большим отрывом. Но взбрело же в голову напоследок провести еще пятикилометровый кросс. Начав бежать вместе со всеми, я должен был первым его закончить. Иначе я не представлял себе роли проверяющего. Проверяющий, который сам не может пробежать быстрее всех, - он не проверяющий, он жулик.

Бежали сначала по стадиону, по гаревой дорожке, потом начался асфальт, вьющийся меж холмами. Асфальт этот казался мне раскаленным, я обжигался сквозь тапочки. Мне казалось, что забег проводится в парной, пот тек с меня ручьями. С первых шагов родилось предчувствие - не добегу. Упаду, умру, расплаволюсь.

Грешно хвастаться, но прибежал я первым. Много лет спустя ребята из таджикской секции вспоминали эту тренировку, рассказывали о ней другим, молодым. Значит, не зря я бежал, раз запомнили - как надо тренироваться, выкладываться.

Конечно, за одну тренировку к восхождению не подготовишься. Но тогда до начала экспедиции оставалось еще месяца два. Душанбинцы усилили подготовку. Во всяком случае, во время совместных восхождений никаких нареканий не возникало.

Базовый лагерь наш, в котором при кухне отиралась Женька, располагался на морене, вокруг красивейшего горного озера. Я тогда не был романтиком, я не замечал всей этой красоты. Мне важно было одно - тренировки, тренировки, тренировки. Я уходил далеко по осыпям, так как бегать было невозможно, и метал камни. Делал всевозможные упражнения с тяжестями. Иногда ко мне присоединялся Божуков.

А сейчас вспоминается, - до чего же там было красиво! Прозрачное зеленое озеро, в которое сверху ступенями сказочной лестницы спускался ледник. В котором отражались снежные вершины. Трава не росла, палатки стояли на разноцветной мозаике камней и камушков. А посмотреть по-другому, - ледник Абдукагор, словно дракон, выползает из озера, поднимается над ним всеми своими башенками, стеночками, разрывами, скалится трещинами, ослепляет наплывами льда.

Лагерь у озера состоял как бы из двух половин. Из двух городков на разных сторонах. Палатки "Буревестника" на одной стороне, палатки сборной Таджикистана - на противоположной.

Стена была пройдена, труднейшая стена, были сделаны первовосхождения, в том числе и на пик Космонавтов. Гибель нашего товарища постепенно забывалась, отступала. Нельзя сказать, что альпинисты - народ равнодушный. Но что делать! Каждый в горах должен быть готов к тому, что в любую минуту может погибнуть. Или, еще хуже, друг погибнет. Но от этого люди не перестают быть веселыми, жизнерадостными.

Как началась война между берегами озера, - я не помню. Точнее, войны сначала никакой не было. "Буревестник", следуя своему имперскому менталитету, высадился на островок, находившийся ровно посередине озера, и водрузил флаг РСФСР. Не нынешний, российский, а старый. И соорудили крест. Вода была очень холодной, ребята совершали подвиг, на матрасах доплыв до острова и вернувшись обратно. Их отпаивали и оттирали остатками спирта. Все радовались, стреляли из ракетниц. И вот при свете сигнальных ракет мы увидели, как по озеру на каком-то плоту к острову плывут с другой стороны таджикские ребята. Утром на острове развеялся таджикский флаг.

Следующей ночью "Буревестник" предпринял еще одну попытку по захвату острова. С таджикской стороны в ребят полетели ракеты (сигнальные, конечно, но попади такая штука в лоб - не обрадуешься). Завязалась перестрелка. Слава Богу, расстояние, нас разделявшее, было достаточным, чтобы все остались целы и невредимы.

Так продолжалось несколько дней. В конце концов стороны решили уладить конфликт мирным путем. Пришли к соглашению: поскольку экспедиция совместная, то и остров тоже общий. Торжественно были водружены флаги Российской Федерации и Таджикистана. Ликование по этому поводу было всеобщим.

Так закончилась экспедиция шестьдесят второго года. Так заканчивался мой альпинизм. Я все еще продолжал ездить в горы. Но на стену я не попал все-таки не из-за опоздания, а из-за того, что уже не очень-то и хотелось. Все думы были о лыжах, о зиме, о соревнованиях. О спорте. Мой карьеризм мог существовать и питать себя только в среде спортивной, с наградами и званиями. Где сильнейший - всегда первый. А альпинизм - это не спорт. Альпинизм - это жизнь, это вид жизнедеятельности человека, это способ самосовершенствования, самопознания. Зачем же люди занимаются альпинизмом? Да затем и занимаются, чтобы сталкиваться с препятствиями, которых нет больше нигде - ни в спорте, ни в обычной жизни.

Я долго пытался превратить альпинизм в спорт. Но жизнь в горах камня на камне не оставила от моих начинаний.

Потеряв Игоря Ерохина на стене Домбая, я потерял не просто друга, не просто близкого человека. Я потерял наставника в альпинизме, учителя. Я потерял ориентацию в этом мире. И картина, прежняя, привычная - не восстанавливалась.

Чтобы снова пойти в горы, чтобы снова почувствовать интерес к этой особой жизни, необходим был какой-то перелом, какие-то серьезные изменения во мне самом.

Я вернулся в горы, уже будучи спинальником. Я вернулся, чтобы сначала просто жить в базовых лагерях, но потом - сделал несколько попыток сам восходить. Восходить - без ног!

Глава 4. ПРОБЕГ

Вернувшись в лыжную секцию, я начинал постепенно оживать, возвращаться к жизни. Возвращался в спорт. По-прежнему я не был профессионалом, зарабатывал на жизнь чтением лекций, преподаванием, приемом экзаменов.

Работал в секции тогда наш новый тренер - Георгий Смирнов. Гера. Иногда выступал на соревнованиях вместе с нами. Превосходно владел лыжной техникой. И, самое главное, - мог научить других. Он научил и меня, наконец-то, скользить, а не бежать по лыжне.

Гера мыслил стратегически. По его задумке, вся команда института должна была сплотиться вокруг меня, "старика". Я являл собой пример спортивного долголетия. А рядом, вместе со мной, тренировались двадцатилетние. Студенты, которым я читал лекции. На занятиях иногда с задней парты раздавалось:

- Андантин Константинович, давайте лучше споем.

Но дальше шуток дело не доходило. Никто из ребят в учебе не пользовался привилегиями моего соратника по команде. Держали дистанцию. На сборах - другое дело, вместе жили, отдыхали вечерами. Пели песни.

Гера Смирнов ругался, что я ему развращаю молодежь. Часто на тренировки мы выезжали за город, на электричке. А я принципиально не брал билет, даже пропагандировал такой подход среди знакомых. Дешевле один раз штраф заплатить, чем сто раз билет брать. Многие пытались следовать моему примеру, но Гера запрещал.

Приход Смирнова в команду скоро сказался. Лыжная сборная МВТУ начала выигрывать одну гонку за другой, побеждая в эстафете даже профессионалов - институт физкультуры. Секрет нашей силы заключался в сплоченности, сыгранности команды. Первым бежал я, бежал, стараясь хоть чуть-чуть - но обогнать соперника. Молодые закрепляли успех, упрочняли позиции. А на последних этапах бежали наши сильнейшие - Юра Яковлев и Олег Стеклов.

Олег родом был из глухой деревеньки, затерявшейся в хмурых еловых лесах северного Подмосковья. Не было электричества, до магазина надо было топать километров двадцать. Мать Олега жила в просторной древней русской избе, слегка уже покосившейся от времени.

Сам Олег в то время уже защитил диссертацию, получил звание доцента, и был оставлен в МВТУ преподавать сварочное дело. И - каждую субботу или воскресенье приезжал к матери, привозил продукты, помогал по хозяйству. Дорога была долгая. Сначала электричкой до Дмитрова, потом еще километров сорок лесами, по бездорожью. Весной и осенью деревенские добирались на гусеничном тракторе с прицепом на деревянных полозьях. Тракториста за работу поили бабы самогоном.

Олег как-то пригласил и меня прогуляться. Мы неторопливо, легко бежали по июньскому ярко-зеленому лесу. Иногда останавливались в попутной деревеньке выпить молока. Отдыхали несколько минут и бежали дальше. Настроение было превосходным - от чудной погоды, от легкости в ногах, от ощущения полета.

Вечером, при свете керосиновой лампы, мы лежали возле жарко натопленной печи. После картошки с тушенкой, чая с малиновым вареньем, лежали и разговаривали:

- И чего бегать просто так? Надо превратить лесной путь сюда в тренировку к длинным лыжным дистанциям. Олег вспомнил:

- Раньше бегали не только длинные дистанции. В тридцать шестом году четверка, возглавляемая Василием Немухиным, прошла на лыжах от Ленинграда до Москвы.

Читал об этом и я, напряг память:

- Они же прошли, только в обратном направлении, еще в двенадцатом году. От Москвы до Петербурга шли две недели. Под руководством того же Немухина, бывшего тогда молодым чемпионом России.

Именно тогда, на полу в старой избе, в глухой деревеньке, и зародился у нас план. Мы решили повторить маршрут тридцать шестого. И пробежать - в шестьдесят шестом. Ровно через тридцать лет.

В следующие выходные мы бежали уже втроем. К нам присоединился Юра Яковлев, аспирант. Родом он был из Ижевска, говорил красиво, нараспев, по-старинному. "Не засти", не загораживай, значит, свет. Производил впечатление медлительного, вдумчивого, флегматичного человека. Но на лыжне от его флегматичности не оставалось и следа. На лыжне Юра летел - птицей.

Потом присоединился Валя Муратиков, наш второй тренер. Юра и Валя с удовольствием поддержали идею пробега. Уже вчетвером мы проводили еженедельно двухдневные тренировки, ночуя в гостях у мамы Олега.

Чего только не случилось в глухих уголках Подмосковья! На что только мы не натыкались!

Однажды нас, всех четверых, взяли в плен. Как-то под Новый год домой мы возвращались другим путем, через Загорск. Этот новый путь был на двадцать километров длиннее знакомого, тем он нас и привлек. Погода - новогодняя. Тепло, около нуля. Нас вела кем-то проложенная лыжня, которая шла в нужном нам направлении. Легко скользили мы под птичье разноголосие.

И вдруг:

- Стой! Руки вверх! Не шевелиться! - из-за елок, как из воздуха соткались, два солдата-пограничника. С автоматами наизготовку.

- А что такое, что мы нарушили? - так смешно выглядят руки с лыжными палками, поднятые вверх.

- Молчать! Вы в запретной зоне. Вы не могли сюда так просто попасть, кругом предупреждающие знаки.

- Не видели мы ничего, у нас тренировка. Мы бежали - ни знаков, ни заборов, ни заграждений.

Погранцы пошептались между собой, повернулись к нам:

- Паспорта!

Надо же такое придумать! Кто и когда брал с собой на тренировку паспорта? В карманах - конфеты, колбаса, в маленьких рюкзачках за плечами - картошка в мундирах, молоко в бутылках.

Отвели под конвоем в избу.

- Ждите лейтенанта. Придет - разберется.

Мы не стали просто ждать, мы воспользовались теплом и уютom, - разложили харчи и приступили к обеду.

Лейтенант объявился через четыре часа. Долго звонил - дозванивался в Москву, в отдел кадров МВТУ. Оказалось, отдел кадров работает и в воскресенье. Нас отпустили. На прощание лейтенант пообещал в следующий раз подержать нас суток трое в нетопленной избе.

В сгущающихся сумерках покатали к Загорску. В Москве были только в двенадцать ночи. Долго еще на тренировках вспоминали этот случай, особенно когда шли той же дорогой. Но больше лыжня не заводила нас в такие дебри, обещание свое лейтенант так и не смог выполнить.

Приближался новый, 1966-ой год. Приближалось время старта.

Тактику движения избрали иную, чем была у Немухина в тридцать шестом году. Команда Немухина была армейская, поэтому шли они по готовой лыжне. Лыжню готовили специально для этого мобилизованные бойцы. Нам некого было мобилизовывать. Поэтому выбран был месяц март, когда снега уже немного, когда на оживающей уже земле остается только тонкая корка наста.

Зато у нас был персональный автобус. И врач. Автобус дал ЦК ВЛКСМ, вместе с шофером. Врача - пришлось взять самим, он ехал за нами на автобусе. Точнее, то за нами, то перед нами. Еще нас сопровождал комиссар пробега, в задачу которого входило следить за нашей честностью, следить за тем, чтобы мы не ездили на автобусе. Естественно, чтобы за этим следить, ему необходимо было тоже ехать в этом автобусе. Комиссаром был Игорь Немухин, лыжник, тренер, в то время - еще и корреспондент газеты "Советский спорт".

За автобус пришлось заплатить. Официально приурочили пробег к открытию двадцать третьего съезда партии. Двадцать шестого марта, что бы ни случилось, мы обязаны были финишировать.

Окончательно команда была составлена из шести человек. Добавились студент Тима Савостин и мой аспирант Женя Родионов.

Начинали в парке Победы, почти в центре Ленинграда. До революции это место считалось пригородом. В тридцать шестом году - последние кирпичные дома заканчивались. Стартовать нам, в предутренней тьме, пришлось по асфальту.

Взлетела ракета, - пошли! Пробег начался.

Погода благоприятствовала нам. Сначала. Всю ночь, достаточно холодную для марта, кружил пушистый снежок, дорогу засыпало на пятнадцать сантиметров. Мы легко прокладывали лыжню посередине улицы.

Из города выбирались несколько часов.

Первый день пробега. Первые 125 километров. Сжав зубы, шел Муратиков. Женя Родионов держался на пределе, - но не мог мой аспирант отстать от своего руководителя. Труднее всех было - Юре Яковлеву. Месяц назад он женился. А в медовый месяц не до тренировок. Когда мы в первый раз остановились перекусить, - Юра не мог есть.

Как капитан, я то подбадривал отстающего Юру, то догонял излишне поддающего Олега Стеклова. Стремление помочь, поддержать всех - удваивало силы. Да и в долгом, на выносливость, беге я чувствовал себя гораздо увереннее, чем в скоростных рывках на "пятнашке" или "тридцатке".

Выдержала вся шестерка. Никто с лыжни не сошел. Выдержала команда.

Погода продолжала нам благоприятствовать. Стало теплее, под ногами хрустел наст, хрустел - да не проваливался. Лыжня не нужна была при таком раскладе. Мы все время меняли порядок движения, часто перестраивались в шеренгу, дружно толкались, рассыпаясь веером, во всю ширину. Так было веселее, а значит - и легче.

В лыжный пробег пришлось привнести суровую альпинистскую дисциплину. После первой же остановки на перекус. Чтобы не есть на холоду, залезли в автобус. Залезли на пятнадцать минут, вылезли - через полтора часа. С тех пор подкармливались, меняли лыжи - практически на ходу, задерживаясь у автобуса на минуту-другую. Гера Смирнов поил нас глюкозой с черничным соком. Минералкой. Кефиром.

В пробеге нам помогал еще один человек - Борис (фамилии его, к сожалению, я так и не вспомнил). Звали мы его - Глыба. За огромный рост, широченные плечи, необыкновенную силу. Глыба очень любил лыжи. В институте ему помог восстановиться Смирнов. После тюрьмы.

В качестве пассажира Борис пробыл полдня. Наша тактика движения делила сутки на две части. Бежали с пяти утра до часу. После этого продолжать движение было трудно, солнышко расходилось, снег таял, цеплялся к лыжам, подлипал. Время дневного солнцепека мы переживали. Отдыхали, обедали в столовой, ресторане, избе, - там, где находил нам обед Смирнов. Автобус целый день летал, как пчелка, то вперед, то назад. То надо было быть подле нас. То мчаться вперед, искать обед. Во второй половине дня, а возобновляли бег мы в четыре часа, автобус должен был быть то возле нас, то опять лететь на поиски отдыха, ужина и ночлега. Такой компот был совершенно не по силам шоферу ЦК комсомола. Зато очень даже по силам бывшему зеку. Шофер автобуса пытался забастовать. Пришлось его арестовать, посадить на заднее сиденье.

А за руль сел Борис Глыба. И покинул место рулевого только в Москве. Автобус под ним летал круглые сутки, успевал всюду.

Любовь Бориса к лыжам была безгранична. В один из последних дней, когда сил уже ни у кого не было, чтобы нагнуться, отстегнуть лыжи, - Борису пришлось поработать и перевозчиком. Дорогу нашу часто пересекали железнодорожные пути. Каждый раз приходилось отстегивать лыжи, перебежать полотно, на той стороне опять нагибаться - надевать. Сил это отнимало - массу, сбивало темп движения, мешало обрести "второе дыхание", механичность бега.

И вот мы перед очередным препятствием. Олег, бежавший впереди, только горестно оглянулся и уже почти достал руками замочки креплений, - из автобуса выскочил Борис. Схватив в охапку Стеклова, он в два прыжка преодолел накат рельсов, поставил Олега на снег и тут же побежал за следующим.

Борис и Гера за шесть суток не спали, кажется, ни минуты. Хватало и врачу с Игорем Немухиным. Наши истощенные тела, мышцы необходимо было массировать во время каждой остановки. В пути непрерывно клалась смазка на сменные пары лыж. Бежали мы на деревянных лыжах таллинской фабрики. О пластиковых мы тоща и не слыхивали. Все

истерли, стесали по две пары. Выдержали все только мои - финские "Ярвинен", из карельской березы, окантованные гикори. Самым твердым на планете деревом. Такие лыжи возможно было достать только у перекупщиков, за огромные деньги. Такие лыжи предназначались для сборной Союза, и даже члены сборной платили за них, правда - "государственную" цену. Но я не жалел о том, что после пробега мои лыжи годились только на дрова. Я был доцент, богатый человек, я мог позволить себе на такой пробег истратить такие лыжи.

Наш полет напоминал непрерывающуюся лыжную гонку. Десять километров за 35-36 минут. Норма первого разряда. Но мы бежали - не на разряд, мы бежали десятку за десяткой. Бежали, как на соревнованиях, в одинаковых красных с синим комбинезонах, гетрах, шапочках.

Десятка за десяткой. Спуск - подъем, спуск - подъем. Толчок за толчком. И так все сто двадцать - сто тридцать километров на день. Все на ходу - кормежка, питье, массаж, смазка лыж. Мы втянулись в этот ритм, мы не сдавались.

От Ленинграда полпути - взбирались постепенно на Валдайскую возвышенность. Дар Валдая - пятьсот метров высоты надо набрать. Перевалив в сторону первопрестольной, выехали к старинному русскому городу Вышнему Волочку. Волок здесь был, на большой высоте переваливали ладьи по дороге к теплым морям. Здесь надо было - волочить. В Вышнем Волочке снега не было. А были - лужи, мокрый асфальт. С лыжами в руках мы бежали десять километров.

Шел мелкий дождичек. Ребята начали потихоньку паниковать. Ведь если снег уже совсем кончился, - так бегом до самой Москвы нам не добежать. А по мокрому асфальту - очень быстро разбивались, стирались, распухали ступни и голеностопы.

Впоследствии суставы раздуло, врач делал обезболивающие уколы на каждой остановке.

Но надо было миновать эти десять километров мокрого асфальта. Капитан не имел права дрогнуть. Я бежал впереди и самым глупым образом подбадривал друзей:

- Представьте себе, что за вами гонятся фашисты с автоматами и овчарками. Останавливаться нельзя, будут стрелять!

Что-то еще, какую-то уж совсем окопесу.

Ребята не улыбались. Ребята бежали, пока не появился снег по краям дороги.

Потом уже я понял, что допустил ошибку с этим бегом. Надо было пешком идти эти десять километров. Потеряли бы - час лишней, зато суставы были бы целы, зато сохранили бы ноги, - не только этот час, но и много часов отыграли бы.

После прохождения дистанции всю команду, как одного, врачи уложили на десять дней в городской спортивный диспансер.

Москва приближалась. Калинин (по мокрому асфальту) прошли не бегом - шагом. Снег, чем южнее, - все более приближался к лесу, прятался в его спасительную тень, отступал от дороги. Наш путь удлинялся зигзагами, по опушкам и полянкам.

Вспоминали Радищева, его "Путешествие". Все оставалось таким же. Те же деревни: Дурькино, Ложки, Черная Грязь... Но вольнолюбца нашего в каждой деревне встречали толпы крестьян. Он завтракал, обедал и ужинал в трактирах. Значит, через каждые тридцать верст?

Трактира - не было ни одного. Нас никто не встречал. Остатки жителей разоренных деревень равнодушно взирали на невесть откуда взявшихся лыжников в спортивной форме, на автобус, разрисованный лозунгами к двадцать третьему съезду. Россия лежала перед нами тем же загадочным необозримым пространством, как и сто пятьдесят лет назад. Только скорость наша была раза в четыре выше.

Бежали последние два дня тупо. Когда до Москвы осталось меньше ста километров, всех начал жутко беспокоить вопрос - сколько же именно, точная цифра. На нашей стороне километровые столбы указывали количество километров, пройденных нами. Задача несложная - взять увиденное число и вычесть его из 725. Однако эта простота

была - кажущаяся. Ответы не сходились, у каждого свой, потом - просто не приходили в голову, состояние было похоже на то, когда сидели в барокамере, когда на высоте заставляли двузначные числа перемножать.

Весь кислород поступал в мышцы. Мозги - на голодном пайке.

Перед Москвой мы заночевали в поселке Крюково, оставалось всего двадцать километров. Почему-то все вокруг решили прибыть на финиш умытыми и побритыми. Бритвы были у каждого своя, ехали в автобусе. У кого - электрическая, у кого - обычная.

Прикосновение холодного бока электрической бритвы - весьма неприятно, особенно когда кожа вся обветрена, все соки вышли с потом. Но я усиленно тер и тер подбородок и щеки. Потом привычным движением вскрыл ножи, попытался вытряхнуть набритые волосинки, На удивление - в умывальник не попало ни волоска. Я повернулся к друзьям, - но у них была та же история. Брить было - нечего. За все эти дни у всех шестерых взрослых мужиков подбородки остались чистыми. Спросили у врача, - он в ответ только руками развел, никогда о таком феномене не слышал.

Видимо, нагрузки были такими, что и на бороду у организма не хватало, что и борода не росла. Мы отдали все, даже бороды.

Ближе к Москве спустились с Ленинградского шоссе на лед Химкинского водохранилища. Пробежали еще километров семь и выпилили в гул и грязь Ленинградского проспекта. Сняли лыжи. Врач разлил всем обезболивающее по голеностопам, Муратикову еще и в колено пришлось. Оно уже не держало, прогибалось под ним. Бежали пешком еще пять километров. И только за пятьсот метров до финиша опять напялили лыжи. И заскользили между деревьями по свеженасыпанной лыжне к стадиону Юных пионеров. Лыжню насыпали с утра, с шести часов, эти самые пионеры.

Закончили гонку в 9 часов 42 минуты. За восемнадцать минут до открытия съезда.

Я никогда в жизни ничего не коллекционировал. Чемпионские медали раздарил друзьям. Не хранил газетные и журнальные статьи о себе, хотя набралось бы их изрядно. Я все выкидывал, кроме одной статьи. Небольшую, из газеты "Советский спорт", - я храню ее по сей день и буду хранить до самой смерти. Статья Игоря Немухина "724 победных километра". Я приведу ее здесь почти полностью.

"Вчера... на аллее Ленинградского проспекта в створе стадиона Юных пионеров финишировала команда лыжников МВТУ, в которой шли кандидаты технических наук мастера спорта А. Белопухов и О. Стеклов, аспирант мастер спорта Ю. Яковлев, преподаватель кафедры физвоспитания В. Муратиков, перворазрядник Е. Родионов, студент мастер спорта Т. Савостин. Тренер команды - Г. Смирнов. Они стартовали в Ленинграде 20 марта в 6 часов утра. Таким образом, 724 километра команда прошла за 6 суток 3 часа 42 минуты. Этот пробег - рекордное достижение.

У финиша лыжников встречали: участник первого и второго переходов А. Елизаров... заслуженные мастера спорта Н. Дубинина, А. Пеняева... преподаватели и студенты МВТУ, других институтов...

...Пробег проходил в необычайно трудных условиях. Лыжникам приходилось бороться со шквальным ветром, дождем, оттепелью. И все же дружный отряд выдержал рекордный график..."

Дружный отряд. Да, мы были очень дружны, хотя скоро судьба развела нас. Хотя все мы были такие разные.

Валентин Муратиков был среди нас единственным профессионалом. Как отец его, как и дед. Отец проработал всю жизнь на подмосковной базе "Планерная", мекке московских лыжников. Он делал лыжню для них. Каждый день. Так и умер - на лыжне.

А Тима Савостин был из нас самым молодым. Ему шел двадцать первый год. Но не самым слабым. В пробеге держался - одним из сильнейших. Он и в институт пришел - уже со званием мастера спорта. Высокий, плечистый, худой. Тима был из беднейшей семьи. Отца не было, мать работала уборщицей, получала гроши. Сорок рублей - как моя стипендия на пятом курсе. А детей - пятеро. Тима - старший, остальным вместо отца. Мать

покупала раз в неделю кости и варила на всю неделю большую кастрюлю супа. Да гречневая каша с молоком, да хлеб. Пойми после этого, как надо питаться, чтобы стать таким двужильным, сильным, выносливым, как Тима.

Я в детстве имел вдоволь не только молока, но и мяса, масла, овощей. Фруктов наше поколение не знало. В детском саду перепадало по нескольку мандарин с новогодней елки. И яблоки ребенок в Гусе-Хрустальном жевал два-три раза в год, по праздникам. Но всего остального хватало.

Тима, на костном бульоне выращенный, не был слабей меня. В следующем пробеге, Москва-Осло, когда я валялся со сломанной спиной в больнице, Тима Савостин вел команду, перенял капитанство.

После пробега нас затаскали по собраниям, поздравляли, награждали грамотами, призами. В институте, в федерации, в МК комсомола, в ЦК комсомола. Как же, в честь партии - такой успех!

Но нам было не до этого. Мы не хотели терять ни единого дня. Новый пробег маячил впереди. Не зря мы продавались с пробегом первым, - не будь он посвящен съезду, не будь он разрекламирован комсомольскими дубинами, - нам не разрешили бы бежать в Осло. Осло - это уже заграница, да еще какая, капиталистическая.

Снова - тренировки каждый день.

Я же, кроме всего прочего, как мальчишка, продолжал усердно готовиться к защите докторской.

Чтобы на старте лыжной гонки объявляли:

- Стартует доктор технических наук мастер спорта...

Смешно. Сейчас смешно. И непонятно - зачем?

А тогда ...

Глава 5. ВСЕ ЗАНОВО

Два месяца я умирал.

Врачи выходили в коридор, семь раз говорили моим друзьям, что я кончился. Я этого, конечно, не знал. Просто было очень трудно, было очень больно, непрерывные уколы, морфий, обезболивающее. После укола - два часа хорошо, покойно, а потом боль возвращается, начинает нарастать. Все сильней и сильней. Терпишь. Потом, когда терпеть уже невозможно, зовешь сестру, - колите снова.

Да что - я! Все спинальники проходят через все эти боли, когда оперируют на спинном мозге, когда развороченная спина начинает срастаться.

Дежурства друзей были установлены после того, как выяснилось, что мне нельзя долгое время лежать в одном и том же положении. Безжизненное мое тело следовало все время переворачивать. На первые два дня меня положили на крестец, врачи сразу же хотели сращивать оторванную ногу. От долгого лежания образовался пролежень, крестец загнил, загнил до кости. Так что переворачивать надо было каждые два часа.

Этого долго не понимали в наших клиниках. Считалось, если спина сломана - надо лежать именно на спине, и чтоб особо не беспокоили, и чтоб не двигали. Поэтому многие спинальники покидали больничные палаты - все в пролежнях. И умирали в первую очередь от этого, ведь гниение уже не остановишь.

Пока человек лежит без памяти, пока - недвижимым трупом, - необходимо следить за ним. Потом, когда он сможет двигать свое тело, - все будет делать сам.

Два месяца я не мог пошевелить рукой. Просто сил не было. К концу второго месяца начал чуть-чуть шевелить пальцами, кистями, делать небольшие движения. И дело пошло. Сам вскорости научился переворачиваться, держать в руке ложку и стакан. Но с пролежнем, заработанным в первые два дня, сделать уже ничего было нельзя, он остался со мной на всю жизнь. Именно пролежень этот - причина всех моих несчастий в дальнейшем.

Но - боли постепенно проходили, в конце концов начал я есть, появился аппетит. Случилось даже то, чего я всю жизнь боялся, с чем боролся, - на животе кой-какой жирок завязался. Ведь, кроме прекрасной больничной кормежки, моя тумбочка всегда была забита продуктами со всей Москвы. Каждый дежуривший считал своим долгом принести чего-нибудь "вкусненького, домашнего". Наверное, пол-отделения помогало мне уничтожать все это разнообразие.

Силы потихоньку прибывали. К концу третьего месяца мне разрешено было сесть. Я и до того, наверное, мог бы, но - не разрешали. Это для меня было величайшее событие. Ведь вот как - я уже сижу! Здоровею не по дням, а по часам.

Спина срасталась, спинной мозг так и оставался - разорванным. В ногах никакой чувствительности не было. Приходили врачи, кололи ступни иголками, все говорили: "Вот-вот, уже лучше". Но я в глубине души чувствовал, что все это вранье. Как не было никакой чувствительности до середины живота - так ее и нет. А им все кажется - вот пальчик шевельнулся, вот нога подпернулась. А это все обычная спастика. Есть такое понятие в медицине, как бы заряд электрический проходит.

Потом, через несколько лет, я разобрался в природе этого явления.

Паралич бывает двух типов - вялый и спастический. Спастический - и лучше, и хуже. Хуже тем, что ноги, случается, произвольно дергаются, как будто их током бьет. Такой разряд может человека и с кровати скинуть. Бывает - очень сильно и неприятно. Некоторым даже жилы перерезают, чтобы спастический обратить в вялый.

Но спастика зато поддерживает хоть какой-то тонус. Особенно важна спастика в половой жизни. Вялый паралич делает невозможной эрекцию у мужчин. При спастическом параличе мужчина способен удовлетворить женщину. Сами ничего при этом не чувствуют, но возможность дарить радость любимой - дает обратный отклик, отклик эмоциональный. Такие спинальники гораздо более оптимистически настроены, гораздо веселей смотрят на жизнь.

Что же такое спастика?

Спинной мозг у человека состоит как бы из двух стволов, - из основного и параллельного. Если происходит какое-либо раздражение, ожог, укол, - нога дергается еще до того, как срабатывает головной мозг.

У спинальника такой сигнал дойдет до места разрыва, произойдет как бы отражение, и в результате мышца сократится, нога дернется, палец шевельнется. У обычного человека головной мозг блокирует многие раздражающие импульсы, остаются только выбираемые, значительные. Но когда связи с головой нет, - усиливаются условно-рефлекторные цепи, убыстряются импульсы, ничто уже не может остановить их возбуждающее действие. Например, спастическое дерганье у обычных людей случается во время сна. Мозг отдыхает, блокировка снимается, человек испытывает действие спастики.

Своего специалиста по позвоночным травмам в ЦИТО не было. На операции приглашался хирург из кремлевской больницы. Серьезный пожилой профессор, боевой хирург, проделавший множество операций в полевых госпиталях на фронтах Отечественной войны.

На пятый день мне сделали операцию на спинном мозге. Просто - посмотрели, что у меня в позвоночнике творится. Хирург, делавший мне операцию, не сообщал результатов выхаживавшим меня врачам. Поэтому они говорили, - ну вот, идет восстановление, скоро будете ходить.

На долю немногих выпадают две операции на позвоночнике подряд. Операции - люменоктомии. В них основная задача - вскрыть оболочку спинного мозга, посмотреть - что там происходит. Составить переломленные кости, удалить обломки, восстановить сам позвоночник. Естественно, после двух операций спина у меня была разворочена - будь здоров! У всех такие аккуратные, чтоб не сказать красивые и изящные, швы, и только у меня - страсти, на всю спину. Но что значит некрасивый шов, если всякий шов только

украшает мужчину.

Хвалиться страданиями - не просто дурно, но и смешно. Каждый спинальник проходит через все эти страшные муки. А каждый здоровый - вполне может их себе представить.

На четвертый месяц мне разрешили сесть. Пока что я действовал только по разрешению. Разрешили - значит, можно. А не разрешили - нельзя. Почему-то у меня до этого момента не возникало стремления делать что-то самому, не возникало сомнений - а правы ли лечащие меня врачи?

Врачи, особенно когда речь идет о травмах, - наши спасители. В терапии кто как только не лечит и не лечится. Тут и гомеопатия, и народные средства, и восточные гимнастики. Но когда сломана рука, нога, спина, когда кости надо собирать, сращивать, - нам необходим хирург, опытный хирург, никто другой не поможет. Но хирург - починит и уйдет, а восстанавливаться придется самому. Нет того специалиста, который бы выходил потом, заново научил ходить, бегать, прыгать, сделанное хирургом довел бы до ума.

К тому же совершенно одинаковых травм нет, а хирурги зачастую подходят ко всем нам с единой меркой. Всем надо сделать люменоктомию, составить позвонки, осмотреть спинной мозг. Если травма произошла только-только, за четыре часа, спинной мозг возможно просто сшить, он срастется потом. Но это четыре часа. Обычно спину ломают в таких ситуациях, что на стол хирурга бедняга попадает не через часы, а через десятки часов.

Выхаживать себя приходится самому.

И решать - что уже пора делать, а что еще рано, - тоже самому.

У спинальных кроватей есть сверху прикрепленная штанга, за которую можно брать руками, подтягиваться, помогать себе подниматься. И вот разрешение дано, я подтянулся на этой палке и - оказался сидящим на кровати. Сижу! Лечащий врач сказала мне, что в первый раз сидеть можно не более десяти минут. Иначе закружится голова, будет плохо, больно. Я посидел ровно десять минут, прилег, отдохнул. Поразмыслив, удивился, - ведь ничего из обещанного не почувствовал, совершенно не устал. Снова потянулся, посидел еще десять минут. Ну - ничего, никакого упадка сил. Надо было продолжать.

Был уже конец рабочего дня, врачи расходились. Я попросил друзей притащить мне коляску из коридора. На шестнадцать палат была всего одна коляска-каталка, да и та стояла пока, до меня, без дела. Со сломанной ногой - коляска не нужна, можно и на костылях передвигаться.

Сел я на эту коляску и поехал. Первым делом - в палату к знакомым девочкам, с кем я так впоследствии подружился. Очень хотелось показать, что я сижу! Ура, видите? Я уже сижу!

Это была победа, маленькая, но победа. Да и не маленькая, это было первое, чему я научился после травмы, первое действие в возвращении к жизни. К активной жизни.

И, - надо же было такому случиться, - первым, кого я встретил в коридоре, был тот самый хирург, который меня оперировал. Подошел ко мне седой хмурый человек в белом халате и сказал:

- Вы меня не знаете, но я тот, кто делал вам люменоскопию. Мне рассказывали вашу биографию, вы - сильный человек, поэтому я скажу вам всю правду. Сейчас здешние врачи вас обманывают. Не хотят излишне травмировать вас психически. Но я обязан вас предостеречь от ненужных иллюзий. Вы никогда не сможете ходить. Я видел, - ваш спинной мозг перебит полностью, разорван, на нескольких сантиметрах позвоночника его попросту нет. Таким образом, восстановления никакого произойти не может. Вы останетесь спинальником на всю жизнь. В этом нет ничего страшного. Просто надо готовиться, уже сейчас готовиться к новой жизни, придумывать для себя разные упражнения. Надо учиться сидеть, есть, спать, двигаться, заново учиться. На это вы должны употребить всю свою волю, энергию. Я верю в вас, вы сможете это сделать.

Спасибо ему! Я жив до сих пор - только благодаря его искренности.

В наших больницах не принято говорить пациенту правду. Если сразу ясно, что спинной мозг перебит, - зачем же это скрывать? Не всегда это точно известно, иногда приходится ждать полтора-два года. Хирурги часто не решаются вскрывать оболочку спинного мозга. Когда перелом не очень страшный - стараются не трогать, чтобы случайно не навредить. Ведь малейшее нарушение этой оболочки - может лишить человека последней возможности, последней надежды, может привести к парализации. Много встречал я таких, у кого брали спинно-мозговую жидкость с помощью специального укола. Любопытство врачей, - проводит или не проводит спинной мозг, - приводило к нарушению оболочки и парализации нижних конечностей. Настроение и гнев таких спинальников - жертв неосторожности врачей - легко понять. Не делали бы ему эту "пункцию" - он бы ходить смог снова. Не так, как все, но - ходить. А теперь на всю жизнь прикован к инвалидной коляске.

Так что точный диагноз не всегда можно поставить. Но все же чаще всего врач сразу видит, как идет восстановление, нарушен или нет спинной канал. И уж правильнее, наверное, дать возможность человеку рассчитывать на худшее. Это правильнее, чем когда и год, и два борешься за восстановление, а оно - обещанное - не приходит и не приходит. Очень многие в такой ситуации психически надрывались, разочаровывались в своем земном существовании совсем. В результате, когда благородный обман во благо становился явным, - запивали по-черному, начинали пользоваться наркотиками, некоторые просто сводили счеты с жизнью.

Но мне повезло! Я мог не встретить в коридоре этого нужного человека, мог обманываться много лет, совершать безумные попытки - ходить.

Произвели ли его слова на меня тогда какое-либо особое впечатление? Не могу точно сказать, не помню. Я остался равнодушен к этому известию. Я просто не знал, что это такое. Не знал, как не знает большинство людей на планете. Знают - единицы. Знают - сами спинальники. Знают их родственники, близкие, друзья, те, кто носят своего друга на руках от машины до квартиры, от порога до коляски.

Но есть еще одно, что дало мне спокойно перенести столь страшную новость. Когда человеку возвращают жизнь, жизнь, - но с условием, что он не будет ходить, - он воспринимает это, как дар! Ведь жизнь возвращают! Подумаешь, что ходить не буду! Главное - жить!

А когда много месяцев подряд человек, уже вполне оправившийся и запомнивший, что жизнь ему возвращена, много месяцев живет надеждой на то, что скоро будет ходить, и эти надежды не опровергаются - наоборот, поддерживаются окружающими, и вот эти надежды рушатся, - вот тогда петля! Вот тогда - мука!

Спинальник - это не диагноз. Спинальник - это принадлежность к нации. Среди спинальников есть свои артисты, художники, писатели, спортсмены. Есть пьяницы, подзаборники, дебоширы.

Спинальникам жить тяжелее - с точки зрения двуногого.

Но сравнимо ли счастье человека, ущербного физически, да с чистой совестью зато, с подспудным несчастьем здорового злодея? Вот вам и ответ, что первично в мире - дух или материя. Дух - важнее, дух скорее делает человека человеком, нежели физическое сходство.

* * *

На лифте с нашего этажа можно было спуститься в спортивный зал. Позвонки мои срослись. Конечно, за штангу я не брался. Делал различные упражнения, растягивал эспандеры. Подъезжал на коляске к шведской стенке, ставил на тормоза, на руках добирался до самой верхней перекладины. Во время подтягиваний ноги дергаются, обо что-то бьются, но я залезаю, подтягиваюсь, спускаюсь, отдыхаю, снова лезу вверх. И все бы хорошо, но очень моим упражнениям мешала врезанная в живот трубка.

У спинальников многие внутренние функции организма нарушаются. Часто не работает мочевого пузырь. Мочу надо заставлять выходить наружу, мочу приходится выбивать.

Обычное упражнение, рекомендуемое врачами в таких случаях, - выбивание ударами по животу. Но такой метод не освобождает полость пузыря от всех остатков. А остатки - самое важное. Из-за остатков может произойти воспаление мочевого пузыря. Остатки загнивают, инфекция поднимается вверх, к почкам. Очень многим приносят огромные мучения именно вопросы мочеиспускания.

Врачи наши решали такие проблемы просто. Вставляли трубку - и все. Во-первых, не надо учить спинальника всяким упражнениям, приводящим к полностью освобожденному мочевому пузырю. Во-вторых, нет опасности возникновения воспалительных процессов, камней в почках, нет необходимости в сложнейшей по тем временам операции. Трубка вставлена - моча вытекает. Остальные пути при этом атрофируются. А если в организме что-либо атрофируется - это плохо. Но даже не такие высокие размышления послужили причиной моей особой нелюбви к трубке. Просто она мешала мне лазать по шведской стенке, вечно за что-нибудь зацеплялась, вылетала, моча при этом разливалась. Это все мне не нравилось.

Я мало знал тогда. Но есть природная интуиция, которая позволяет нам правильно себя вести в подобных ситуациях. Организм сам подсказывает, что надо делать, как противостоять врачебным ошибкам.

Когда почувствовал, что трубка - это плохо, а понял я это на шестой месяц, я решил ее удалить. Врачи, конечно, и слышать ни о чем подобном не хотели, - а я и не говорил им ничего. Моя лечащий врач ушла в отпуск, и я решил воспользоваться ее отсутствием.

Ребята по моей просьбе каждый день приносили мне по несколько бутылок пива. Я тренировал, растягивал свой мочевой пузырь, - насколько это было возможно. Трубку зажимал рукой и старался заставить мочу выходить естественным путем. Туго, но удавалось. Тогда еще не знал многих упражнений, не придумал, поэтому просто - выбивал.

И - получалось! Трубку можно было изымать. Будь что будет.

Трубка вставлялась как бы насквозь, через все стенки, - и мышечную, и брюшную, и стенку мочевого пузыря.

Я просто выдернул трубку и заклеил дыру лейкопластырем. Делал все сам, на свой страх и риск. Подложил тампончик, смоченный марганцовкой. И заклеил - слой за слоем, слой за слоем. Получился такой нарост на животе. Лейкопластыря не жалел - чтобы не слетело мое сооружение при какой-либо случайности.

И стал я так жить. Моче деваться было некуда. Шла естественным путем. К тому же я все старался не очень растягивать мочевой пузырь. Ведь нормальный двуногий, когда наполняется, - чувствует позыв. А спинальник должен рукой щупать - наполнился он там или нет, да и когда моча уже пошла, - узнает слишком поздно. Ставится перед фактом. Если в гостях, на людях, - перед фактом, достаточно неприятным. Приходится пользоваться мочеприемником. Сейчас появились уже и неплохой конструкции, но в те времена с таким приемником можно было только сидеть. Даже лежать было нельзя, все мгновенно разливалось, - а уж тем более крутиться на турнике.

Через двадцать дней я снял тампон. От дыры ничего не осталось, только маленький рубец. Теперь надо было научиться управлению процессом.

Я восстановил вместимость пузыря до 500 граммов, средний рабочий объем довел до 200-300. Это позволяет достаточно безбедно жить. Регулировка очень проста, надо следить за количеством поглощаемого питья и пищи. В последние годы я даже в гости езжу безо всяких подсобных средств. С утра выпиваю чашку кофе, к вечеру все из себя вывожу - вышибаю, и на несколько часов я - свободный человек. Правда, в этих гостях не стоит пить или есть что попало.

Постепенно за многие годы у меня выработался режим слежения за работой внутренних органов. Чем раньше в своей новой жизни спинальник обратит на это все свое внимание - тем лучше. Надо следить за собой, эта слежка должна стать подсознательной, всевременной, - сколько я выпил, сколько я съел, что я ел, куда мне сегодня надо идти. Выработав такую привычку, я смог не только ходить в гости, но и путешествовать,

преодолевать огромные расстояния на своей коляске. И такое слежение - не стало навязчивой идеей, не приводит к стрессам или сдвигам в мозгах. Просто - становится автоматическим.

Для полного освобождения пузыря выбивания недостаточно. Я обычно использую несколько простых упражнений. Прежде всего, работа мышцами живота. Травма у меня достаточно высоко, от D-10 до L-1, то есть три грудных и один поясничный позвонок, но если регулярно стараться работать мышцами брюшного пресса - они продолжают оставаться работоспособными, они напрягаются безо всякой чувствительности. Я не могу ими поднять ноги, но зато могу надуть или вобрать живот. Именно это упражнение рекомендуют йоги для улучшения работы внутренних органов. Спинальник не может делать такие упражнения стоя, как положено. Ну и что, - это можно делать лежа.

Врачи не рекомендуют при мочеиспускании пользоваться методом, к которому все равно многие прибегают. Это - надавливание на различные участки заднего прохода. Почему - неизвестно, но мочеиспускание при этом улучшается. Не могу советовать категорично, - но я это делал, делаю и не жалею об этом.

Одновременно с мочеиспусканием, конечно же, возникает и проблема дефекации. Задний проход чаще всего закрыт. В первые месяцы мне открывали и удаляли все оттуда медсестры, я и не обращал внимания на это. После того, как отказался от трубки, - надо было научиться обслуживать себя самому, тем более что в жизни я не рассчитывал на чью-то помощь, семьи тогда уже никакой не было. Я знал, что вернусь в пустую квартиру, буду жить один, поэтому должен был научиться все делать сам.

Врачи уже после того, как в первые месяцы помогают больному все это совершать, начинают использовать клизму. Этого мне очень не хотелось. Я боялся клизмы, как огня. И так у спинальника почти нет никакой перистальтики, то есть движения в кишках при переваривании пищи, все нарушено, все происходит гораздо медленнее, чем у нормального человека. А тут и вообще станут вялыми, перестанут работать те области кишечника, в которых эта клизма действует.

Я не избавлялся от клизмы, - я просто ни разу ею не пользовался. Как бы трудно ни было. Дефекация должна была произойти - и происходила. Иногда, когда остеомиелит уже разбушевался во мне, случались перерывы дней на двадцать. Говорят, при этом происходит страшное отравление организма. Очень часто я сам делал так, чтобы дефекация происходила раз в неделю. И - как-то не сказывалось на общем моем состоянии, отравления не чувствовалось.

Часто так случается, начнешь делать упражнения животом - начинается движение в кишечнике, дефекация происходит вместе с мочеиспусканием. Это очень неудобно. Потому, что и то, и другое нельзя делать сидя. Настоящий спинальник не в состоянии сидеть на горшке или унитазе. Дефекация возможна только лежа. Даже во время путешествий в Киев или Куйбышев, - отъезжаешь от дороги в лесок, ложишься на свои подушки и вперед!

Отказаться от клизмы можно было только за счет тяжелых физических упражнений. Те же, в принципе, упражнения, что и для мочеиспускания, только гораздо активнее, быстрее, напряженнее. И - не надо думать, что возможно сравняться с двуногим. Сколь ни упражняйся - все по другому. Раз в три, в четыре дня, - ничего страшного, и у всех - по-разному.

Самый распространенный в среде спинальной анекдот: что бы ты сделал, если бы вдруг снова начал ходить?

- О, я бы сразу побежал к бабе!

- О, а я побегал, потренировался! А третий подумал и говорит:

- А я бы пошел и наконец-то по-человечески просрался.

С самого начала, единым стержнем шло, - я должен работать, потеть, тренироваться, как и раньше. Работать, чтобы сохранить сердце. Я - спинальник, говорил я себе, - я должен гонять себя до седьмого пота. Чтобы все органы, хоть и в парализованных частях тела,

испытывали общий подъем, чтобы горячая, разогретая кровь омывала омертвевшие клетки, заставляла их оживать. Горячая кровь - дает шанс сохраниться, не сгнить заживо раньше времени.

Конечно, я рассуждал на обывательском уровне. В медицине я был полным профаном. Но, возможно, и без особых знаний ясно, что если много потеть, много тренироваться - будут работать и почки, и печень, и сердце.

Потому-то в течение шестнадцати лет после травмы, пока позволяла задница, я активно тренировался. Не было ни плана, ни схемы никакой. Просто по ходу дела я придумывал на ходу, как бы попотеть, "на чем бы" попотеть. Поездка к друзьям на "рычажке" превращалась в тренировку, подъем в гору - только в быстром темпе, спуск - в очень быстром. Если какие-то дела домашние, или работа на дому, - через каждый час прерываюсь, делаю упражнения с гантелями, вишу на шведской стенке.

Я тренируюсь. Но не совсем так, как тренировался до травмы. Теперь каждой тренировкой я спасаю свою жизнь, тренировка жизненно необходима мне - как пища, как вода, как воздух. Иначе - долго не протянешь.

Мне легко, конечно, делиться таким опытом. Ведь до травмы я был прекрасно подготовлен физически. С уже вполне сложившимся, закаленным в тренировках, восхождениях, гонках организмом.

Но - что ж делать! Если кто не был спортсменом до травмы, после травмы ему придется стать им. Другого выхода нет. Только так можно отвоевать у смерти положенное.

В США и Канаде в реабилитационных центрах давно уже вошло в моду игра в баскетбол и волейбол на колясках. Чем только не занимаются! Но главное, - чем бы не занимались, - заниматься. Потеть, заставляя работать сердце, легкие, печень. И все остальное.

Во всем мире существуют центры восстановления для спинальников. Центры, в которых врачи возвращают недавно перенесших тяжелейшие травмы к жизни, учат сидеть, стоять, сгибать и разгибать руками безвольные ноги. Именно в восстановительном центре спинальник впервые видит себе подобных. Перенимает опыт, накопленный не одним поколением таких же, как он. Общается. Занимается спортом. Играет в баскетбол, волейбол, плавает, катается на лошади, укрепляет руки и спину. Спинальники начинают жить - общаться, влюбляться. Устраивают театральные представления. Гамлет на коляске, Офелия на коляске...

В нашей стране четверть века тому назад ни одного восстановительного центра не было. После больниц разъезжались по домам. Гнили в пролежнях, окостеневали в суставах. Потихоньку умирали.

Но все же некоторым везло. Тем, кто получал путевки в грязевые санатории. Особенно везло тем, кто попадал в санаторий города Саки, на западном побережье крымского полуострова.

Кроме него, на территории бывшего Союза работали еще два, - на берегу Балтийского моря и в самом центре Донбасса, в Славянске. Но грязи там коричневые, мало помогающие спинальникам в восстановительном процессе.

Иное дело - Саки. Сакские грязи, - черные, маслянистые, вонючие, вобравшие в себя все микроэлементы земли, - лучшие в мире. Сакские грязи происходят из озерного ила. Соленое озеро, на дне которого этот ил покоится трехметровым слоем, вытянулось вдоль сакских кварталов. Когда-то оно было заливом Черного моря, впоследствии отступившего на три километра.

Долгое время о целебных свойствах озерного ила никто не догадывался. В начале прошлого века какой-то татарин начал лечить тут больных радикулитом. Легенда гласит, что у татарина был старый верблюд, страдавший разными болезнями. Однажды бедное животное залезло в озеро. Верблюду сидение в прибрежной грязи понравилось, он начал ежедневно повторять процедуры. Вылечился он или нет - не знаю, но сметливый татарин сообразил, что не зря верблюд в воду залезал.

Озеро у татарина купил царь и велел построить санаторий.

Как нынче принято говорить - бальнеологический курорт.

Построили больничные и жилые здания, посадили серебристые крымские ели. Огромный парк окружил специально вырытый пруд. Вечнозеленая листва, свежий морской воздух, запахи цветов, - все это возвращало к жизни, возвращало жизнь, чувства и стремления.

Самой замечательной придумкой паркоустроителей был пруд, с плавающими по нему круглый год черными и белыми лебедями, пестрыми уточками. По берегам на свисавших к воде ветвях сидели павлины. Громко и противно кричали, распускали цветные вееро-хвосты. Спинальники, а особенно - спинальницы, высиживали здесь часами на колясках, кормили птиц.

Парк разбивался на квадраты тенистыми аллеями. Две центральные, - самые широкие, самые светлые, - сходились в середине, образуя центральную площадь. Местный народ окрестил ее "РасхвATALовкой". Здесь по вечерам кипела жизнь. Здесь спинальники знакомились друг с другом, но больше - с будущими подругами. Подруги в основном появлялись из соседнего санатория, специализировавшегося на лечении бесплодия. Юные спинальники собирались в стайки, пели под гитару. Прогуливались на колясках молодые спинальники, выискивая среди гуляющих будущую любовь. И, соединяясь в пары, растекались по всему парку, затаивались в самых укромных уголках.

"РасхвATALовка" украшена была небольшим бюстом Гоголя. Табличка гласила, что великий русский писатель в тысяча восемьсот пятьдесят первом году лечился здесь.

Сакское озеро под серо-светлой водой скрывало многотонные запасы лечебной грязи. Ее вычерпывали, нагревали до температуры 36-37 градусов. Таких, как я, засовывали в мешки, наполненные подогретой грязью. Продолжительность процедуры - полчаса. Но мы, молодые и здоровые, старались пролежать по часу.

Вода озерная - соленая и тоже лечебная. В ней содержатся ионы золота, серебра и прочих полезных для поврежденных нервных тканей элементов. Воду эту называют рапа.

Кроме грязевых процедур, спинальникам полагается принимать ванны из подогретой до 37-39 градусов рапы. Ванны и грязь чередуются. Пятьдесят дней: день грязь, день ванна. День грязь, день ванна. Больные (а в санатории нас всех звали - больные) некоторые уставали, старались пропустить какую-либо процедуру, отдохнуть. Сердобольные нянечки за рубль проставляли таким халтурщикам в больничные книжки отметки о посещении.

Грязь и ванны очень помогали тем, у кого спинной мозг был порван не полностью, мог восстановиться. Рассасывались сгустки крови, давящие на нервы, улучшалось питание нервных тканей.

Для меня же - как для спинальника истинного - грязи и ванны были забавой, удовольствием. После девяти месяцев в ЦИТО, после двух перенесенных операций, врачи отправили меня отдохнуть. Сразу же уяснив бесполезность всех этих процедур для себя, я все равно полюбил эти долгие сидения в ванне или лежания в мешке. Сидишь - потеешь. Переговариваешься с соседом-приятелем. Хохочешь... Именно лежа в грязевом мешке, я впервые в жизни играл в шахматы без доски и фигур. Я и представить себе не мог, что способен на такое!

От второго спального корпуса до грязелечебницы по дорожкам парка надо было проехать метров четыреста. Тяжелых больных возили сопровождающие. Мы же, молодежь, мчались наперегонки, вращая колеса старых допотопных колясок. На таких здесь ездили еще до революции. Огромные надувные колеса, - два больших спереди, одно маленькое сзади. Из-за этого коляски были весьма и весьма неустойчивы, легко переворачивались. Разъезжая ночью по неасфальтированным дорожкам парка, я часто вываливался на колдобинах.

Зато коляски эти имели откидные спинки. При необходимости спинка и подножка превращались в платформу для лежания. Не всем разрешали сидеть. Мне, например, врачи из-за пролежня запрещали ездить сидя. Ну и ничего, две недели я разъезжал по парку,

лежа на животе. Таким образом и на "РасхвATALовку" впервые поехал, с девочками знакомиться.

На такой коляске сживал под конец славной жизни своей граф Лев Николаевич Толстой.

Такие же коляски довелось мне увидеть и через несколько лет в другом санатории, в Донбассе. Грязи там бедные, но санаторий в шахтерском краю был просто необходим. Ведь из всех спинальников нашей страны чуть не половина - шахтеры. Часты были аварии и обвалы в шахтах, разработки породы велись дедовскими, прадедовскими методами.

Много было среди спинальников и бывших зеков. Лесоповал - очень многим ломал хребты. Все остальные спинальники почти поголовно были жертвами автомобильных аварий.

Но попадались и исключения. Исключения удивительные. Слушаешь такую историю - и не знаешь, смеяться или плакать.

Володю Архангельского жена стрясла с дерева. Он залез высоко-высоко, а ствол был тонким. Жена в сердцах трянула. Володя свалился, сломал спину. Навсегда.

Смеялись мы (конечно, по-доброму) над московским кинорежиссером Мустафаевым.

Спал. Зазвонил телефон. Резко потянулся с кровати, рванулся - и сломал шейные позвонки.

Смеялись мы потому, что он уже выздоравливал. Слава Богу, мозг не был полностью прерван. Он мог смеяться над своей историей вместе с нами - так как начинал ходить, шевелиться. Иначе - не до смеха бы было. Над долей шейника - не посмеешься.

Мужчин сопровождали жены. От мужей-спинальников в те годы отказывались редко. Холостяки - находили подруг. Часто сестра, сопровождавшая брата-калеку, находила свое счастье со спинальником, познакомившись на "РасхвATALовке".

Женщин после травмы большинство мужей бросало. Исключения составляли кавказские семьи. Я видел грузина, армянина, видел черкеса, катающего по парку жену на коляске.

Мужчина-спинальник не может иметь детей. Женщина-спинальница - может. Молодые спинальницы рожали от здоровых мужиков. Заманивали, зазывали их на любовь. Дети рождались здоровыми, пока маленькие - разъезжали с мамами, на подножках маминых колясок.

Я приехал в санаторий в самое лучшее время - в середине июля. В Крыму в это время - тепло и сухо.

Весь парк кишел разъезжавшими на колясках "больными".

Но впечатления, что собрались тут инвалиды несчастные, - не было и в помине. Царило веселье, тут и там поминутно слышался смех. Новобранцы в такой атмосфере словно заново входили в жизнь, которую мнили навсегда потерянной. Новобранцы - получали здесь огромный заряд оптимизма и стойкости.

В те времена сам санаторий еще был небольшим. Всего три корпуса для больных. В нашем, где содержались наиболее тяжелые, настоящие спинальники, умещалось всего человек сто. А в парке, казалось, гуляли тысячи. Я сначала очень был озадачен таким несоответствием, но позднее, переговорив со многими, понял в чем дело.

Попасть в санаторий было достаточно трудно. Особенно для провинциала. Многие приезжали самостоятельно, "дикарями", снимали в городе жилье, - за свой счет, естественно. Их всячески преследовало местное начальство, не давало снимать квартиры на длительные сроки, не давало поменять квартиру в Москве или Воронеже на квартиру в Саках. Но - спинальники боролись и побеждали. Население города постоянно росло, пополнялось за счет многих спинальников, переезжавших сюда.

Таким образом, основное ощущение множественности создавало тогда еще не очень многочисленное сакское спинальное население. Которое с каждым годом все увеличивалось, несмотря ни на какие препятствия, чинимые властью имущими. Любыми путями, продав все, что можно было продать, с огромными доплатами менялись квартиры.

Так образовался город спинальников. Я называю его городом спинальников, хотя, конечно, двуногого населения там гораздо больше.

И все же - только этот город можно назвать спинальным. Существование такого города - прекрасно и необходимо. В общении обретаются друзья, обретается опыт. Вокруг сотни таких же, как ты, но нет и двух похожих. У всех разные настроения, убеждения, голоса и глаза. Со всеми беседуешь, узнаешь - как вести себя в новой твоей жизни. Польза такого общения очевидна.

Непонятно только одно. Почему гигантский суммарный опыт, опыт многих поколений, не получил никакого распространения, ни описания. Это меня всегда удивляло, удивляет и до сих пор. Я хорошо знаком с лыжным спортом, с альпинизмом. Множество брошюр издавалось и издается, посвященных методике тренировок. Сам я даже участвовал в создании сборника всяческих советов и рекомендаций для занимающихся альпинизмом. Все досконально изучено и изложено. В учебниках по лыжам можно было прочесть о том, что спортсмен зимой обязательно должен носить кальсоны. Столько сил тратится на тренировках, в жизни обыденной мышцы надо беречь, держать в тепле. Потому и кальсоны обязательно носить. Вот до каких высот добиралась лыжная наука!

А что же, лыжников на Земле больше, чем спинальников? Да нет, количества вполне соизмеримы. Тем более, что поведение спинальников более-менее не зависит от географической широты.

Почему же весь опыт спинальной жизни не обобщается? Ведь любая брошюра такая способна спасти множество жизней.

Отчасти из-за того, что все семьдесят лет советского беспредела инвалидов старались убрать с глаз долой, старались сделать так, чтобы на улицах невозможно было бы встретить, увидеть людей, ущербных физически. Ведь при социализме - какие могут быть инвалиды? При социализме основной принцип жизни - какой? Каждому по труду! А инвалиду, неспособному трудиться, - что полагается? Фигу с маслом? А нарядную, счастливую толпу, - как украсить несчастным на инвалидной коляске?

Особенно страшным было послевоенное время. Тогда многих, ставших инвалидами на фронтах, - прятали за толстыми стенами монастырей, превращенных чуть ли не в концлагеря для "недочеловеков".

Вот и не было литературы о спинальниках, для спинальников.

Оставались только врачи, как носители такого многолетнего опыта.

В сакском санатории врач становился для своего пациента и терапевтом, и хирургом, и учителем, и утешителем. Он мог реально помочь. Но с каждым годом дореволюционный опыт комплексного лечения все более предавался забвению. Это когда-то врачи были - широкого профиля.

Воспоминания Чехова о тех временах, когда он еще практиковал. Булгаковское "Полотенце с петухами". Сейчас из таких универсалов остались только пожилые фельдшерицы в сельских больницах.

Узкая специализация привела к тому, что спинальника сейчас негде лечить. Больниц чисто спинальных всего две на всю страну. Но и то, ни одна из этих двух больниц не занимается комплексным лечением, чтобы и за костями следить, и за почками, и за психическим состоянием. Ведь у каждого спинальника не одна, - целый букет разнообразных болезней. Прорыв - так все сразу всплывают. Чтобы улучшить состояние, спасти, - со всеми одновременно надо сражаться.

* * *

Когда я называю себя инвалидом, Надя - а она десять лет проработала медсестрой - возмущается: "Какой же ты инвалид? Ты просто - человек, получивший травму". Короче говоря - спинальник. Очень удобное слово. Человек, получивший травму позвоночника с разрывом спинного мозга. Все просто и понятно.

Правда, непонятно, как быть сейчас. Прошло много лет, я стал часто болеть, приобрел множество различных недугов. На фоне травмы ухудшается работа желчного пузыря, поджелудочной железы. Появились эрозии, предвестники язв в двенадцатиперстной кишке. Чаще всего эти язвы имеют природу возникновения - стрессовую. Но у меня другая - травматическая. От вялости стенок внутренних органов.

Вот обследовать бы меня десять лет назад, - ничего бы, никакой вялости не обнаружили. Это сейчас я могу считать себя инвалидом. А молодым да начинающим лучше считать себя - другой расы, другого устройства. Потому что если себе самому казаться больным и несчастным, - есть вероятность вскорости им и стать.

Меня с самого начала волновал вопрос - надо ли стремиться жить среди себе подобных, или же лучше находиться в среде двуногих?

Хорошо побывать раз в году, особенно в первое время, в восстановительном центре. Пообщаться месяц-другой с соплеменниками. Но, наблюдая жизнь тех, кто переехал в Саки на "ПМЖ", тех, кто организовал спинальную колонию в Крыму, я недоумевал - так ли уж нужны все эти усилия с обменом жилья и переездом в Саки?

Опыт объединения в спинальные резервации был широко распространен во многих странах мира. Я читал о подобном центре, построенном в Англии, где специальные дома с пандусами для подъездов, с бассейнами, со множеством обслуги - становятся родиной многих. Множество персонала необходимо, ибо для того, чтобы спинальнику воспользоваться бассейном, нужно как минимум два помощника, которые будут вносить и выносить его из воды.

Были там свои лошади для верховой езды, - вибрация очень полезна (нашим спинальникам и думать о таком не приходится). Кстати, вибрация полезна всем, не только спинальникам. Вибрация способствует улучшению вывода вредных веществ из организма.

Только я самовибрирую не верхом на мустанге, - просто приподнимаясь на руках над диваном.

Кроме верховой езды предусмотрены еще многие виды спорта. Играют и в баскетбол, и в волейбол, в футбол даже. С некоторых пор и олимпиады проходят, где на колясках играют. А уж марафонские гонки на колясках - это стало и совсем привычно для Запада.

Вибрация - вибрацией, лошади - лошадьми, но вот известнейший марафонец Абебе Бикила, ставший шейником после полученной травмы, приглашенный в лондонский центр, прожил немного там, - да и умер.

Конечно, это не довод. Но все же мне кажется, что жить спинальник должен среди двуногих. А общаться друг с другом - для опыта, раз в году, если подружились. Просто, как с другом. Ведь друзья не встречаются каждый день, не бывают все время рядом. Когда все время рядом - это другим словом называется. Любовь, что ли. Когда люди общаются - с утра до вечера и с вечера до утра. Какой ужас! Создание каждой семьи - подвиг человеческий. Тот маленький подвиг, который человек совершает каждый свой день, каждую минуту, в течение всей жизни.

Мне так становится светло на душе, когда какая-нибудь знаменитость в беседе с журналистами на вопрос о том, что для него самое дорогое в жизни, отвечает - семья!

Как я всю жизнь этого не понимал?

Да, это сейчас я стал таким хорошим, думающим, и лет мне уже много, и семья у меня, и Надя у меня, и любовь у нас, и не съели мы друг друга за многие годы совместной жизни. Конечно, пару раз в году мы расстаемся на неделю-другую. Когда Надя едет в горы кататься на лыжах. Когда я с экспедицией уезжаю в горы. Но как прекрасно все остальное время быть вместе!

Я вопрошаю, - как я раньше не понимал. Это не значит, что самым главным в жизни моей сейчас является семья. Это значит, что теперь я понимаю людей, которые на первое место в жизни ставят семью, я понимаю - о чем речь идет!

Одному все же жить тяжело. Одному вообще жить - подвиг. Надо иметь много хороших друзей. В семье лучше. Когда себя чувствуешь полноценным человеком. Равным всем

остальным. Хорошо, конечно, мне так говорить. Волей-неволей спинальники бывшего Союза живут в большинстве своем в семьях.

А куда денешься? Спецгородков нет. Да никто не знает просто - что такое свобода выбора места жительства. У всех прописка. У здоровых, у больных, - у всех. Где жил - там только и можешь дальше жить. На последнем этаже без лифта? Ну и дальше жить будешь, куда тебя переселять? Поэтому многие обречены на неподвижность, не могут бывать на улице. Отрезаются от остального мира. Живет такой человек вроде бы в семье, но не ощущает себя нормальным. Остальные члены семьи ходят на работу, в кино, в театр, в гости. Лишь он один - лишен. Лишен всего этого.

А надо бы сделать так, чтобы образ жизни спинальника был такой же. И работа, - коли здоровье позволяет, хоть какая, - очень была бы полезна. Хоть на два, на три часа в сутки.

Но все это - лишь пожелания. Спинальники России в большинстве своем лишены возможности жить нормальной жизнью. Общество не желает знать их проблем. Своих хватает. Появление человека на коляске в шумном и суетливом водовороте московских улиц вызывает в прохожих и проезжих в лучшем случае жалость. А бывает - и злобу. И так, мол, тяжело и муторно, а тут еще ты со своей бедой!

Так что зачастую в лучшем положении оказывались те, кто перебирался жить в Саки. Старые семьи разрушались, образовывались новые, чисто спинальные. Иногда даже брали приемного ребенка - тоже спинальника. Чтобы семья была - как семья, муж, жена, ребенок.

Они, конечно, были правы. Для них такая жизнь была более приемлема, чем жизнь среди двуногих. Но это не значит, что я сам себя опровергаю. Просто это показывает, насколько было ненормальным то общество, в котором мы жили. Насколько это общество осталось ненормальным и до сих пор!

Мне есть с чем сравнивать. Я побывал недавно в Америке, ревниво вглядывался в чужую жизнь, стараясь как можно больше узнать из того, как живут подобные мне на другой стороне земного шара. У меня сложилось твердое убеждение, что там спинальники совершенно не стремятся к объединению. Но для этого есть социальные предпосылки. Спинальнику создаются все условия для того, чтобы он мог нормально, на равных, сосуществовать с двуногими.

Как раз тогда и созрело во мне это убеждение. Когда существует огромное множество различных приспособлений, когда в каждом большом универмаге есть специальные лифты (да и во многих домах), когда существует целый набор общественных движений, защищающих и помогающих человеку в беде. Всего не перечислишь.

Обычно, когда мне приходилось лететь из Москвы в Душанбе, или еще куда по стране, кто-то из друзей заносил меня в самолет на руках, коляску я брал с собой в кабину, но пользоваться ею не мог. Первым, что меня поразило, когда мы только вылетали из Москвы, из Шереметьево-2, было наличие в "Боинге" специально предусмотренной коляски. Свою пришлось сдать в багаж, меня посадили в "местную" и доставили на борт. Во время полета я мог спокойно перемещаться по проходу на этой коляске. То есть я был приравнен в своих возможностях ко всем остальным пассажирам.

И вот мы в Нью-Йорке. Конечно, первые два дня мы гуляли по городу, заходили в магазины, осматривали достопримечательности. Я разъезжал по Манхэттену, с нехорошей радостью размышляя про себя: "А, вот у них тут ничего на улицах не приспособлено для движения человека на коляске". Ни одного съезда, высокий бордюрный камень все время при пересечении боковыми улицами становился преградой. Никаких скатов! Ребята каждые двести метров то спускали меня в коляске с уступа, то поднимали на уступ. Потом родилось удивление. Почему же улицы не оборудованы, ведь все магазины имели все приспособления для того, чтобы их могли посещать инвалиды. Почему же нет скатов?

Да и нью-йоркцы с удивлением взирали на меня. Что это такое, - сам рычаги дергает, едет. Просто у них инвалиды по Манхэттену на машинах ездят, на коляске - никого не встретишь. Подъедет к нужному месту, припаркует машину, пересядет на коляску - и вперед!

Да и не любят в Америке по улицам на простой коляске ездить. Очень много автоматических колясок, на аккумуляторах. Рычагов ни у кого в руках я не видел - ни в Нью-Йорке, ни в Сан-Франциско, ни в Сиэтле. Ни в Йосемитском парке.

Правда, в парке я и ни одного инвалида не встретил. Наоборот, все встречавшиеся с удивлением смотрели на меня. Тем более, что носился я по всему парку с бешеной скоростью, тренировался.

Всего нас было пятеро. Двое, - сильнейшие скалолазы Союза, - должны были взойти на Эль-Капитано по самому сложному маршруту, по так называемому Носу. Я считался тренером этой мини-команды. Оставшиеся двое - кинооператоры, снимали фильм о нашем путешествии.

Попал я в эту компанию совершенно случайно, благодаря хорошим приятелям.

Я уже был достаточно хорошо подготовлен к Америке. Не боялся потеряться перед изумляющим изобилием. Во-первых, такие вопросы меня никогда не волновали. Во-вторых, денег никаких у нас не было.

Принимал нас спортивный клуб Сиэтла.

Я попал в другой мир. Даже и по климату другой. Калифорнийские сосны и секвойи казались раза в три выше наших обычных сосен. Уже Нью-Йорк встретил нас страшной жарой, жарой не привычной, азиатской, сухой, - огромная влажность превращала все в парную. Но - Нью-Йорк был уже совершенно не тем, что описывал Маяковский. Достаточно чистые улицы, много зелени, деревья, скрашивающие громадность небоскребов. Десятки людей в трусах бегают по Бродвею, не опасаясь отравить свои легкие выхлопными газами.

Прилет наш оказался полной неожиданностью для принимающей стороны. Перепутали дни, нас ожидали только завтра. Несколько часов мы просидели в аэропорту.

К вечеру все стало на свои места. Нас принимал в Нью-Йорке миллионер по имени Джим. Самого хозяина в это время дома не было, он путешествовал вокруг Европы на мотоцикле. Познакомились "очно" мы только через несколько месяцев, уже у нас, в Москве. Джим со своей подругой проехал всю страну, от Владивостока до Москвы, и опять на мотоцикле. Мы договорились о том, что я снова приеду, - чтобы пересечь Америку от побережья до побережья на коляске, с Запада на Восток. Дай-то Бог!

Нас поселили в пятиэтажном особняке. Несмотря на поздний час, вся прислуга вышла нас встречать в переднюю. Меня проводили на пятый этаж, в предназначенную мне комнату. Я особо ничего не осматривал, просто завалился спать на небольшой диванчик, с которого потом я мог бы сам перелезть на коляску.

Проснувшись ранним утром, я увидел за окном дерево. В Москве вровень с пятым этажом стояло бы верхушкой, кроной. А здесь - только середина ствола. Интересно, подумал я, видимо, тут деревья в два раза выше, чем дома.

И после этого началось. Мне все казалось в два раза выше, в два раза больше. И трава в Йосемитском парке. И кошки.

И белки. Серые белки, карабкающиеся по стволам огромных деревьев в Йосемитском парке. Серые белки были огромными, в два раза больше чем наши, рыженькие. А уж обитавшие около пиццерии в Сиэтле, где мы обычно обедали, были такими громадными и отъевшимися, что сравнимы были разве что с кошками. Они спокойно и важно прогуливались между столиками, благосклонно, не теряя собственного достоинства, принимали подношения захожих посетителей.

В Сиэтле ребята тренировались на скалах, я ездил внизу, помогал, чем мог. Потом они пошли на штурм Эль-Капитано. Штурм неудачный. На Носу скопилось много команд, очень медленно двигавшихся вверх. Обойти всех было невозможно. Ждать - мы не могли, мы были ограничены во времени. Наша двойка спустилась вниз.

Множество клаймеров, по-нашему - скалолазов, штурмуют стену Эль-Капитано. Приезжают из разных уголков Америки. С одним из них я познакомился, а потом и подружился.

Боб, математик по образованию, окончивший университет Беркли. Клаймеры не любят снег и лед, клаймеры любят теплые сухие скалы. Со снегом приходится иметь дело только в ситуациях экстраординарных, в случае неожиданных зимних непогод.

Замечательно, что в Америке уже давно ввели правило - не бить крючья в скалы. Нельзя закручивать шлямбуры. Ходят только на закладках. Таким образом, скалы не подвергаются разрушению. Но немаловажен и спортивный интерес. Ведь набить шлямбуров и пройти по лесенкам всю стену каждый дурак сможет, было бы желание. На закладках идти маршрут значительно сложнее, а значит - интереснее.

В Сиэтле можно было и одному ездить по улицам на коляске. Везде были предусмотрены скаты, тротуары допускали плавное движение.

Именно в Сиэтле я впервые увидел автоматическую коляску.

Уже темнело, я неспешно ехал под уклон по улице, ведущей к нашему дому. Навстречу мне, по противоположной стороне, двигалась коляска. Я приглядывался, но издали разобрал лишь, что на коляске навстречу мне ехала уже немолодая женщина. Вот это да, ехать в горку с такой скоростью, да еще не помогая себе корпусом в рычажной работе рук! Но чем ближе мы сходились - тем более мой восторг сменялся удивлением. Казалось, женщина вообще не работала руками! Но каким образом тогда коляска двигалась? Педалями? Но и ноги женщины неподвижно покоились на подножке.

Когда мы поравнялись, она приветливо помахала мне ручкой. А я, как громом пораженный, еще минут пять стоял, смотрел ей вслед. Я, конечно, читал об автоматических колясках, но вот увидеть такую штуку собственными глазами человеку, привыкшему к трехколесному "крокодилу"!

Или такой эпизод. Женщина на автоматической коляске в магазине электроприборов. Берет какой-то миксер, хочет посмотреть - как он работает. Но розетка для демонстрации работы находится слишком высоко, на стойке продавца, который как раз отлучился. Женщина ждать не хочет. Она преспокойно втыкает вилку в подлокотник собственной коляски, где, оказывается, есть специальная розетка с сетевым напряжением.

Конечно, как и все на этом свете, такой подход к проблемам жизнеобеспечения инвалидов на Западе имеет и обратную сторону. На инвалида смотрят - как на совсем нормального человека. И мне, со всеми моими взглядами, - вдруг захотелось закричать на улицах Сиэтла:

- Вы что, не видите, что я спинальник? Вы не замечаете меня? Вы не задаетесь вопросом - что мне труднее жить на свете, гораздо труднее?

Там - очень хотелось воскликнуть что-нибудь подобное.

Возможно - из вредности. Такова природа человека

Прошло несколько лет после первого моего посещения сакского санатория. Я снова был в Саках. Но - не узнавал старого санатория.

Исчезли дореволюционные постройки. Вознеслись новые корпуса. Исчез дух санатория, дух, который помогал выживать многим.

Теперь все процедуры происходили в том же корпусе, где мы и жили. Даже летом не было необходимости выходить на улицу. Можно было не иметь с собой собственной коляски. Жизнь утрачивала интерес. "Расхвталовка" опустела. Почти уж и не слышалось смеха. Все были озабочены - только своим здоровьем. Жизнь текла строго по распорядку дня.

Я с тоской вспоминал, как необходимо было на грязи ехать метров за четыреста, в бальнеологический корпус. Ваннный корпус - отдельный. И даже тампонная - знаменитая тампонная - находилась в отдельном здании, крошечном, с осыпающимися от старости стенами. С каким наслаждением до сих пор вспоминается утро в нашем маленьком втором корпусе.

День начинался с тампона. Грязь вводится в задний проход. Процедура, конечно, не очень чистая, зато веселая.

Звучал сигнал подъема. И вот с гиком и свистом молодые спинальники вырывались по сигналу из корпуса на простор. Не разъяренное стадо быков, - спинальные коляски мчали наперегонки эти четыреста метров. Придешь раньше, займешь первым место на лежанке, - быстрее освободишься. Значит, до следующей процедуры можешь заниматься своими делами. Своих дел много, и процедур - тоже много. Поэтому от процедур надо отделяться как можно быстрее. И - в шахматы играть, беседовать с интересными людьми, читать. Да и на "РасхвATALовке" ждут...

Всеми делами в тампонной заведовала тетя Женя, - два метра ростом, здоровенная и добрейшая женщина. Спинальники всякие попадают. Я, к примеру, пятьдесят восемь вешу, а бывает, кто и по десять пудов.

Тетя Женя любого брала на руки, с лежанки пересаживала в кресло. Было ей лет сорок, многие спинальники - кто постарше - добивались ее благосклонности. Рассказывали, она вышла замуж, но тяжелая работа не могла не сказаться, умерла тетя Женя рано.

И таких работников в старом санатории было - предостаточно. Любящих свое дело, своих больных, несмотря на то, что работа была и трудная, и грязная. Это были люди - героические. Героизм их - в долгой ежедневной заботе о ближних своих, в помощи немощным и почти здоровым.

Героизм - это просто работа. Работа мысли и духа. Возможно, наши нянечки и не думали ни о чем таком высоком, когда выхаживали нас. Но они решали в сердцах своих - вот несчастные, которым нужна моя помощь, так значит, надо быть доброй и терпеливой по отношению к ним.

Героизм - понятие многообразное. Иметь хорошую, крепкую семью - героизм. О спинальнике, совершающем обычные, будничные действия, можно сказать - геройствует.

Но нельзя говорить это о спинальнике, выигравшем бостонский марафон, обогнувшем земной шар, или о Марке Велмане, с помощью друга взошедшем по стене на Эль-Капитано. Все эти поступки - норма спинального существования. Это не подвиги, это - жизнь.

Из спинальников не надо делать героев.

Но и жертв - не надо.

Ведь уже и героизмом на сегодняшний день не кажется штурм человеком Эвереста. Мир уже свыкся с тем, что великие океаны пересекают в одиночку на утлых лодчонках.

И спинальники способны на все это.

Когда вы не имеете за душой ни копейки, а сосед богат, то взнос в один рубль дается вам разной ценой. А если у вас - миллион, а у соседа - два, то взнос в сто рублей примерно одинаков для обоих.

Так и живем.

* * *

В продолжение нескольких лет после травмы я проводил лето, месяца по два, в Евпатории.

Евпатория - один из крупнейших курортных городов Крыма, жемчужина западного побережья, расположена всего в двадцати километрах от Сак. Сплошь застроена санаториями, в первую голову - детскими.

Пропуском на центральный санаторный пляж для "дикарей" служило стремление воспользоваться услугами массажистов. Местные бывшие спортсмены организовали целый мафиозный клан. Ведь - понятное дело - родители были готовы на любые жертвы ради своих недужных детей. В том числе и финансовые. И вот мускулистые ребята, бронзовые от загара, к началу сезона съезжались в Евпаторию, домой, и выколачивали деньги из несчастных мамаш. Заплатив, сколько полагалось за массаж, можно было целый день валяться на песке лучшего пляжа города.

Я, естественно, заделался большим любителем массажа.

В Москве, конечно, спинальников много. Но из них единицы имели достаточные для "подпольного" лечения материальные возможности (а сейчас и эти единицы скатились за

черту бедности). Таких как я, способных заплатить, врачи и массажисты находили сами, сами предлагали свои услуги, курс уколов, набор физических упражнений.

"Если будешь колоть то-то и то-то - будет лучшая проводимость в оболочке спинного мозга", - а зачем мне это?

Среди сонмища разных встречались и нужные, и знающие.

Была, например, врач со странной фамилией Транквилитати. Она тоже нашла меня сама, предложила разработанные ею специально для спинальников курсы упражнений. Целый год я с ней занимался, упражнения оказались действительно полезными. Мне приносили и облегчение, и удовлетворение.

Простейшее из них - все знают как "пролезание кошки под забором". Надо отжаться на руках, качнуться назад, чтобы согнулись коленные суставы. Потом - медленно, прогнув спину, вынырнуть вперед. Упражнение, очень важное для разработки суставов. Иначе - контрактура, ноги можно только волочить в одном направлении. С самого начала я разрабатывал суставы, и они сохранились гибкими, эластичными, работающими.

Главное в упражнениях Транквилитати заключалось в том, что они давали огромную нагрузку на живот, желудок, кишечник, мочевой пузырь, заставляли работать внутренние органы. Лежа на животе, я делал множество упражнений "на ноги", - на ноги, которых не было! Но даже и мертвую, бесчувственную ногу можно втягивать всей верхней частью туловища. И вот я втягивал - выталкивал, втягивал - выталкивал...

Лежа на животе, можно пытаться сжимать ягодицы. Если есть хоть какая-то спастика, то появляется ощущение, - результаты есть, мышцы работают. Не сама работа, но лишь ее ощущение - поддерживает тонус в мышцах.

Очень полезно, - лежа на животе, стараться поднять голову и плечи. Здоровому человеку не понять всю трудность этого упражнения. Спинальнику даже голову от кровати оторвать - почти невозможно. А тут еще и плечи.

Лежа, - плечи тянутся вверх, затем опускаются к тазу, снова вверх, опускаются.

Ну что за важность - для здорового человека встать на четвереньки? А спинальник должен при этом не только стоять на руках, но и грудными мышцами удерживать в горизонтали тело, ненадежно поддерживаемое ногами. И в этом положении - требуется еще поочередно отрывать колени от пола.

Упражнения делаются и лежа на спине. Здоровый человек может в таком положении крутить ногами, - так называемый "велосипед". У спинальника - ноги сами крутиться не будут. Правая нога берется двумя руками и совершает кругообразные движения - насильно.

Бесконечно число упражнений на шведской стенке, на турнике. Доступны они, конечно, не всем. Не все имеют такую подготовку, какая была у меня до травмы. Не все имеют доступ к турникам, не у всех есть возможность соорудить дома что-либо. Но такие упражнения очень полезны. Уж если и не подтягиваться, - так хоть ноги поджимать (опять же - мысленно).

Ну, а к массажу все, - и здоровые, и больные, - относятся положительно. Массаж необходим, спинальнику - особенно.

Массируется в основном верхняя, "рабочая" часть тела. А вот массаж нижних, парализованных конечностей - не изучен. Мне Юра Савинов делал легкий, нежный массаж ног, полезный для остатков мышц. Еще раз повторю, - в медицине вопрос не решен, не изучен даже, но и при вялом параличе, видимо, очень полезен массаж бодрящий. Одно уж совершенно точно, - массаж нижней части тела улучшает кровоснабжение, работу периферийной нервной системы.

С течением времени я перешел на самомассаж, не требующий ни денежных затрат, ни поисков квалифицированного специалиста.

Провожу обычно в такой последовательности. Начинаю с головы. Помахал руками, размялся, чтобы не устали во время действия, и начинаю. После головы - руки. Сначала массирую кисти, потом поднимаюсь к плечам. Потом, лежа на спине, произвожу массаж

кишечника, проминаю его по часовой стрелке со всею силой, на какую способен. Потом - грудь, спину сцепленными за спиной руками. После этого перехожу к главному - массажу ног. Согнувшись в пополам, что само по себе полезно для суставов, разрабатываю ступни, кручу ими в разные стороны. Прохожусь по остаткам икр, бедер.

В общем, делаю все примерно так же, как местные спортсмены-мафиози делали в Евпатории мне, за что я допускался на центральный пляж. Вместе с детишками копошился в песке, купался, на руках заходил в воду, поддерживаемый за ноги женой.

Купался я в те годы часто и подолгу. Разрешал себе купание в воде при температуре 21-22 градуса, поэтому даже в Москва-реке удавалось летом поплавать. Но если во время такого купания тело не бывало разогрето работой, или после купанья не удавалось полежать на жарком солнышке, - начинался воспалительный процесс, загноение.

В Евпатории проблем, конечно, не возникало. Солнца - вдоволь, так что жизнь там не просто нравилась мне, но и была полезна.

С ребятами-массажистами я почти подружился. Они все как один почему-то были культуристами. Тогда этот вид спорта (правда, не знаю, можно ли это назвать спортом) был под большим запретом. Недопустимо было пропагандировать гармоническое развитие тела при наших грузных генсеках-старцах, при шарообразно-складчатых лицах министров и партийных боссов.

Каждый вечер мои новые друзья занимались прямо на пляже с гирями, со штангой, на турнике. Им удалось и меня в это дело втянуть. Я раскладывал свои подушки на скамейке, ложился сверху и выжимал штангу. Начав с шестидесяти килограммов, со своего собственного веса, к концу второго месяца я уже выжимал восемьдесят пять. Особенно радовало то, что ноги, раскиданные по обе стороны скамейки, - тоже работали! Такие ощущения иногда появлялись и при подъеме в гору на "рычажке". При большом напряжении сил я вдруг чувствовал, что ноги заработали, стали "в упор".

На третий год я решил пересечь на коляске Крым. Пройти километров сто пятьдесят, до Ялты или до Алушты.

Рано утром, часа в четыре утра, выехал из Евпатории, взяв с собой спальный мешок да кой-какие продукты. Долгое движение было уже достаточно привычным для меня, к вечеру без особых трудов добрался до Симферополя. По дороге останавливался, отдыхал, заваливаясь в степное разнотравье.

Весь вечер пробирался по городским улицам, искал дорогу на Ялту. Заночевал просто на автобусной остановке, расстелив спальник на широкой скамейке. Устал - бесконечно, пройдя за первый день километров семьдесят.

Утром, с рассветом, с ревом первых машин, - я двинулся дальше. Мне предстояло подняться на перевал.

Когда едешь из Симферополя в Ялту на троллейбусе, особенно и не заметно, что дорога идет в гору.

Огромное усилие, требовавшееся для преодоления каждого метра, усилие, теряющееся где-то в передачах рычага, показывало, что идет набор высоты. Час за часом - я поднимался к перевалу. К концу подъема, когда оставались последние пять километров, рычаги уже не помогали. Казалось - ну никакого уже подъема нет, ровная дорога, а "рычажка" не идет. Пришлось крутить колеса руками.

Наконец, выбрался на перевал. И - новая проблема. Спуск достаточно крут, а у моего трехколесного "крокодила" тормоза - отнюдь не автомобильные. Очень страшно было спускаться по крутой серпантинной дороге. Да тут еще обо что-то шину проколол. Пришлось останавливаться, клеить, сидя на земле, ремонтировать.

Но все же в Ялту я прибыл вовремя. Мы специально с Раисой обговорили заранее время и место, точно в назначенный час встретились на троллейбусной остановке.

Встал вопрос - что же делать дальше? Надо было возвращаться в Евпаторию, но никаких сил уже не осталось, в уютный сарайчик, где я квартировал (в сарае было

удобней, чем в доме, не надо было преодолевать ступеньки и порожки, я просто заезжал внутрь и пересаживался с коляски на топчан).

Раиса нашла грузовик, в кузов погрузили "рычажку", в кабину - меня.

Так закончилась моя первая попытка дальних переходов на коляске. Я полюбил путешествия на своем верном "крокодиле". На праздники, в выходные дни отправлялся я к другу своему Короткову на дачу, за восемьдесят километров от Москвы. Выезжая рано, за день добирался до места.

Потом мы организовали соревнования памяти Игоря Ерохина, в которых со временем стали принимать участие альпинисты со всей страны. Проводились эти соревнования в ближайшем Подмосковье, в тридцати пяти километрах от моего дома. Сначала я добирался до места проведения на своем "Москвиче". Но однажды задумался, - а что, если буду ездить на коляске? Время проведения мемориала совпадало с очередной годовщиной домбайской трагедии. Ранняя весна.

За пять - шесть часов прогонял до места, приехав, снимал с себя все мокрое, растирался, передевался в сухое. И приступал к своим обязанностям главного судьи соревнований. Ездил, общался со старыми друзьями. Но и судейство мое не было номинальным, мне приносили все результаты судьи на линиях, а я как бы подбивал общий итог.

Возвращался домой, те же тридцать пять километров.

В 1974 году я получил путевку в спинальный санаторий. Только уже не в Саки, а в Славянок. К тому времени я уже вошел во вкус дальних поездок на "рычажке". И в безумную мою голову пришла идея - доехать до Донбасса своим ходом.

Пройти предстояло примерно тысячу сто километров. Причем - не на пустой, не на легкой коляске. Необходим был солидный запас продуктов. Я взял с собой спальный мешок, надувной матрас - под себя, полиэтиленовую пленку - укрываться от дождя, взял примус. Бензин рассчитывал добывать у проходящих мимо машин.

Спланировал так, чтобы в день проходить по сто километров (как я был наивен! позже, уже с Надей, во время походов в Киев и Куйбышев, я загадывал и проходил гораздо меньше).

В первый день - план был выполнен. Стояла прекрасная погода. В полночь я остановился на ночлег. Наступал новый день - одиннадцатое августа.

Дождя не было. Но погода портилась.

Утро встретило меня проливным дождем и крутыми подъемами. Приходилось крутить колеса руками. На границе Тульской и Московской областей стоял монумент. На его постаменте я и расстелил свой спальник после одного из самых изнурительных четырехкилометрового подъема.

На следующий день дождь и дорога продолжались. Я покупал в придорожных деревнях у бабок малину, уничтожал ее банками.

Вечером возникло ощущение, - что-то не так. Я совсем забыл, что при езде под дождем начинаются воспалительные процессы от холода и сырости. А на третий день ощупал свою задницу - и как-то сразу вспомнил. Надо было возвращаться. Погода и не собиралось улучшаться. Шел изнуряющий мелкий дождик.

Подъемы обернулись спусками, но откуда-то взялись другие подъемы. Заночевал на том же самом постаменте, под тем же самым монументом. А ночью - вывездило. Погода начала вроде бы исправляться.

Я решил ехать в сторону Тулы.

Утром выехал - и до дождика. Дождик через пару часов возобновил бессовестное поливание меня, дороги, коляски. Все! Задница постепенно приходила в критическое состояние. Постепенно - но достаточно быстро. Сидеть на "рычажке" - было уже невозможно.

У заправки нашелся грузовик. Шофер радостно согласился:

- Конечно, довезу! Деньги давай - куда хошь довезу!

Мужик здоровенный, коляску закинул на борт, меня в кабину, и мы поехали. Поехали домой. Но оказалось, что дома у нас разные. Он ехал в Коломенское, в южный пригород Москвы. Я же живу, наоборот, на севере. Шофер сгрузил меня у окружной, и я как-то сообразил, что мне еще километров тридцать до дому, только когда он, приветливо поигнав на прощание, умчал.

Надо было пересечь всю Москву.

Стояла ночь. За час я проходил не более семи километров. Путь держал к Кремлю, к самому центру. Очень хотелось пить. И - ничего не сделаешь, приходилось терпеть. Возможно было только попробовать - камушком стукнуть в окошко чье-нибудь. Но - не проснулся бы никто. А проснулись, так меня в милицию и сдали бы, за хулиганство в ночное время. Москва - не деревня, в деревне колонки на улицах, пей - не хочу.

Так и ехал, обуреваемый жуткой жаждой.

У стен Кремля, со стороны набережной, пришлось сделать большой привал. Я лежал на траве у зубчатой стены. Коляска стояла рядом. Вот ведь картина-то была! И куда только гэбешники смотрели, вдруг я мину полз подложить под народную святыню? Они как раз, наверное, наоборот, очень хорошо рассмотрели мое тщедушное тело, беспомощно распростертое на траве.

У Троицких ворот мыли булыжную мостовую. Из поливальной машины била струя воды, до нее оставалось метров двадцать. Но терпеть я уже не мог. Вода сбегала по брусчатке веселыми ручейками. Я достал крышечку от термоса, зачерпывал и пил, пил.

Сразу стало легче, веселее идти. Мимо гостиницы "Москва" я вырулил на улицу Горького. И пошел по прямой, прямо по проезжей части. По дороге засыпал - в движении - просыпался, ехал дальше.

Рассвет застал меня за очередным пересыпом у поворота на родную Фестивальную улицу.

В пять утра я был дома. Поел и завалился спать.

Путевка у меня была с двадцать второго августа. Я, конечно, успел в Славянск. Подлечил задницу, и поехали мы с другом Коротковым на поезде. "Рычажка" ехала рядом, в багажном вагоне.

На станции Славянок Реджинальдс выгрузил меня, коляску, и распрощался со мной. Он очень спешил, ему и эта поездка далась с трудом.

От станции до санатория - семь километров. Обычно родные, близкие привозили, сдавали врачам, уносили в палату. Чтобы спинальник явился один - такого у них не случалось.

Я разыскал регистратуру, попросил принять мою путевку. Медсестры решили, что я их разыгрываю, что я - местный. Очень удивлялись, узнав о том, что я самостоятельно на рычагах прошел эти семь километров.

О Господи! Если бы они узнали, что я собирался из Москвы ехать за тысячу километров к ним самоходом, что я прошел почти до Тулы, - меня бы не приняли в санаторий, а отправили в дурдом.

Как очень часто пытались отправить.

И я всегда говорил:

- Хорошо, хорошо, в дурдом - так в дурдом. Только сначала я сделаю то, что задумал, от чего вы приходите в ужас, то, за что вы меня и хотите упечь.

То, что невозможным оказалось в одиночку, мне удалось позднее совершить. Я встретил Надю. Отныне мы были вместе. Впереди были Куйбышев и Киев.

Глава 6. ДАЛЬНИЕ ДОРОГИ

Как жаль, что я так долго шел к пониманию того, что такое семья.

Как жаль! - восклицаю я теперь. Как много сам я потерял, еще больше отнял у тех, кто был мне близок. Даже единственного сына своего - потерял, но даже и не переживал по этому поводу.

Ольга Тимофеева, моя первая жена, родила мне сына. После его рождения мы не долго жили втроем. Скоро Васю отправили в Сарапул, к Ольгиным родителям. Я видел его еще только один раз, в возрасте полутора лет. Перед нашим разводом. Я учил его кататься на трехколесном велосипеде.

Ольга вышла за другого, с моего согласия ребенку дали чужую фамилию.

На много-много лет я потерял своего сына, Васю Терлецкого.

Наступил год 1977. Мой год, год змеи.

В этот год я ждал только счастливых событий.

Так и случилось. Я встретил Надю. Мы полюбили друг друга с первого взгляда. Ради меня она оставила семью, прекрасного и доброго мужа, ради нее я пожертвовал многими друзьями, которые не приняли наш союз.

Я наконец обрел семью, обрел любимую и друга, обрел верную помощницу.

А через три месяца постучался к нам, - уже к нам! - какой-то паренек. Надя открыла. Он спросил меня. Надя провела его в комнату и вернулась на кухню.

Он стоял у притолоки, внимательно смотрел на меня, - узнаю ли?

Я взгляделся и увидел - себя прежнего! Те же плечи, та же спина, та же стройность.

- Вася?!

- Да, я.

Наверное, травмой я многое искупил в своей прошлой жизни. Мне дарована была Надя и возвращен Вася.

Мы похожи. У нас одинаково картавый мягкий польский выговор, доставшийся нам всем от матери. По телефону нас, - меня, Васю, Леля, племянника, сына давно ушедшего Светозара, - не спутаешь. Но Надя говорит, что когда мы собираемся вместе, то со смеху можно умереть, голоса разные, а говорим ими - одинаково.

Вася четыре года провел на станции "Мирный" в Антарктиде. Запускал в озоновую дыру огромные радишары-зонды. Он создал теорию внечеловеческого происхождения таких дыр, проводил опыты для подтверждения.

Я тоже всегда, не сговариваясь с ним, думал, что человек слишком букашка еще, чтобы влиять на Вселенную. Говорят, что озон разрушается от фреона. Но все земные аэрозоли - неуловимые граммы. А мигнет солнце, сдвинется магнитная ось, - вот и дыра.

Василий приходит ко мне, рассказывает про полярное житье, про гостеприимство жителей Кейптауна, куда они, словно в сказку, попали после стапятидесятидневного сидения на затертом во льдах "Михаиле Сомове". Просит меня: "Расскажи про отца. Про мать".

Мы - единая кровь.

Надя была неплохой спортсменкой. Бегала на лыжах.

И вот именно теперь, когда со мной была она, я решил осуществить свою давнюю мечту. Дальний пробег на коляске.

Наступило лето. Сборы были недолгими. Сосед мой и друг Иосиф Гросман, удивившись нашей беспечности, принес сухарей, крупы какой-то: "Неизвестно еще, где вы сможете чего-нибудь купить".

Цель наша была - древний стольный Киев.

...Шестнадцатое июля 1978 года.

Три часа пятнадцать минут. Мы вышли. Провожали Света с Сашей на велосипедах, Васька с гитарой. Затянули "Отгремели песни нашего полка", двинулись по Фестивальной. Пустынно. Но скоро догнал автобус. Шофер: "Где тут "Речной вокзал"?" Мы показали, он хотел подвезти: "Вам куда?", мы говорим - в Киев. Он посмеялся как шутке, дал газ и уехал.

В конце Фестивальной расстались со своими провожающими...

...По Окружной шли по обочине. Когда захотели сделать привал - не смогли найти подходящее место, в лесу было очень сыро. Все же нашли небольшой холмик, расстелили пленку и завалились спать. Спали часа два...

...К 15.30, захватив в солнцевском магазинчике бутылку "Шемахи" и конфет, завалились на дачу к Володе Архангельскому.

Прошли 39 километров.

Дико хотелось спать, но вместо отдыха сидели и слушали пьяного Володю, пели сквозь зубы. Спать завалились лишь в девять вечера в снях, вызвав этим бурю негодования хозяйки. Но так удобнее, - быть не на виду.

День второй. 59-тый километр. Прошли 43 километра. Остановились на ночлег в семь вечера, слева от дороги. Сыро, грязно...

...День третий. Вышли в пять утра. Облака, холодно. Леса болотистые, некуда свернуть...

...На 68-ом километре киевского шоссе, возле указателя "П/Л Центрупдор" (находка для логопеда), стоял памятник Огням Найдому Железову, сержанту Советской Армии, болгарину, в ухо которого (памятника) с наветренной стороны заботливой русской рукой была засунута ватка, а вокруг в огромном количестве были разбросаны красочные обертки от английского мохера. Выглянуло впервые за день, посмотрело на все это безобразие солнышко. И тут же смылось - скрылось. Стало еще холоднее...

...Прошли 46 километров...

...День четвертый. Прошли 29 километров. Облачно, прохладно, но лучше, чем вчера. Леса. Земляника.

Долг - 3 километра. Ничего, наверстаем.

День пятый. Прошли ровно 40 километров. Долг таким же и остался. Первая половина дня - поля, погода солнечная, вторая - леса, болота, мелкий дождичек. Надя пошла за три километра в Тихонову пустынь. В магазине - хлеб, гнилые сырки, конфеты "Пионер", кефир. Прошли поворот на Калугу. Сосновые леса. Встали в 19.30, первый раз - справа от дороги. Палатку - за две сосны, мох, мягко, хотя и сыро. Рядом ночевали мужики из Житомира, на "жигуленке"-пикапе. Говорят, там дожди проливные.

День седьмой. Впервые за весь день - ни одной дождинки. Идти тяжело - жарко. Полями, с холма на холм. Встали в 19.15.

День восьмой. С трех утра - мелкий дождичек. Спали. Побрился в первый раз. В 12.30 вышли с 248 километра. Через пять километров - в поле слева от дороги ферма. Надя сходила за хлебом, а принесла еще и литр молока.

Встали в 20.20. Кочки, мокро. Только поставили палатку - дождь...

...Проблема еды обострилась до беды. Осталось полкило манки, соль, чай и немного сухарей (спасибо Иосифу!). Дорога после Жиздры сделалась покультурнее. Появились даже километровые столбы, окрашенные белой краской, указатели ("столовая - 100 километров") . Появились люди по обочинам. Сказали, - впереди деревня, в ней магазин.

321 километр. Деревня Овсорок (Ofsorok!) залегла между холмами, обсаженными чахлой гречихой, едва заметной среди бушующей гаммы сурепки и чертополоха. На въезде, напротив сельсовета, запряженная в телегу лошадь понуро щипала траву. На телеге парень цыганистого вида тискал ядреную бабенку, пудиков на восемь, которой это, по-видимому, нравилось.

Из избушки на курьих ножках высунулась бабка с длинным носом. Мы спросили, нельзя ли купить чего-нибудь.

- Что вы, милые, - ответствовала баба Яга, - не найдете ни у кого, дети приезжают из Брянска, из Жиздры, все подчистую увозят. У Нади от ходьбы и бега заболело правое колено... ..Наше предприятие уже тянет не на туризм, а на спорт. Наде приходится преодолевать боль в ногах, мне - в плече".

Дорога! Дорога! Каждый километр берется с боем. Каждый километр - событие. I

А их почти девятьсот.

Девятьсот событий, приключений, разных тем для разговоров. Девятьсот песен, вздохов, жалоб - то на холод, то на жару, то на жажду, то на голод...

Девятьсот радостных ожиданий встречи с очередным километровым столбиком (не считая тех, что уперли ивановцы в Калужских болотах).

Девятьсот пейзажей, ландшафтов, обочин, девятьсот находок (то помидор у дороги найдем и съедим, то яйцо, то вишню).

Девятьсот разных сортиров у автобусных остановок, - от огромных помпезных сооружений, похожих более на мавзолей Тамерлана (или еще кого), до крошечных скворечников на одной ноге. Каждому ДЗРП Центрупдора присущ свой собственный и неповторимый стиль. Архитектура!

Девятьсот подъемов, - то пологих, долгих, хмурых, изматывающих, то круто взмывающих, словно в небо, так что руки и плечи трещат, Надя сзади подпихивает, а все равно "рычажка" движется еле-еле. Потом мы подсчитали, что по дороге до Киева мы трижды поднялись на Эверест. И трижды спустились.

И на каждом километре - сотни машин.

Старенькие "запорожцы", управляемые прожженными всеми солнцами, просоленными всеми ветрами старыми водителями, а на задних сиденьях - толстые бабищи и огромные узлы с рухлядью.

Новенькие блестящие "жигули", крутые молодцы с проплешиной под кепкой и сигаретой в зубах за рулем, одной рукой небрежно обнимающие подруг.

Дальнобойные грузовики. Шофера-междугородники, уже запомнившие нас, здороваются при встрече - как со старыми друзьями. Гудят клаксонами, когда нет времени остановиться. Один мужик специально дал крюка, догнал нас - угостил свежим "Жигулевским".

Спрятались от дождя под крышей автобусной остановки. Сюда же приткнул молодой рокер свою старенькую "Яву". От него мы узнали, что погода испортилась надолго. Дождь идет на всей Украине (а Украина, оказывается, простирается до Москвы). Потом наш сосед долго допытывался, - кто мы такие, куда идем и зачем. Но более всего интересовало, - кем мы друг другу приходимся.

Каких вопросов только нам не задавали! Кем друг другу приходимся, - самый популярный. Мужики все косились на Надю, видимо, строили планы.

Но самый убийственный вопрос был:

- А ВЫ НА ЭТОЙ СВОЕЙ КОЛЯСОЧКЕ ПО ОЧЕРЕДИ ЕЗДИТЕ - РЫЧАГИ КРУТИТЕ???

Такие вопросы вызывали у нас не только смех. Не столько смех, сколько гордость. У меня. Надо же, и на инвалида не похож!

В сельце Семиполки, напротив Дома Культуры (!), остановились отдохнуть. Я размешивал пальцем сахар в кружке с водой. За ложкой лезть было убийственно лень.

Надя отошла на три метра, оглядела меня со стороны, расхохоталась:

- Возле семиполкинского Дома культуры лежал на траве какой-то дикий, заросший мужик, помешивал грязным пальцем в кружке с непонятной жидкостью (видать, руки пытался отмыть). При задержании для выяснения личности оказалось, что это доктор технических наук, потомок князей Белосельских-Белозерских, ныне проживающих далеко за рубежами нашего Отечества, гражданин Белопухов, обладающий совершенно недопустимым для советского человека именем Андантин, проводящий отпуск своей подруги вместе с указанной подругой на грязной обочине шоссе Орел-Киев...

...Надина нога все хуже и хуже. А тут еще беда - кеды износились совершенно, подметка пошла в отрыв. Пришлось делать вынужденную остановку. Я загорал часа три на солнышке, Надя поехала вперед на автобусе, в ближайший промтоварный магазин. Купила три пары кед. Разных. Но подходящей оказалась - единственная из трех. Две остальные - слишком мягкая подметка, бежать по дороге в них невозможно...

...Итак, мы в тридцати пяти километрах от Киева. Не верится. Наде кажется, что идти мы будем вечно, вечно будут болеть ноги, вечно в темноте еще я буду будить, поднимать, не давать поежиться и потянуться.

Вечно надо будет искать место, где съехать с дороги, где поставить палатку.

На ночевку встали в 19.50. Варим яйца, купленные у бабки в Семиполках (или Семиполках?). После дождей холодно и сыро.

Следующую ночь проводим в лесопарке. Пока я готовил ужин, Надя на городском автобусе поехала на вокзал за билетами. Киев перед нами!

Всего не перескажешь, не упомнишь. Событий много, много встреч, но в основном - все одно и то же, дорога, дорога, подъем, спуск.

Надя всю дорогу шла, бежала, в крутые подъемы толкала коляску, помогала мне двигаться. Болело колено, сбивались ноги, но она выдержала все. Без нее такой пробег был бы невыполнимым для меня.

В этих наших походах мы притирались друг к другу, в этих походах проверялось наше взаимное чувство, наша способность действовать, сражаться вместе, бок о бок:

Мы - спина к спине у мачты,

Против тысячи вдвоем!

Но и спорта было много в наших путешествиях. Мы шли - как в гонке, но успевали при этом радоваться жизни, общаться, сближаться, дышать дыханием другого, слышать биение сердца близкого человека.

На следующий год мы решили побить собственный рекорд. В Куйбышеве собирался фестиваль туристской песни памяти Валерия Грушина.

Так хотелось посетить это сборище бардов и любителей самодеятельной песни. Ну, а на чем проще всего добраться до Куйбышева?

Конечно, это путешествие оказалось не в пример труднее. И расстояние гораздо больше. И места, "климатические зоны" - другие. И - большая глушь и запустение. И дороги хуже. И - жесткие сроки. Приходилось совершать огромные, иногда - дикие, усилия, чтобы успеть к открытию фестиваля. Потому-то я много не могу рассказать об этом. Запомнилось только - дорога, дорога, дорога. И боль в мускулах. И больше ничего. К концу пути мы были абсолютно измотаны. Наверное, поэтому мы больше так далеко не путешествовали,

Но сам фестиваль - оправдал все наши надежды, все наши труды, весь пот, пролитый нами.

На крутом волжском берегу - тысячи и тысячи народу, с гитарами, скрипками, с улыбками, тысячи песен, тысячи встреч.

На волнах у берега качается плавучая эстрада в форме гитары. Вечерний заключительный концерт, освещенный клочок пространства, вокруг рябит волной Волга. И две белоснежные яхты, сошедшие к эстраде, приклонили белые паруса, словно приплывшие и приникшие внимательно, слушая.

Но общая усталость наша, измотанность, давала себя знать.

Мы заваливались спать, не дожидаясь конца действия.

Так что одними из первых мы покинули гостеприимные волжские берега, слышавшие столько и столько, мы сели на поезд и вернулись в Москву.

Жизнь продолжалась.

Следующий год был годом проведения Олимпиады в Москве.

У нас с Надей возникла идея, - а что, если мы с ней пронесем в походе олимпийский факел хотя бы от нашей западной границы до Москвы. Хотелось, конечно, из самой Греции. Ведь такие расстояния были уже нам не в диковинку.

Мы бы прошли. Но кто бы нам разрешил? Кто из наших спортивных начальников согласился, чтобы какой-то инвалид участвовал в перенесении олимпийского огня.

При Брежнев у нас и инвалидов-то не было, не то что - инвалидного спорта.

Идея заглохла на корню. Но в мечтах своих - мы прошли этот путь. Весь, как в жизни бы нам ни в жизнь не позволили бы. Мы прошли от древней Эллады, через Балканы, через Карпаты перевалили, до белых стен Кремля.

Жизнь продолжалась.

Как-то сидела у нас на Фестивальной веселая компания. Пили, пели, веселились. И вдруг кто-то заявил: "Что это такое? Мы все тут интеллектуалы, с высшим образованием, кандидаты, доктора наук, и вот среди нас случайно затесалась Надежда, которая кроме средней школы и медучилища более за душой ничего не имеет. Непорядок!"

Все загалдели, закричали, - да мы Надю в Университет устроим, да мы то, да мы се, - покричали и разошлись. Но мысль такая, - почему бы нет, - запала мне и Наде в голову. А что? Неплохо было бы действительно поучиться.

Засели за учебники.

В июле 1980 года Надя поступила на факультет почвоведения МГУ.

Появилось в нашем доме множество новых людей. Молодых, веселых. Я учился все пять лет вместе с Надей, помогал ей во всем. Мы вместе придумывали эксперименты, потом Надя ставила его, долго снимала показания, мы получали интересные результаты.

Надя занялась выращиванием грибов. В трехлитровых банках она с ребятами научилась выращивать безумно вкусные грибы - вешенку.

Технология так и была названа - "Надежда".

Глава 7. НУРЕК

В начале апреля в мою квартиру вошел Валентин Вожуков. Я не видел его три года. После травмы я совершенно забыл об альпинизме, как о чем-то невозможном теперь, невыполнимом. Моя жизнь проистекала в абсолютно новой для меня среде, среди других интересов. Меня окружали артисты, балерины, режиссеры, их телохранители - студенты театральных вузов. Они охраняли деятелей культуры, а те помогали им сдавать экзамены и защищать дипломы.

С чего же все началось?

В больнице, в травматологии, в родной 21-й палате, куда я был снова помещен после возвращения из Сак, произошло мое знакомство с одним из таких деятелей.

После санатория я не выглядел больным. Окреп, загорел, - да нельзя было не лежать. Профессор Сиваш только что скрепил мою левую ногу, которая после травмы продолжала болтаться на коже и остатках мышц. Нога была свинчена от головки бедра почти до колена штопором. Штопор этот напоминает по форме альпинистский ледовый крюк. Когда-то доктор Сиваш ходил в горы, лазал, работал с крючьями. А может, только видел несколько раз. Но воспоминания о ледовом крюке натолкнули его на мысль о том, чтобы скрепить кости бедра не металлической палкой, как раньше было принято, а винтом, штопором, ввинчивавшимся в сердцевину кости.

Прежде чем оперировать меня, Сиваш проводил опыты в анатомическом театре, проверял надежность скрепления. Сиваш надеялся на то, что я смогу восстановиться, буду ходить, поэтому придавал огромное значение надежности конструкции.

После двухсуточной дезинфекции-стерилизации операционной нашего отделения кварцевыми лампами Сиваш меня "отремонтировал". Шов, в пятьдесят сантиметров длиной, затянулся за два дня. Если бы в других больницах так готовили операционную! В тех больницах, куда приходилось попадать. А то ведь каждый раз старались сделать лучше, чистили тазовые кости, зашивали, - и каждый раз заносилась новая инфекция, поражающая костную ткань. Так случилось в гнойной больнице при ликвидации флегмоны. Так было в 19-й больнице, при удалении бурсистой сумки. Врачи не виноваты. Они прекрасно знали свое дело. Жизнь мне спас, вскрыв гниющую ногу, Владимир Аркадьевич Терушкин. Мне зашивали дыру на ягодице Аркадий Владимирович Лившиц с коллегами.

Но кто разрешил бы им по два дня тщательно готовить операционную? При нашей загруженности, - по несколько операций в день.

Профессор Сиваш работал в кремлевской больнице. Как и мой первый хирург, в ЦИТО оперировал по совместительству. Но сумел внести кремлевские порядки. Делать все для человека. Для Брежнева, Андропова и им подобным из этой клики. Буду тешить себя до конца жизни - сподобился получить крохи с барского стола.

Итак, я лежал после операции, а в мою палату поселили новенького. Алик Диких, - как он сразу отрекомендовался. Мы подружились на много лет. Он и ввел меня в этот новый мир. Мир, который казался волшебным.

С Раисой я тоже познакомился в те же дни. Сесть на коляску я еще не мог. Поэтому девочки сами приходили со мной знакомиться. Спортсменок тогда в нашем отделении почти не было, а было много молодых балерин. Обычное для них, - вывернутое колено или голеностоп.

Заглянули в палату две девушки, одна ярко выраженного восточно-персидского типа, другая - греческого. Обе были столь разговорчивы, что не могли мне не понравиться. Чуть больше нравилась гречанка Лариса. Восточную звали похоже - Раиса. Обе служили в бакинском театре. Раиса прославилась в роли Мехмене-Бану, царицы. Балет Меликова "Легенда о любви" прославил и неизвестного дотоле постановщика Григоровича. Сама великая Плисецкая называла Раису Измайлову лучшей в мире Мехмене-Бану. Признало ее и правительство, присвоив звание "Заслуженная артистка Азербайджана". С ней танцевал и муж ее. Все было бы нормально, балетные семьи, как и спортивные, достаточно прочны и долговечны.

Но порвался мениск. Девочки приехали к знаменитой Зое Мироновой, профессору по менискам. Лариса, вылечив ногу, вернулась в Баку. Раиса тоже вернулась, но для того, чтобы через два месяца, к моей выписке, водвориться в моем доме хозяйкой. Раиса объяснилась мне в любви. Говорил красивые слова и я в ответ.

До появления Раисы, после операции я с тоской думал о предстоящем возвращении в пустую квартиру. Я даже обманывал врачей, оттягивал срок выписки.

Алик Диких доставал с воли водку. Звали девчонок и весело пировали. Врачи на вечерних обходах смотрели на это сквозь пальцы. По вечерам гуляла вся спорттравма. Но только до отбоя, до одиннадцати.

Нас засекали дежурные врачи после отбоя, через двадцать минут. Меня, как нарушителя больничной дисциплины, тут же выписали с формулировкой:

- Пил спиртное после отбоя, и на кровати сидели двое больных противоположного пола.

Раиса за несколько дней развелась с мужем, приехала в Москву, мы сыграли свадьбу. ЗАГС приехал на дом. Раиса привезла с собой на свадьбу своих подруг. Они стали часто бывать у нас.

Я пропускал мимо ушей разговоры подвыпивших балерин. А все время звучало:

- Лучше работать в Москве, в Большом, в самом последнем кордебалете, чем быть звездой бакинской сцены.

Азербайджанцы почти и не посещали свой театр имени Ахундова. На треть зал заполняли студенты, художники, скульпторы. Балеты шли, но хотелось зрительского обожания, охапок роз, криков "Браво!".

Мы расписались, прописались. Я продолжал жить самостоятельно. Раиса вернулась в родной нелюбимый театр. Из Баку ее не отпускали. ЦК компартии:

- Не поедет она в Москву. И точка. Мало ли, что у нее там муж. Пусть переезжает сюда. Ах, он ученый! Дадим ему кафедру, пусть заведует. Он... инвалид... не ходит. Хорошо, на дому организуем кафедру.

Уж очень нравилось большому начальству искусство. Роли томных восточных красавиц - был ее конек. В танце ее удачно сплеталось доброе и злое. Светлые и мрачные женские чары. Балет в "интеллигентных" кругах всегда был еще и модой.

Первые три года нашего брака проистекали таким образом. Месяц Раиса в Москве. Хозяйничает, обставляет квартиру. Месяц - танцует в Баку. Потом еще и гастроли. Франция, Италия. Итальянскую куртку я извездил до дыр на "рычажке", выкинул два года назад.

Тем или иным макаром надо было перетаскивать жену в Большой театр. Пришлось самому этим заняться. Как всегда - случайно, у моего друга и бывшего аспиранта нашелся собутыльник, референт Косыгина.

- Все устроим, Адик, - говорил мне Базулин, - не волнуйся. Но ... надо заплатить. Не много, на банкет в ресторане.

- Сколько?

- Пятьсот.

Всего-то! Я не мог сдержать удивления. Я тогда в месяц получал четыреста, пенсион.

Посидели в ресторане, референт доложил Косыгину. Звонок в Баку все уладил. Раису отпустили, зачислили в штат балерин Большого, в кордебалет.

Подруги-балерины, артисты, поэты собирались после спектаклей, пели, пили, веселились. Им хотелось отдохнуть и расслабиться. Застолья иногда получались свехвеселы. К примеру, Алик привел в гости пана Гималайского из популярного в те годы "Кабачка "Двенадцать стульев". Рудик стоял спиной к пианино, вывернув руки, не оборачиваясь, аккомпанировал себе, распевал хулиганские частушки. Может, не такие уж и хулиганские, а просто смешные.

Застолья хороши раз в месяц. И выпивки, когда по бутылке на брата, хороши раз в месяц. В нашем доме веселые сборища бывали почти каждый день. Я постепенно начинал ощущать оскудение души. Раиса пила много, больше подруг. Я пытался отвадить ее от вина, - согласитесь, неприятно быть рядом с пьяной женщиной часами, с глазу на глаз, лежать ночью в одной постели. Она дышит перегаром, храпит... Я кидался из одной крайности в другую. То пил ровно столько же, - но что мне, здоровяку, ее норма, я и вообще ни разу в жизни не был пьян до скотского состояния. Или старался ограничивать ее. Мол, надо наливать стакан не полный, а на треть, и пить в каждый тост не все. Англичане, - говорил я Раисе, - наливают в начале вечера виски на одну треть, разбавляя на две трети содовой. Потом пьют эту рюмку, долго, до ночи, доливая содовую.

Совсем в глупом положении оказывался, когда не брал ни капли, в рот и запрещал жене, ссылаясь на ее же здоровье. Но какие могут быть запреты, - игра слов между взрослыми людьми. А слова другие, нежные, любовные, - давным-давно не звучали в нашем доме. Исчезли.

Вот такое нелегкое для меня время. Но, как всегда, в нужный момент появился Божуков. Пришел меня спасать. Он решительно заявил, сразу же, с порога:

- Может быть, хватит отдыхать. Сколько ты не был в горах?

- Шесть лет. Я и последний перед травмой сезон пропустил, - к пробегу в Крыму готовился.

- Шесть лет! Адик, а я с пятьдесят второго года, как стал значкистом, так не пропустил ни одного сезона. Но ты это и сам прекрасно знаешь, что я тебе рассказывать буду. Не за этим я к тебе пришел. Скажи, неужели тебе нравятся все эти пьянки?

Валентин пришел неожиданно, без звонка, живет рядом. Стол был не убран, - грязная посуда, пепельницы, полные окурков, пустые бутылки. Раиса, как уж повелось, выпив лишнего, ещё спала.

- Валя! Да ничего мне это не нравится. Сборища эти происходят помимо моей воли. Я сам работаю, тренируюсь, в третий раз переделываю диссертацию. А смысла защищать ее не вижу. Денег это не прибавит, все равно у меня пенсия. А с этим всем - я и сам не знаю, как справиться.

- Адик, готовься. Едем тридцатого мая в Душанбе, оттуда в Нурек, на ударную комсомольскую гидростройку. Там неожиданно обнаружилась работа для сильнейших наших скалолазов, работа необычайная, трудная, но и, конечно, интересная. Над готовым

уже зданием ГЭС, где одна турбина установлена и свет дает, геологи обнаружили отколовшийся камень. Камень огромный. Никто, кроме таких, как Маркелов, Гаврилов, Петров и другие, никто, кроме умеющих лазать по этой скале, бурить скалу гранитную, забивать крючья, работать двадцатикилограммовым перфоратором на отвесной стене, никто кроме наших не сможет этот камень закрепить и спасти ГЭС от возможного разрушения.

Это все звучало - очень заманчиво. Но мне непонятна была моя роль во всей предстоящей эпопее. Быть обузой? И я спросил Валентина напрямую:

- Меня что? Таскать там будут? Мало ребятам работы? Кем я там буду?

Ответ был заготовлен, продуман заранее. Валя сообщил, что я, с его подачи, зачислен в отряд и назначен его комиссаром от ЦК ВЛКСМ. И что работать я тоже могу, утрясать все дела земные, пока ребята будут на скале. И оставалось мне только одно - собираться, готовиться вылетать 30 мая с первой группой москвичей. Валентин, естественно, был командиром нашего отряда.

И как командир - он видел еще одну задачу моего пребывания в Нуреке:

-Ты умеешь ладить со всеми ребятами, мирить их, успокаивать. Потому, Адик, очень прошу тебя поехать. Ты же сам меня вечно ругаешь за излишний командирский тон, за жесткое обращение с друзьями на восхождениях. А там, в Нуреке, будет пожарче, чем на любом маршруте. Уж холодно нам точно не будет.

Я дал свое согласие. По горам, по экспедициям, по старым друзьям я, сам того не подозревая, сильно соскучился, как оказалось. Шевельнулись - впервые в жизни - романтические струнки, даже видеть горы показалось счастьем. А еще, как планировал Божуков, после работ на Нурекском камне ребята собирались совершить два восхождения. Скальное, стенное - на Ягноб, вблизи от Душанбе, потом в интереснейший район Памира - Юго-Западный, где я никогда еще не бывал. Там Божуков собирался вести команду на траверс, как мы теперь шутим, "через головы основоположников". До революции высились рядом два шеститысячника, - пик Царя и пик Царицы. После революции они превратились - в пики Маркса и Энгельса. Высокие вершины, красивые вершины.

Формально спортивная команда, собранная Божуковым, числилась студенческим отрядом от ЦК ВЛКСМ. Комсомолом не были предусмотрены спортивные отряды, государством не были предусмотрены оклады для скалолазов-профессионалов за такого рода работы. Студенческие отряды имели четкий устав, должности командира и комиссара. Остальные имели звания бойцов.

Тридцать бойцов, среди которых и комсомольцев-то не было ни одного, только три члена партии, должны были собраться в Нуреке к 1 июня. Географически состав был следующим - Москва, Ленинград, Алма-Ата, Сведловск. Божуков, я и еще трое должны были вылетать тридцатого, в роли квартирьеров, подготовить размещение, фронт работ, оборудовать столовую, разнюхать, где брать продукты. Продукты обещала стройка. Но что она могла предложить - консервы, тушенку, сгущенку, вермишель, сахар. Валентин всегда о питании подопечных заботился особо. Ему эти консервы для ребят были - поперек горла. Значит... значит, базар. В тройку москвичей входила и жена Вали Нина, она ехала поваром. А на первые два дня ее задачей было - разведать, изучить базарные цены, выяснить возможности продавать на базаре консервы, жертвуемые нам стройкой, а вместо них - покупать парную баранину, зелень, фрукты.

Я за эти два дня должен был познакомиться с начальниками, начать выбивать из них деньги, как можно больше, на зарплату ребятам. Подвиги - подвигами, но хотелось, чтобы наши друзья и подзаработать смогли. За полтора месяца - хотя бы рублей по семьсот.

Думали мы с Божуковым долго - какую бы мне коляску взять. Маленькую, домашнюю, складную. Или уличную, трехколесную "рычажку". Первую легко транспортировать. Но я обеими руками был за "рычажку". На ней я имел бы возможность достаточно свободно передвигаться по улицам, а одновременно - и тренироваться.

В общем, я должен был со своим "крокодилом" прибыть вместе с ребятами в назначенный срок на Нурекскую ГЭС.

В срок я прибыл. Но не с ребятами, не на самолете, а совсем иным путем. Я приехал туда на собственном автомобиле, оборудованном ручным управлением.

Для этого пришлось проехать пять с половиной тысяч километров, из них три тысячи по бездорожью. По степям, пескам, и даже по настоящей пустыне, с барханами.

Моя машина называлась "Москвич - 408". Имела полностью ручное управление. Крепкий тормоз под правую руку. Сцепление под левую. Переключение передач удобно располагалось на рулевой колонке, в радиусе действия правой руки, большинство времени проводящей на тормозе.

За два месяца до отъезда в Нурек я впервые в жизни сел за руль. Так уж получилось, что до травмы я ни разу в жизни не пробовал водить машину.

Автомобиль я купил по лимиту министерства социального обеспечения. В те времена простым смертным в магазинах автомобиль купить было невозможно. Средства для передвижения продавались начальникам, чиновникам, их друзьям - торгашам. Можно было купить автомобиль с черного хода, по двойной цене. В основном черным ходом пользовались кавказцы, продавцы мандаринов, табака, чая.

Мой первый в жизни автомобиль имел двигатель мощностью пятьдесят лошадиных сил. Бывалые шофера мне не верили, но на этих малых силах я взбирался на снежные перевалы, поднимался до пятидесятиметровой отметки над уровнем моря. Я штурмовал в актюбинской степи овраги, на дне которых автомобиль зависал на два метра. И не ломался. "Жигули" в такой ситуации лопнули бы пополам.

Я заплатил за инвалидную машину с ручным управлением полную цену. Несмотря на то, что числился инвалидом первой группы, с полной, стопроцентной потерей трудоспособности. Откуда у такого деньги найдутся? Но чиновникам не было дела до таких, как я.

Они предпочитали торговать автомобилями с черного хода.

Я рассказывал многим спинальникам об этой покупке. Они все дружно поднимали меня на смех. Ни один из имевших машины - за них не платил. Платила шахта, платил леспромхоз, родственники инвалидов обивали пороги райисполкомов и других чиновных кабинетов. Не уходили, покуда "измученный" начальник не дарил автомобиль, не списывал расходы на него.

Мне бесплатно - ничего положено не было. Ни квартира, ни машина. Но, к счастью, мне не надо было унижаться. Я был богат. Я получал огромную по тем временам пенсию. Жена ездила на гастроли в Европу, приумножала богатства семьи. Позднее мы купили враз, в один день, два новеньких автомобиля "Жигули". В семье появился, выражаясь дореволюционным стилем, полный выезд. Полный выезд обеспечивал независимость жены и мужа друг от друга. Жена едет к своим друзьям, я - к своим.

Любой спинальник, имеющий автомобиль, знает, как много нового и интересного вносит в спинальную жизнь собственный транспорт. Можно поехать в гости, можно выехать за город и полежать на лужайке, можно отправиться в дальнее путешествие. Единственно, за чем надо следить, - это чтобы на заднице не образовался пролежень от длительного сидения в одном положении.

Итак, двуногим я ни разу за руль не садился. Надо было учиться - с нуля. Мне дали телефон инструктора по вождению. Он приехал, подогнал машину к подъезду. Вынес меня на руках, - благо парень был здоровый, - и посадил на водительское сиденье, умягченное подушкой.

- Поехали. Для этого левой рукой отожди сцепление, правой включай первую передачу. Когда тронемся с места, возьмешь небольшой разгон и перейдешь на вторую.

Я включил, сделал все, как он говорил, машина подалась вперед, рывком прыгнула и заглохла.

- Еще раз, не торопись и не волнуйся.

Со второго раза тронулся, поехал. Начал переключаться на вторую передачу, вцепившись в ручку со всей силой. Ясное дело, куда надо она не вытыкалась.

- Ну, что ты схватился, как за весло, - поучал инструктор, - бери так, как будто прикасаешься к девичьей груди, нежно, осторожно, чтоб не спугнуть. Или ты и там так хватаешь?

Мы ехали по нашему кварталу, по дворам и подворотням. На настоящую улицу я пока и не мыслил пробовать выезжать.

Начало марта превратило дороги в зеркало гололеда, прикрытое раскисшей грязной снеговой кашей. Я учился держать машину, не допускать заноса.

- Справа по тротуару прошла красивая девушка, - говорил инструктор, - во что она была одета?

- Кажется, в бордовом пальто. Ой, нет, в зеленом...

- Шофер, - читал мне нотацию мой наставник, - должен видеть и замечать все, и впереди, и с боков. Широта обзора спасает от аварии, - успеешь вовремя опередить или затормозить... Кстати, пальто было не бордовое, не зеленое, а синее. Учись всему с самой первой поездки. И не обижайся, если я иногда повышаю голос. Ладно?

На третий день обучения инструктор, вынеся меня и усадив за руль, сообщил:

- Мне через час надо срочно быть на ЗИЛе. Поехали. ЗИЛ - крупнейший автомобильный завод на другом конце Москвы. У меня сердце в пятки ушло. Но учитель мой говорил "Поехали!" с такой простотой, словно мы должны были доехать до соседнего дома.

Через весь город, через набитую битком автомобилями столицу, пересекая бесчисленные, как мне тогда казалось, по количеству перекрестки, светофоры, я ехал. До травмы я много ездил по Москве на велосипеде. За пробег Ленинград-Москва нашей шестерке подарили каждому по гоночному велосипеду, золотистому, блестящему. Я даже на работу иногда ездил на нем, хотя от моего дома до МВТУ двадцать пять километров. Мой друг, Володя Гриднев, велосипедист, утешал меня перед началом моего обучения вождению:

- Адик, ну что ты волнуешься. Ты много колесил по улицам. Правила езды очень похожи. Тебе не будет трудно. И на велосипеде, и на автомобиле главное правило - пропускать все, что справа от тебя. Даже если телега едет, даже если велосипедист. А ты уже мало-мальски и так привык это делать.

Наверное, Гриднев был прав. Все шло нормально. Был только один страшный момент. Мы уже возвращались, прихватив на заднее сиденье приятеля моего инструктора, тоже обучавшего вождению. Водитель самосвала был не прав, вылетев справа от меня на перекресток, на красный свет. Я же при этом спокойно двигался на зеленый. Я затормозил так резко, что машина подпрыгнула и замерла у самой роковой черты, в миллиметре от неминуемой аварии.

- Ну, ты прямо аса воспитал, - обратился приятель к моему инструктору, который насупился на сиденья рядом со мной, - какую неделю ездите?

- Третий день.

- ...

В начале апреля, сдав все экзамены, - и по теории двигателя, и по правилам дорожного движения, и по вождению, - я получил права. Отныне для ГАИ, для ее инспекторов, я становился обычным водителем. Соблюдать все многочисленные правила было трудно. Меня останавливали, иногда штрафовали, чаще - отпускали. Ни в каком случае я не обижался, говорил "спасибо", говорил от души. Эти лейтенанты, сержанты - постовые учили меня участвовать в общественном движении.

В конце апреля я, посадив Валентина пассажиром, отправился в путешествие, в Крым, за полторы тысячи километров. На скалах близ ялтинских гор проводились соревнования по лазанью. Меня и Божукова пригласили судьями. Можно было, конечно, отправиться

туда и поездом. Но не так уж удобно было для меня доехать только до Симферополя, а потом шесть часов трястись в троллейбусе.

Начинающие водители ездят лихо. Очень быстро. Мы выехали в пять утра. Зачем-то в конце апреля вдарил морозец, дорога покрылась тонким слоем ледка. Я с трудом держал машину на шоссе, но скорости не сбавлял. Мчался. Мы заночевали в кемпинге, далеко за Харьковом, в городе Краснограде. Я потом много раз ездил этой же трассой на Юг, но так мне и не удалось повторить "рекорд" начинающего водителя-спинальника. Дальше Харькова я за день не доезжал.

Соревнования проходили в красивейших местах ялтинского побережья. В Мисхоре, там, где как раз мимо скал проложено нижнее шоссе, проложено, не повредив ни одного деревца. После пятьдесят первого года, нашего с Хатулевым путешествия, когда я обиделся на Крым, не смотрел по сторонам, - я приехал, конечно, не во второй и не в третий раз. Я часто тренировался в Крыму, но обида не проходила. Только в семьдесят первом я вдруг ощутил, что это - родина моя. Или я изменился за двадцать лет, или Крым по берегам оставался тем же, старинным, татарским - без татар, но лепились же сакли по склонам Ай-Петри. В архитектуре сохранялся стиль востока. И я ощущал, явственно, возвращение мое - на родину.

Но какая же дребедень! Везет в одном, не везет в другом. На первое мая повалили снег, все замерзло. Снег покрыл уже цветущую глицинию, лежал на деревьях, на кустах роз. Скалолазы разгребали снег на зацепках пальцами. И я, в машине сидя или в судейском кресле, очень мерз.

- Осталось двадцать секунд! - кричал в мегафон, - осталось пять секунд! Финиш!

Скалолазы подпрыгивали на последнюю зацепку. Зависали в разных позах, как обезьяны. Победитель оценивался пройденной за время высотой. Время для всех одинаково. Потому и прислушивались спортсмены к моему мегафону.

Божуков сидел на веревке на скале и замечал высоту. И фотографировал. Он большой любитель фотографии. Фотограф-любитель, но фотографии делает профессионально.

Божуков предложил покататься по побережью. Соревнования закончились. Снег сошел. Снова цвела весна и голубело небо. Я вспомнил рассказы матери о восходе солнца на Ай-Петри. Я вспомнил, как еще в бытность владения ногами, встав затемно, вскарабкался на смотровую площадку и был свидетелем зрелища, поразившего в далекой молодости мою мать. Мама говорила мне, что вершина Ай-Петри - единственное в мире место, с которого восход виден так.

Я ждал. Небо розовело и желтело над морем, постепенно явилось солнце, совсем не желтое, а - темно-красное. Оно поднималось, увеличивалось в размерах, оно было приплюснуто в овал. Вот уже и выкатилось почти целиком. Погода была идеальная, самое малюсенькое облако помешало бы увидеть то, что я теперь видел. Картина над морем разворачивалась. Вдруг неожиданно из верхней части овала выскочило нормальное - желтое, круглое солнце. Два солнца, - одно над другим, - висели над морем. Шли минуты. Постепенно нижний овал растворился, ушел в глубины Черного моря.

Мы встали затемно. Я вез смотреть восход на Ай-Петри Божукова и еще двоих знакомых. Машина взбиралась в темноте на склоны по страшным серпантинам. На горной дороге я водил впервые. Когда я с грохотом на поворотах врубал не те передачи, машина соскальзывала вниз, к краю дороги, Божуков и девочки руками буквально впивались в сиденья, пытаясь удержать равновесие.

К рассвету мы стояли на смотровой площадке. И ждали обещанного мною зрелища. Всю дорогу я вопил:

- Сейчас увидим чудо! Увидим два солнца!

К востоку по небу потянулись облачка. Одно, второе, третье. Собирались в тучу, застлавшую восход. Ожидания были напрасны. Время и деятельность человека брали свое. Рассветы стали холоднее. Мы увидели только отблески зари на облаках.

Привез! Наобещал! Пришлось оправдываться.

К концу мая я уже уверенно сидел за рулем. Но в одиночку добираться до Нурека было опасно. Пошел к соседу своему и хорошему приятелю Иосифу Гросману. Предложил ехать вместе. Он сказал:

- Ты сумасшедший! - но не отказался, тем более, что он тоже был записан в наш отряд бойцом. Иосиф не занимался альпинизмом, но в качестве моего соседа сдружился со всей моей компанией. Мои альпинисты, видя его бычьей шеей и торсом Геракла, уже год назад включили его в состав бригады, работавшей на деревьях.

Лазанье по деревьям - обязательный элемент альпинистской тренировки. Как-то Божуков, Слава Ванин, Юра Акопджанян тренировались в Царицынском парке на деревьях. Подошел лесничий:

- Чего впустую лазите, лучше б заодно помогли нам. Нужно обрабатывать парк, спиливать засохшие верхушки, сучья. За каждое дерево - отдельная плата.

Деньги всегда нужны, а тут можно было и тренироваться, и подрабатывать. В дальнейшем ребята заключили договора со многими паркохозяйствами Москвы. И с кладбищами. На старых кладбищах места мало, а ценится оно дорого. Поэтому предприимчивые похоронщики нанимали ребят спиливать деревья. Дерево уберешь - новое место получится, за него деньги можно хорошие справить. Но валить приходится очень аккуратно, кругом могилы, свободного пространства никакого. Иногда приходилось спиливать дерево по частям. Залезаешь наверх, отпиливаешь верхушку, метра два, на веревке спускаешь отсеченную часть, пилишь дальше.*- небольшими порциями.

Иосиф в бригаде древолазов посрамил всю их многолетнюю альпинистскую подготовку. Он и вверх забирался быстрее, и пилил быстрее, и вниз спрыгивал. И зарабатывал поэтому больше Божукова. Хотя тот всю старался не ударить в грязь лицом.

Предложив Иосифу совместное путешествие, я не сомневался в его силе и умении. Он и машину может починить, и вытолкнуть ее из лужи, завязшую. Иосиф был знаком со слесарным делом, умел и варить, и клепать. Сам работал в школе, преподавал физику после института. А до института жил (и не скажешь - родом был!) в чешском поселении в актюбинской степи. Был чех по отцу. С детства обучен был и пахать, и сеять, и трактор водить. Вот только не мог он в людных местах садиться за руль, так как, несмотря на все свои умения, прав водительских не имел. Именно за умение варить и водить грузовую технику Божуков и взял его в отряд. В чем впоследствии ничуть не раскаивался. Не подвел его Иосиф. Хотя работа была -труднейшая, тяжелейшая.

Календарь показывал двадцатое мая. У нас было десять дней и пять тысяч километров. Это мы подсчитали по атласу. Тот же новенький атлас обещал нам дороги с асфальтовым покрытием до самого Нурека.

Я забрасывал в рюкзак вещички, весело напевая, - дорога меня не пугала. Иосиф, более практичный, чем я, человек, пытался охладить мой пыл:

- В Москве есть клуб автолюбителей. Я даже знаю где. Квартирует в здании церквушки на правом крыле гостиницы "Россия". На всякий случай стоило бы проконсультироваться там. Расспросить автотуристов, которые такими делами занимаются регулярно.

Я остался сидеть в машине, а Иосиф пошел внутрь. Вышел обратно довольно быстро, на его лице, вечно невозмутимом, ничего прочесть было невозможно. Как всегда. Он уселся рядом со мной:

- Огорчу тебя, Адик, и сильно, - говорил, как всегда, медленно, не торопясь. Не в привычке Иосифа Гросмана было торопиться, - хоть в слове, хоть в деле, - ехать нам нельзя. На трех тысячах из пяти никакого асфальта еще нет. Да и самих дорог, говорят, нет. Пустыни, пески, степи.

- Ну ты хоть узнал о тех, кто там последними ездил?

- Узнал. Но это не автомобилисты. Это мотоциклисты. Я просмотрел их отчет. В песках они тащили мотоциклы на руках. И со всеми объездами путь до Душанбе по их спидометрам оказался пять с половиной тысяч.

Я мысленно добавил еще двести до Нурека. Ого, цифра внушительная. Пока я упражнялся в арифметике, Иосиф продолжал:

- А на машине туда не пытался добраться ни один турист. Последний автопробег организовывал Лихачев в 1936 году. Пять новых машин отправились до Душанбе, потом даже в сердце Памира смогли добраться, в Хорог. Но две развалились, не доехали. Остальные так и оставлены были в Душанбе. Дело твое, Адик, машина твоя. После такой поездки ты вернешься обратно на разбитой колыхаге. Я бы свою машину пожалел так уродовать.

- А я не жалею. Подумаешь, новую куплю.

А сам уже предвкушал встречу с новыми местами, представлял степь, запах мой любимый степной, - запах полыни, ночевки под ярким звездным ковром.

Я уговорил Иосифа не жалеть чужую вещь. Он тоже, напевая, начал собирать рюкзак.

Мы поехали. Пока шли по асфальту - как-то даже не замечали пройденного. Проезжали города: Рязань, Пенза, Куйбышев, Уральск. Они проносились мимо, таяли у нас за спиной. Свернули на юг, на Актюбинск.

Между Куйбышевым и Актюбинском начались перерывы с асфальтом, - пока ненадолго, где на километр, реже - на два. Обрывался внезапно, дорога исчезала, превращалась в полосу крупного, зернистого песка. Полоса эта виляла между сосен. Пересекали небольшие деревеньки, дома виделись с обеих сторон от дороги, фундаментами утопая в песке. На лавочках сидели старики и старушки. Старики читали газеты. Старушки вязали. На вас они не обращали ровно никакого внимания, хотя за машиной тянулся шлейф потревоженного песка. По-видимому, здесь проходило множество грузовых машин ежедневно, наша пыль была мелочью.

За Актюбинском асфальт кончился совсем. Дорога превратилась в каменистую колею, взбирающуюся на совершенно лишенные растительности сопки, горы, холмы, - уж и не знаю, как правильнее было бы называть эти мрачные скалистые отроги чего-то дальнего и неведомого, рассыпавшиеся впереди на многие и многие километры. Мы приближались к городу Эмба, к родине Иосифа. От Эмбы до родной его деревни было всего километров пятьдесят.

Иосиф называл эти горы - Мугоджарами. Дорога, а точнее - автомобильный след, жалась к железнодорожному полотну. Будто боясь заблудиться на Мугоджарах. Дорога вилась то справа, то слева от полотна, уходила в какие-то трубы под насыпь. В трубах стояла на полметра вода. Иосиф предупреждал:

- Смотри, не замочи двигатель. Заглохнем. А помощи ждать неоткуда.

Действительно, уже несколько часов, - те, что мы ехали после Актюбинска, - никто не обгонял нас, никто не попадался навстречу.

Иосиф перед каждой трубой отправлялся промерять лужи.

Мы благополучно добрались до Эмбы. Я думал про себя, - свернем, погостим у родителей Иосифа, полакомимся чешской задымленной курицей, поедим шпекачек, сметаны - настоящей, не чета водянистой московской.

Но Иосиф опять проявил здравомыслие. Сверни мы - и вылетал бы день. А лишнего дня у нас не было. Мы не имели права опаздывать к началу работ. Я и так своей безумной затеей поставил под возможный удар наше общее дело, ведь застрянь мы во всех этих песках и степях - и срывалось начало работ, срывались, скорее всего, последующие восхождения.

Я чуть погрустил, но Иосиф был прав. И сам себя корил:

- Вот, рассказывал тебе до Эмбы, как они там живут - и ввел в соблазн. Еще бы - несколько коров, овцы, козы, куры, индюки. От этого у кого хочешь голова кругом пойдет.

Здесь, на пустынном бездорожье, мала была вероятность встретить гаишника. После Эмбы я отдыхал километров сто, машину пока вел Иосиф. Отдыхал, - освобождая в первую очередь наиболее уязвимые места. Лежал на заднем сиденье на животе.

Осматривал зад в зеркальце. Пока, - тьфу-тьфу, ни покраснений, ни волдырей не появилось.

Дорога со склонов Мугоджар скатывалась на дно каменистой пустыни. Я сел за руль. Мне было интересно, я совершенно не уставал. Был я тогда еще здоров, как бык, вынослив. Но была еще одна причина того, что практически все время вел машину я. Почему-то я был уверен в том, что лучше, чем Иосиф, справлюсь с ручным управлением. С этими рычагами слева-справа, с могучим тормозом. Я отжимал его со всей силой правой руки, при этом упираясь с не меньшим усилием в спинку сиденья. Это было мальчишество, неопытность, самомнение. Ведь Иосиф с работающими ногами уперся бы в десять раз сильнее.

Потихоньку появлялись обещанные нам автомотолюбителями подарки. Камни и такыры сменялись глубокими песками. Машина садилась, застревала, буксовала. Я сдуру еще сильнее выжимал газ, -машина совсем зарывалась. Иосиф вылезал, упирался могучим плечом в багажник, просил газануть осторожно. Машина, гудя и подвзвизгивая дисками, выбиралась из ловушки. Когда не помогало плечо, подкладывали ватники. Я поражаюсь предусмотрительности своего соседа. Ведь в Москве я смеялся:

- Иосиф, мы же едем на юг, зачем нам ватники? Но он невозмутимо запихивал в багажник несколько ватников, несколько метровых широких досок. На мой вопрос он, хитро улыбнувшись, говорил:

- Узнаешь, скоро узнаешь. Поймешь, что не зазя. А места и веса почти никакого, или ты собираешься машину телевизорами загружать?

Теперь я убеждался. Не зазя!

Вдруг совершенно неожиданно перед нами из песка возник автомобиль, маленький, горбатый, голубой "Запорожец". Он пыхтел, зарывшись по днище задними колесами в песок. Услышав наше приветственное гуденье, из крохотной машины вылез огромный человек лет тридцати-сорока. Как он там внутри помещался - казалось непонятным. Да еще не один, - из другой дверцы вылезла молодая девушка. Она была одета так, словно вышла из дому на службу, - белая блузка, юбка - тоже белая, чулки и туфли на высоком каблуке. Мужчина для данной обстановки был одет более подобающе - засаленные рабочие штаны, рубашка-ковбойка в клеточку.

Это оказалось свадебным путешествием из Днепропетровска в Самарканд. Петр заведовал гаражом. Потому не боялся путешествовать на собственной машине. Но он оказался наивнее нас. Он взял с собой атлас, ехал строго по карте, - пока ехалось. А попав в пески, заглянув в расширившиеся от ужаса глаза своей подруги, он готов был уже повернуть вспять. Бездорожье его обескуражило. Ведь на карте четко виделась лента шоссе. Только атлас, наверное, соответствовал пятилетним планам, а не реалиям нашей жизни.

Наше появление помогло им прийти в себя. У "Запорожца" восемнадцать лошадиных сил, у нас - пятьдесят. Была возможность в случае большого залета вытаскивать впереди идущую машину с помощью второй. Чаще все же приходилось по старинке, вручную. Только толкали теперь сзади вдвоем. Иосиф и Петина подруга. Туфли на каблуке она не снимала при этом. Видимо, не было ничего более удобного для работы. Она не взяла с собой никакой одежды, кроме городской. Вот это медовый месяц! Вот это - испытание взаимных чувств! Да после этого с такой подругой - хоть в полымя!

Парой машин мы добрались до Сыр-Дарьи, пройдя все пески, все барханы вместе, помогая друг другу. Нам необычайно повезло, всем четверым, в том, что мы встретились.

Но до Сыр-Дарьи было еще много приключений.

Мы заночевали, выбравшись из песков на вполне сносную грунтовую дорогу. На горизонте миражом мерцал город. Настоящий, с высокими домами. На ночь мы жгли костер из каких-то саксаулин, долго сидели под яркими звездами, под южным темно-синим небом. Мои московские грезы осуществлялись. В отличнейшем настроении я завалился спать.

Проснулся от того, что через открытое окно меня жевал верблюд. Еще с десятков толпились рядом, заглядывая в окна. На одном из них восседал старик-казах, с желтым, спекшимся от солнца лицом.

Все повыскакивали из машин. Кроме меня, конечно. Старик важно подавал каждому руку, знакомился. Иосиф и Петя вытащили свои фотоаппараты, защелкали затворами. Старик на верблюде. Потом по очереди: Иосиф на верблюде, Петя на верблюде, Петина жена на верблюде. Ее пришлось подсаживать на высокое седло. Верблюды были все - дромадерами. То есть, попросту говоря, одногорбые. Очень большие. Тайна закрепления седла на спине такого верблюда неизвестна мне до сих пор. Ну, не может седло держаться так, разве что с помощью клея или гвоздей.

Прошел целый час, пока наконец казах увел своих верблюдов. Мы спокойно расположились позавтракать возле машин. Только разлили чай по кружкам, - скачет, поднимая за собой султан песка, наш казах, но уже на лошади. Кричит еще издали:

- На верблюде фото сделал, да! Давай, делай теперь на кобыле.

Иосиф щелкнул его еще несколько раз, спросил, куда прислать готовые фотографии.

- Э, куда? Ну, сюда, однако. Город Челкар, Сатпаеву Жолдасу.

Дополнительных координат он не знал. Он думал, что Сатпаева знают везде. Дитя степей. Мы долго пытались отгадать, сколько ему лет. С одинаковым успехом ему можно было дать и сорок, и семьдесят.

В Челкар ворвались на полной скорости. Впереди шел наш "Москвич". Дорога была тверда, как будто со специальным покрытием. Я совсем забыл про осторожность, и очень удивился, почувствовав, что машина встала. И она не просто встала. Она стояла в огромнейшей луже, прямо посреди города. В огромнейшей луже, занимавшей достойное место на центральной площади города. Мотор залило по клапанную коробку, и он наглухо заглох. Часа два возились мы, пытаюсь собственными силами вытянуть машину из воды. Но даже "Запорожец" не смог ничем помочь. Через два часа подошел трактор. Челкарские ребята, коричневые насквозь, сопровождали наше освобождение дикими воплями и плясками. Еще бы! Какой-то чужеземный "Москвич", да еще погруженный вместе со своим водителем в самую главную городскую лужу.

Иосиф подправил все мелкие наши повреждения. Дальше - явились новые проблемы. Мы не знали - куда ехать дальше. Ехать ли обычным путем, которым ходят грузовики, который делает крюк в пятьсот километров, или пробиваться триста по абсолютному бездорожью, зато вдоль железнодорожной насыпи. Мы выбрали бездорожье. Опытные шофера говорили, что все равно "Москвич" не пройдет к Иргизу, советовали дожидаться попутной военной ширококошачной машины, грузиться на борт.

Мы выехали из Челкара в южную степь. Встреченный нами казах неторопливо втолковывал нам маршрут:

- Есть тут тропы верблюжьих мимо барханов. По ним и строители едут два раза в год на грузовике. Там след шин должен оставаться.

След шин! По нему ориентироваться! А дожди? Неужели остались следы?

Но не бывает здесь дождей с марта по ноябрь. Иногда набегают тучи, кажется, - вот сейчас ливанет, а нет, капает несколько капель всего. И этим дело кончается. Дожди такие называются воробьиными.

Казах продолжал:

- Первый день идешь - солнце слева. Так дойдешь до мазара Алымова.

Мы понимали, догадались, что мазар Алымова - это могила Алымова. Потом мы видели тысячи мазаров. Ими усеяны все степи и пустыни Азии. Хоронят умершего там, где он скончался. Покойнику подгибают ноги к подбородку, заворачивают в белую грубую холстину, во много слоев. Никуда не зарывают, сажают на песок. А вокруг возводят четырехстороннюю, с башенками, стену, замок, крепость маленькую. Простой человек похоронен - мазар в метр высотой, два на два метра. У знатных - более напоминают мавзолеи.

- От мазара повернете так, - продолжал казах, - чтобы солнышко в правую щеку было, и так дойдете до высохшего соляного озера - такыра.

Он говорил, мы тщательно наносили все ориентиры на бумагу, делали карту-схему. Я обратил внимание Иосифа и Пети на то, что казах все время употреблял слово "идти". Видимо, он подразумевал, что будем идти со скоростью верблюдов, как он ходит. Мы учли трехкратное превосходство в скорости автомобиля над верблюдом, внесли корректировки в нашу карту.

И, оказалось, перечли верно. Через три часа езды по еле заметному следу шин совершенно неожиданно уткнулись капотами в мазар. Он был столь мал, что за сто метров сливался с рассыпанными по всей степи большими камнями. Но мы вышли точно на него. Точно так же к концу второго дня мы выехали к высохшему соляному озеру. Маленькому, метров двадцать шириной, оно заблестело в глаза только уже когда машина пошла по абсолютно ровной его поверхности. Из-за руля такое и не заметишь с расстояния. С верблюда, с высоты двух метров - легче.

Вился еле заметный на сухой траве след грузовика. Вероятно, за месяц до нас кто-то огибал барханы, пробираясь в бригады овцеводов.

Барханы величественно высились вокруг, высотой поднимаясь на десять - на пятнадцать метров. На мелкие можно было и заезжать. Я почти до самой верхушки заехал задом, огляделся. На лужайке, словно мираж, паслись коровы. Мне они показались совершенно тощими, раза в два меньше, чем костромские или вологодские. Эти были рыжие, грязные, с обломанными рогами. Иосиф, знаток казахского степного житья, объяснил мне, что они на вольном выпасе, никто не приходит их доить каждый день. Доят раз в месяц.

- Сейчас я покажу, каким образом их доят после столь больших перерывов. Одиравшая корова звереет, не подпускает к себе человека близко, отбивается, чем попало. Скольким неосторожным любителям молока приходилось ходить, украшенным шрамами.

Как оказалось, корова не подпускает никого спереди, но прозевывает подход дояра сзади. Иосиф, улучив подходящий момент, зашел с тылу и схватил одну из коровенок за хвост. Не дав ей опомниться, он начал раскручивать бедное животное вокруг себя, словно атлет, раскручивающий спортивный молот. Может, это мне и мерещилось, но я видел, что коровка отрывалась несколько раз от земли всеми четырьмя своими копытами, летала вокруг Иосифа по кругу. Помотав ею раз двадцать, Иосиф спокойно взял ведро и принялся доить. Присев на корточки у вымени, надоил литра два молока.

Неподалеку от стада мы увидели летнюю юрту овцеводов. Подъехали. Вокруг на кусках толя, картона, на обрывках газет сушились белые комочки. Молодая хозяйка угостила нас - это был верблюжий сыр. Сыр коровий казахи-кочевники не едят. А верблюжий, высушенный до твердого орешка, наездник укладывает в карман ватных штанов. Эти катышки сосет он целый день, в пути - и совершенно не испытывает голода.

Также вокруг юрты сушилась верблюжья шерсть. Я остался как-то равнодушен к ней, но Петина жена с удовольствием купила мешок шерсти-сырца, то есть шерсти непряденой. Мы же с Иосифом купили несколько килограммов молодого, еще не засохшего сыра. Нежнейший вкус, начисто отшибавшийся при высушивании, привлек нас, мы питались потом этим сыром до самого Нурека.

Оставался последний, по нашей карте, день объезда, переход до железнодорожной станции Тогыз. И вдруг внезапно, когда сложный участок казался уже почти пройденным, со страшным скрежетом горбатый "Запорожец" завалился на бок. Причину Петя, водитель-профессионал, механик и начальник гаража, установил сразу. Лопнула задняя полуось. Даже человеку, никогда не копавшемуся в машине, не знающему ничего об ее внутреннем устройстве, при словах "лопнула полуось" становится ясно, что засели мы изрядно. Запасной полуоси, разумеется, не было. Петя все-таки ехал в свадебное путешествие, а не на авторалли.

Единственный выход - на моем "Москвиче" везти Петю назад, в Челкар, искать там умельцев или склад с запчастями. И если не найдется новой полуоси, - выточить на станке самим.

Иосифа мы оставили, расставив палатку, возле бездвижного "Запорожца" и молодой жены в юбке. Пришлось уверить Петю, что Иосиф, несмотря на сходство свое с Гераклом, человек интеллигентный и порядочный, к чужой жене приставать не станет. Петя перестал коситься назад, мы весело покатали по своим же следам, в славный город Челкар.

Запасных осей мы не нашли. Зато нашли станки в вагонном депо. Нашли к ночи. На дверях уже болтался замок. Нашли сторожа, уговорили... Петр выточил полуось из прекраснейшей заготовки, - из вагонной оси, ибо ничего более подходящего в депо не нашлось. Предварительно "отпустил" ее, сделал мягкой, податливой для резца, фрезы. Где только он там сумел ночью углядеть электропечь, как включил? Закончив обточку, снова закалил деталь. До нужной твердости.

Я по образованию - литейщик. Термообработку учил по книгам, чуть-чуть встречал на практике. Нам доказывали всю сложность закалок, отжигов, отпусков и других обработок, связанных с изменениями температуры. Нас учили, что недопустимы ошибки даже на градус.

У Пети посреди ночи не было никаких средств для измерений, - ни термомпар, ничего. За толстенной кирпичной стеной депо Петя творил чудо. Полуось отлично подошла, Петя быстро ее поставил на место, проехал на ней до Самарканда, вернулся в Днепропетровск, еще несколько лет ездил, пока не продал, - в моду входили "Жигули".

Все кончается. Кончились и пески, и объезды, степи. Под колесами чувствовалась твердая, укатанная грунтовая колея. А через лобовое и левое стекла мы видели серую гладь Аральского моря, простиравшегося за горизонт.

Я стоял на старом берегу, твердом берегу. Море с каждым годом отступает, высыхает. Началось это не вчера. Питающие его две гигантские реки - Амударья и Сыр-Дарья, - доносили и доносят все меньше горной памирской воды. Воду по дороге разбирали колхозы на полив, разбирали бездумно, без меры. Тем самым портя, засаливая почву. Процесс бесконечен, - засоленная почва требует еще больше воды, засоленные посевы требовали новых промываний. Ах, если бы у места разбора стоял частник, вроде ростовщика Джафара, и отпускал воду за деньги! Экология огромнейшей территории, включающей в себя три республики-государства, не была бы нарушена. Урожаи были бы в десять раз больше, а расход воды - во столько же раз меньше. Но революция приставила к раздаточному колесу бедняка Ходжу Насреддина, а тот начал раздавать воду бесплатно. Даваемое бесплатно - чаще всего и не замечается, как даваемое. И не оберегается, и не пользуется уважением. Что ты наделал, Ходжа Насреддин!

Обогнув озеро Арал, мы достигли большого города. Аральск! Наконец-то мы видели зелень, запыленные, но деревья, кусты роз на центральной улице. Мы снова ехали по асфальту. Но на сей раз я не поддавался, внимательно следил за дорогой.

За Аральском асфальт вел промеж заболоченных низинок, камышиных зарослей. Видимость была ухудшена всем этим, да еще и сумерки подступали. Темнело. Иосиф дремал.

Я разогнал машину до шестидесяти километров. И вдруг страшный удар подбросил и остановил "Москвич". На счастье, за минуту до этого Иосиф приоткрыл переднюю дверцу, уперся рукой и дышал ночной болотной прохладой, - не сделай он этого, вылетел бы через лобовое стекло. Меня же ударило о руль с силой огромной, - я и вздохнуть не мог, пока Иосиф не отмассировал мою грудную клетку.

Поперек шоссе проходила траншея, глубиной в полметра, не было никакого предупреждающего знака, фары мои были забрызганы грязью, я прозевал это препятствие.

Я загрузил, удар был настолько силен, что я не сомневался в возникновении поломки. Доже более того, казалось, что машина развалилась.

Но вылез Иосиф, вылез Петя, полезли под машину, посветили там "переносками", прощупали передний мост, рулевые тяги, колеса.

- Заводи, - проворчал перепачканный грязью Иосиф, - "развалилась, развалилась", да твоя колымага и не такое выдержит, зря мы только под грязным ее брюхом ползали. Она у тебя той же крепости, что и грудная клетка.

Я завел, потихоньку дал вперед, машина с первого хода уперлась только, но после того, как я подгазовал, выехала на ровный асфальт.

От "Жигулей", уверен, ничего бы не осталось. Пришлось бы их прямо тут и бросить, в болотах приаралья. Мне еще не раз за то лето приходилось убеждаться в том, что машина моя - чудо надежности. Я и не замечал в Москве, - толстое железо кузова, под 1.3 мм, укрепленное лонжеронами. Все это утяжеляло машину на полтонны. Но мне-то не таскать ее на себе. А Иосиф из песка и грузовик мог вытолкнуть.

Особенно пригодилась эта прочность при форсировании горных рек. Обычно в местах бродов решались перебираться только на грузовых машинах, идущих на высоких осях. Чтобы не заливало двигатель, приходилось скакать с камня на камень на огромной скорости.

За Аральском асфальт вновь пропал, но сменился на этот раз не песками, а грунтовым грейдером, еще на сотни километров. Только в Кызыл-Орде мы опять зачертили шинами по горячему асфальту, мягкому, проминавшемуся даже под ногой. Асфальтовый путь простирался до самого Ташкента.

За Аральском мы выехали к Сыр-Дарье. Несмотря на все происки колхозников, полноводная река катила свои воды навстречу нам. Серые волны били в камышовые берега. А может быть, это был лишь весенний разлив, и к концу лета река зауживалась, замирала. Мы не знали, что здесь останется к осени.

Здесь мы распрощались с нашими спутниками. Петя останавливался на небольшой отдых (все же у них было свадебное путешествие, а не марафон). К тому же, он хотел повытрясти из двигателя песок, забившийся во время нашего перехода пустыни. Мы тепло распрощались.

Проехав без остановки областной центр Казахстана, город Кызыл-Орду, затем военное поселение Туркестан, вышли на прямую нитку асфальта, уводившего в солнечный город Ташкент. За пять километров до Ташкента пересекли межреспубликанскую границу. На каждой ее стороне стояло по чайхане. На казахской стороне поили чаем черным, с жирным каймаком-сливками. На узбекской тоже подавали черный чай. В больших, украшенных красно-золотыми узорами чайниках. Чайник ставился на середину стола, на всю компанию, в маленькие золотистые пиалушки клиенты уже сами разливали по мере надобности.

Естественно, я не зря упомянул все это, ибо мы задержались и у той, и у другой. Пили чай и ели плов.

В казахской плов подавали пустой, рис с морковкой. В узбекской чайхане плов был настоящий, желтый от шафрана, с огромными кусками жирной баранины. Правда и стоил - раза в три дороже. На стол ставилось также блюдо зелени: рейхан, напоминающий нашу мяту, однако с каким-то тонким и изысканным привкусом, петрушку, укроп, зеленый лук. Казахи почему-то зелени не ели. Узбеки ломали к зелени куски лаваша, а чай пили с мягкой, пышной, сдобной лепешкой.

В Таджикистан мы въехали через заставу Ура-Тюбе. На таджикской стороне тоже стояла, но уже чойхона, по раскраске которой становилось ясно - наконец мы будем пить чай зеленый.

Путь к Нуреку лежал через два высоких перевала.

Дорога на Шахристан шла по черным сланцевым плиткам. Снег стаял, поэтому я легко справлялся с управлением машиной. Текла рядом тонкая прозрачная речка. Существует такой обманчивый эффект в горах, - кажется иногда, что вода реки течет вверх. В гору течет, поднимаясь на преграждающий нормальное течение отрожек.

С перевала Шахристан дорога скатилась в зеленую, обсаженную деревьями грецкого ореха, абрикосовыми и персиковыми, Зеравшанскую долину. От кишлака Матча дорога вновь пошла в гору, к последней преграде на нашем пути - перевалу Анзоб. Анзоб достаточно высок, - за три тысячи метров. На перевале лежал снег, движение еще было закрыто. Дело в том, что осенью перевал закрывается для движения, зиму стоит в снегах, и только в конце мая первые грузовики пересекают Гиссарский хребет в этом месте.

Когда мы подъехали, оказалось, что еще движение не открыто. Но никого не было, кто бы мог запретить это движение. Иосиф взял лопату и ушел вперед. Расчищать пришлось немного и в немногих местах. Лишь кое-где откатил в сторону огромные глыбы спекшегося уже на солнце снега.

Мы проехали. Проехали последний перевал. Проехали Душанбе. Очень хотелось приехать в отряд к ужину, да не было суждено. Стужались сумерки, слипались глаза после тяжелого дня. Я увел машину на обочину.

Мы стали на вершине хребтика, разделявшего долины Душанбе и Нурека. Вокруг расстилались такие же, маленькие, бесснежные, хребты. Невысокие, всего каких-то полторы тысячи метров.

Сам Нурек расположен в достаточно глубокой котловине, всего в пятистах метрах над уровнем моря. Проснувшись поутру, мы все это разом и увидели, - Маленький Памир, серпантинные дорог, ведущих в разные стороны, Нурек далеко внизу.

Первого июня, после торжественного открытия лагеря в Сай-Пихо, расположившемся в живописном ущелье, бойцы на грузовиках впервые отбыли к месту работы, за три километра, к нурекскому камню.

Почему лагерь в трех километрах? Но вокруг камня это было ближайшее место, пригодное для отдыха. Ведь днем жара стояла ужасающая, днем надо было залезать в густую тень, иначе за два часа на солнышке можно было превратиться в котлету.

Так и был устроен распорядок дня. Днем не работали, пережидали жару в благословенном Сай-Пихо. С полдня, а то и с одиннадцати утра, - отлеживались в живоносной тени. Работа была - сверхтяжелая. Жара отнимала силы, трепала нервы.

Маркелов ругался с Иосифом.

В Сай-Пихо все постройки предназначались отнюдь не нам. Но Божуков сумел выбить для нашего проживания несколько уже построенных, но еще не заселенных дач для начальства. Нам жилось там, конечно, очень неплохо. Но это начальство решило еще занять на нашем горбу бассейн для собственного впоследствии купания. Нам поручили его сложить. Божуков бросил на это дело Иосифа, поскольку понимал, что только он справится с такой задачей, что вообще гордым альпинистам не в дугу будет вместо скальной работы для каких-то жирных туш бассейн выкладывать.

А Маркелов начал вопить, что вот, мол, он на жаре не хочет работать, что здесь в тенишке ошивается, еврей хитрый. Иосиф, забыв на миг о своей флегматичности, отвечал возмущенно, что он не еврей, а чех.

А я, как комиссар, говорил с одним, говорил с другим, мирил обоих. В конце концов Иосиф закончил бассейн, присоединился ко всем остальным, примирение состоялось.

Все же не комиссарством я занимался в Нуреке. Каждый день для меня начинался одинаково. В шесть утра я уже сидел за рулем, вылезал из-за баранки в двенадцать вечера. Ездить надо было много. Везти документы, сметы, искать в Душанбе больших начальников по всем их резиденциям. Составляя смету, надо было выбивать из начальства как можно больше денег на зарплату бойцам. Каждый день, не по одному разу, я гонял в Душанбе. Машина потихоньку разбивалась. Каждый раз, когда я возвращался, Нина Божукова набивала машину ящиками с фруктами и зеленью. Ящики дырявили багажник, но я не обращал на это внимания. Как и все в нашем отряде, я смотрел уже на собственный "Москвич", как на казенный.

Я бы сам, конечно, никогда не справился со всей этой бухгалтерией. Но, на счастье, в отряде нашелся человек, который спас стройку, спас наши зарплаты. Саня Пиратинский,

альпинист, тренер свердловских скалолазов, включен был в отряд как обычный боец. Но оказался способнейшим финансистом. Он вовремя вмешался в составление смет, сумел увеличить полагавшиеся нам суммы в два раза.

Теперь мы мотались вдвоем. По бухгалтерам, расчетникам, в финансовый отдел, опять же - в Душанбе. Саня имел права, лихо водил мою машину с ручным управлением. Но, в отличие от меня, он, как мужик хозяйственный, не мог ни на какую вещь смотреть как на казенную. Слушая скрежет сцепления и рулевых тяг, не оставался равнодушным. Ездил в мастерские, ремонтировал, пока я отдыхал, обедал, или после работы. Вновь работало сцепление - и мы неслись в Душанбе по горным дорогам с жуткой скоростью. Только стекла приходилось поднимать, закрывать, - иначе могло сильно обжечь струей раскаленного воздуха.

Фактически, начиная с некоторого момента, Пиратинский взял на себя труднейшие обязанности прораба. Должность эта изначально не была предусмотрена, пришлось добиться у руководства стройкой, чтобы Саню официально назначили. Саня изучил все проекты и чертежи крепежа, разработанные геологами и строителями. И он фактически спас всю работу отряда.

Оказалось, проектов крепежа было два. По первому предполагалось бурить глубокие отверстия - шпурсы по диагоналям, на пятнадцать - двадцать метров углубляясь в скалу. И на анкерах, в них вставленных, должен был держаться камень.

По второму проекту по краям, сверху и снизу скалы, бурились сто анкерных точек, в каждой четыре дыры - шпура глубиной в два метра, куда на цемент сажались железные прутья - анкеры. К ним мы должны были приварить две пластины, в них вставлялся валик - коуш, на котором с одной стороны закреплялся трос. Зажимковывался по-строительному. А другой конец троса натягивался струбциной.

На камне осуществлялся второй проект.

Все железо в Нурек доставлялось вертолетом. И вот этот вертолет исправно привозил нам прямо к камню все это железо. И только Саня Пиратинский смог вовремя сообразить, что работаем мы - по первому проекту, а железо нам возят - по второму!

Врагом номер один на камне была жара. Было необычайно жарко даже для Нурека. О железо обжигались руки до волдырей. В пять вечера вода на камне кипела. За смену ребята выпивали по полведра. Воду надо было носить снизу, каждая ходка - два часа. На долю каждого приходилось в день по две смены.

Не знаю, прав ли я, описывая подробности жизни моих друзей. Это ведь не из спинальной жизни, описанию которой и посвящена эта книга. Но я там был. Работал, помогал - чем мог. Интересы отряда - были моими интересами, моей спинальной действительностью.

Враг номер два - сварочные работы. Их оказалось море. А сварщик - один, Генрих Волюнец, настоящий сварщик. Еще в войну юношей варил танки на родном Уралмаше.

Сильный альпинист, чемпион Союза, - он был самым старшим в отряде по возрасту. Ему было сорок семь лет. Но Генрих поблажек не просил. Наоборот, увидев, что не успевает приварить пластины в срок, Генрих переселился на камень, поставил на скале палаточку, варил и варил по восемнадцать часов в сутки.

Ребята высухали на глазах. Загорели до черноты. Возникли сомнения - при такой работе останутся ли силы еще и на участие в первенстве альпинистском.

Бойцы потребовали собраться на обсуждение наших дел. Божуков открыл собрание. Командирским тоном объяснил то, что и так было ясно. Взятые обязательства надо выполнять. После говорил я. Я извинялся за Валентина, просил ребят простить ему ругань.

- Никто не может заставить ни одного из вас работать и дальше в этих ужасных условиях. Каждый из вас заключил со стройкой месяц назад договор, каждый может сейчас его расторгнуть. Имеет моральное право. На камне нет необходимого железа, нет анкеров, струбцин, тросов, их не успели сделать и завезти. И завтра их не завезут. В работе - простой. Решайте сами. Ждать три-четыре дня железо и продолжать работу до конца.

Или уезжать в горы. Или возвращаться домой, что вернее, потому что горы без вертолетов Нурекстроя отпадают. Встал Олег Космачев:

- У меня в левом кармане лежит красный билет. Если я коммунист, то я должен быть в первую очередь честным. Честным и в своих обязательствах. Я обязался подвесить камень в сетку тросов - и я не уйду со скалы, пока не dokonчу работы.

Единогласно проголосовали - работу закончить.

Через десять дней работа была завершена. Генрих, почти совсем без сна, приварил все пластины к анкерам, все троса к пластинам, во всех анкерных точках. Троса натянули струбцинами до звона, троса зажимковали, все смазали толстым слоем пушечного сала.

В последний день вертолет привез из Душанбе не менее ценный и ответственный груз, чем все наше железо, - правительственную комиссию. Геологи шарили по трещине, вымеряли - не увеличилась ли? По отвесу никто из членов комиссии лазать не мог, их на просмотр поднимали на вертолете. Особенно рвалась бухгалтер стройки. Сколько она до этого нам всем крови перепортила, теперь ей очень хотелось посмотреть - за что же выписывала она по пятнадцати рублей на брата денег за каждый рабочий день на скале. Ей все до этого казалось, что не может такого быть, что слишком уж велика требуемая сумма. После этого полета просила извинения:

- Знала бы - по тридцатке платила!

Комиссия дала гарантию - сто лет.

Отдыха не намечалось. Команды разъехались по разным горным районам. Команда Божукова-Шрамко отправилась вертолетом к подножию Ягноба. Стена Ягноба - отвесная, более чем километровая, а находилась совсем близко от цивилизации. Умел Божуков отыскивать сложные новые маршруты "за поясом". В ста километрах от Душанбе, в прекрасном ущелье. Рядом - поселок Ягноб. Ягнобцы - особая этническая группа, непохожая ни на таджиков, ни на тюрков. Ягнобцев отличали голубые глаза и рыжие кудри. Их жены были стройны, высоки, красивы, не прятали лица под чадрой. У ягнобцев и язык отличался от таджикского, рядом жившие таджики его не понимали.

Высота Ягноба невелика, всего 4600 метров. Но стена не просто отвесна, - она нависает множеством карнизов, балконов, натечным льдом в верхней башне.

Я тоже прилетел к подножию стены вместе со всеми. В вертолете сидел в своей домашней коляске, притиснутой в проход.

Из вертолета нас вместе с коляской сгрузили на чудесную изумрудную поляну. Пахло диким луком, чабрецом. Даже после Сай-Пихо - это место ощущалось раем.

"Москвич" мой остался в Нуреке. Саня Пиратинский наконец-то имел возможность привести его в полный порядок. Тем более, что ему предстояло пройти горными дорогами прямо в сердце Высокого Памира, в столицу гор - Хорог.

Я катался под стеной с биноклем, выбирал наиболее удобные для наблюдения за движением команды точки. Я видел сцены - фантастические. Когда, например, Гена Шрамко зависал на кончиках пальцев одной руки, ногу закидывал выше головы, проходил таким образом сложный участок. Гена, капитан команды, шел впереди. За ним шел Валентин, страхуя через часто забитые крючья. За ним - Миша Петров, ленинградец. Еще в команду был включен Слава Ванин, молодой, но цепкий и сильный, мастер спорта. Последними висели на веревках чемпионы Союза питерцы Гена Гаврилов и Витя Маркелов. Маркелов в группе был сильнейшим, мог бы прокладывать путь впереди, но сказал что-то поперек Гене Шрамко, и капитан отправил его в хвост, выбивать крючья.

Шрамко перечить было невозможно. Это был редкий в те времена в альпинизме профессионал. Таджикская федерация альпинизма регулярно "раздевала" его за сильные восхождения. К моменту начала восхождения на Ягноб Гена имел официально смехотворный второй разряд. Но это его не волновало. Он был профессионалом, работавшим на Нурекстрое начальником скалолазного участка. Главной его работой было - установка металлических сеток для защиты от падающих с высоты камней. Работа - опасная, скалолазы надевали защитные каски.

На такой работе Шрамко презирал официальный альпинизм. После очередной дисквалификации взял раскладушку и ушел в одиночку на пятерочную стену. Так всю и прошел - с раскладушкой.

Витя разбирался в ситуации лучше, но не возражал, выбивал крючья и отсылал первому.

Через шесть дней стена была пройдена. Команда вышла на пологую вершину. Шел дождь, но он не был уже страшен. Чуть на ту сторону под вершиной мирно паслось стадо овец. Пастух угостил ребят брынзой и лепешками. Победители Стены Ягноба быстро скатились по травяной тропе в наш базовый лагерь.

За это восхождение им было присвоено звание чемпионов страны в классе технических, стенных восхождений.

Но сезон не кончился.

Мы вернулись в Нурек. Божуков, Шрамко и Ванин собирались на новое восхождение. Пополнив команду свежими силами (если можно так сказать о только недавно закончивших работы по крепежке камня) - Юрой Акопджаняном и другими ребятами, отправились под новую стену. Стену пика Маркса. И откуда только брали силы? После тяжелой работы, после Ягноба, - сделали и эту стену, прошли траверсом, высотным траверсом, выше шести тысяч метров. Завоевали еще одну золотую медаль первенства - в разряде высотных траверсов. Такого еще никому не удавалось в истории советского альпинизма.

В Нуреке меня ждал родной темно-зеленый "Москвич". Пиратинский времени не терял. Перебрал все узлы, подготовил машину к дальней дороге. Я снова сел за руль. Только теперь рядом был не Иосиф. Иосиф уехал домой. Саня часто сменял меня за рулем на протяжении этих километров до Хорога. Мы почти не останавливались в пути.

Трасса, воспетая Юрием Визбором... Трасса, о которой в те годы писали в газетах: "...как там вообще можно ездить, тонкая лента серпантина, обрывы, пропасти, две машины не разъедутся. Вот скала, на ней надпись "Сергей Лыков проехал прямо"...". Это значит, не успел свернуть, ушел в пропасть.

Зато я наконец увидел весь Памир, а не только его верхушки. Ведь как альпинисты? Грузятся на вертолет и летят в базовый лагерь, на высоту четырех тысяч. А огромное памирское пространство, реки, сырты, стада? С борта вертолета всего не рассмотришь, даже масштабы, размеры оценишь - искаженно.

В конце концов, мы прибыли в Хорог. Машину оставили, пересели опять на винтокрылую машину. После огромного перерыва я опять был в своих любимых горах. Высоких горах. Наверное, я и любить их начинал - только тогда. Когда опять парил над ними, над ледниками, над снежными пиками. -

Базовый лагерь на 3.800. Полянка, травка, - но ночью морозно. Вокруг стояли горы, снег, лед и камень, соединившиеся давно, на заре Земли, неразлучные.

Но лето - заканчивалось. Закончились восхождения, Божуков был доволен, - еще бы, успеть столько за сезон наворотить!

Мы с Пиратинским засели за атласы. Надо было возвращаться в Москву. И буровить пески - не очень хотелось, тем более что машина моя дышала после дороги туда-обратно до Хорога на ладан.

Решили ехать сначала на восток, в Алма-Ату, потом повернуть на Петропавловск-Казахстанский, дойти до Иртыша, чтобы вдоль него добраться до Омска. А там уже - до Свердловска, родины Сани Пиратинского.

До Петропавловска все шло гладко. И до Омска шла степь.

- Где здесь ездят?

- А везде. Где проедут - там и едут. Кто этим берегом Иртыша, кто паромом переправляется на другой, там свое счастье ищет.

- А дорога-то?

- А нет дороги. Накатать - так вязнуть будут в колею по весне, еще хуже история.

Не обошлось без традиционной ямы, откуда извлекли нас трактором. Добрались до Омска. На окраине города солидный дядечка подсказал нам, указал поворот на только недавно открытую новую дорогу на Свердловск. Асфальт, говорит, недавно проложили, ездят - не хочу.

В городе Омске мы как следует отоспались, подкрепились. Двинули в путь. Мчали по обещанному дядькой чудесному асфальту, распрощавшись в душе с Омском.

Дорога - загляденье, в шесть рядов, знаки иногда даже встречаются, обсажена молоденькими деревцами.

Так пролетели семьдесят километров. Я даже как-то не заметил, как все это счастье кончилось. С холма мы нырнули в крутой спуск, пролетели километра четыре, по глине уже, не по асфальту. Дороги дальше не было. Как всегда, оказалось, будет через несколько лет.

Мужик местный на лошади показался:

- Эх, милые, куды ж вы забрались, нет тут никакой дороги. Я вот на лошади еду, - вот и вся дорога.

Надо было возвращаться. Четыре километра да по мокрой глине. Как теперь выкарабкиваться? Саня собирал всякие ветки, палки, доски, подкладывал под колеса. Метр за метром мы одолевали подъем. Несколько часов.

Вернулись в Омск. Наученные горьким опытом, вырулили на проверенный веками екатерининский тракт. Безо всякого асфальта полторы тысячи километров. Зато - ехали, зато - машины встречные попадались. Не одни мы, значит, так ездим, все так ездят.

Впереди нас ждал Свердловск, - Пиратинский уже загодя расписывал, как встретит нас его родина в жаркие объятия. От Тюмени, подстегиваемые жаждой очутиться наконец в этих объятиях, летели стрелой, от Тюмени начинался асфальт.

Конечно, никакая машина не выдержала бы такого путешествия. Мы благословляли в душе комсомольцев города Душанбе. После возвращения из Хорога машина была словно заново сделана. Иначе - никакой Пиратинский бы не помог, она годилась только на то, чтобы до ближайшей свалки дотащить и бросить. Но нурекские связи сделали свое дело. Машина, как Феникс из пепла, была возрождена к жизни руками комсомольцев Таджикистана.

Заканчивалась наша одиссея.

Горел впереди огнями Свердловск. Европа, - по нашим представлениям, после целого лета Азии. Саня настолько уже приучил меня к тому, что его город - это рай небесный, что я потерял всякую осторожность. После долгой дороги мы вывалились из машины во дворе Саниного дома, он отнес меня в квартиру, положил на чистую белую крахмальную простыню. То, что я забыл на ночь снять и спрятать дворники с лобового стекла, мы узнали только утром. Когда их не обнаружили.

- Да, Пиратинский! Вот так меня твой город встречает.

От Свердловска, в общем-то, ехать тоже было не ахти. Но ничего не запомнилось, не отложилось в памяти. По сравнению со всем, что пришлось пережить в песках и горах. Разве что несколько мелких штрихов. Паром через Волгу - очень долго ждали. Казань. В Казани дядюшка Пиратинского - ученый, жил у самого кремля - поил нас чаем.

Нет, одно все-таки врезалось в память. Начиная с Горького, сплошной стеной пошли дожди, осенние уже дожди, затяжные, занудные. По мокрому асфальту неслись мой "Москвич", и я напряженно всматривался в пелену дождя, в потоки воды по лобовому стеклу.

Потому что дворники мои навсегда остались у какого-то ночного доброхота из райского города Свердловска.

Глава 8. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Возвращение мое в горы было в некотором смысле номинальным. Я жил и работал в базовых лагерях, помогал ребятам, чем мог. Но сам - уже не поднимался по стенам, сам я был лишен возможности покидать пределы поляны лагеря.

Летом 1975 года я вновь был на Памире. На высоте три тысячи метров, на поляне с романтическим названием "Березовая роща". В горах на такой высоте деревья уже почти не растут. С дальних подходов видны только жалко изогнутые, изможденные стволы можжевельника - арчи, темно-зелеными паутинками прячущиеся по расселинам скал. Но "Березовая роща" - место уникальное. Природа уникальна. Поляна, поросшая травой - прямо как в России, береза, ольха - высотой в десять метров, заросли кустарника. Еще с довоенных времен экспедиции, собирающиеся штурмовать высочайшую вершину страны, обустроивали именно здесь свои базовые лагеря. Поэтому поляну пересекали тропинки, я имел возможность ездить на "рычажке" как по асфальту. Мог самостоятельно добраться до своей палатки, поставленной на отшибе, мог поехать на кухню, на склад, мог даже выехать за территорию лагеря. Животный мир поляны и ближайших окрестностей тоже был весьма необычен. Зайцы выскакивали из под ног, мыши-полевки, не стесняясь человеческих глаз, спешили по своим делам.

Экспедиция наша 75 года была весьма многочисленна. Тридцать человек собралось в "Березовой роще". Среди берез и кустарника заиграла на ветерке зелеными полотнищами стен кухня, мирно щипали травку овечки, взятые нами на "живое мясо". Кроме нас, на поляне жили еще грузинские альпинисты. У них были ружья, они охотились. Охотились на зайцев, которыми, казалось, кишели окрестности.

Но, кроме зайцев, забредал к нам еще один гость (или хозяин) "Березовой рощи". Откуда-то сверху спускался в наш лагерь медведь. Мне приходилось рассматривать это животное с достаточно близкого расстояния. Никак он не был похож на рисованного Винни-Пуха, ни даже на взрослых медведей, выступающих в цирке. Это животное было раза в три больше коровы, страшное, с горящими даже при свете дня глазами.

Медведь начал потихоньку подъедать наши продукты. Так как вертолет не мог сесть прямо на полянке нашего лагеря, а только чуть выше, на леднике, то изначально был организован склад на месте посадки вертолета. Оттуда все потихоньку перетаскивалось в "Березовую рощу". Вырубили во льду глубокую нишу, сверху прикрывавшуюся огромным камнем.

Овечек, завезенных на непривычную высоту, было жалко. Из тридцати человек только один - Борис Коршунов - мог их резать. Остальные боялись, ну да что взять с интеллигенции. А Борис умел и резать, и свежевать, и шкуры выделывать, высушивать.

Вот с этих шкур все и началось.

Шкуры начали пропадать. Стало ясно, что их кто-то ворует. Но кто? Потом и следы обнаружили, каловые следы, выбросы на полпуда каждый. Такие мог оставлять только он, дикий хозяин горной страны.

Потом он разворовал наш склад на леднике. Отвалил гигантский камень, съел все масло - килограммов двадцать - и весь сыр.

В составе нашей экспедиции было два офицера. Врач-полковник Римма Сулоева и ее подруга, работник детской комнаты милиции, майор Валентина. Валя была нашей штатной поварихой. После тридцати человек остается много всяких пищевых остатков, огромная миска после каждой еды выставлялась недалеко от лагеря. Медведя пытались задобрить. Но добра он не понимал. Миска обнаруживалась чисто вылизанной, а медведь неблагодарно продолжал искать - что бы разорить, чем бы поживиться. Но шумный многолюдный лагерь отпугивал до поры до времени бурого отшельника.

Произошла трагедия, погиб Лев Романенко. Все ушли на спасработы, на поиски. В лагере оставались всего пятеро. Грузины оставили мне двустволку, четыре жакана к ней. Два я сразу же загнал в стволы, другие два - положил в карман. И - на краю рощи, где начиналась подъемная тропа, устроился в засаду. Притаился у тропы, по которой приходил медведь, в своей "рычажке" прямо. Ружье пристроил поудобней. В детстве, еще когда

учился в техникуме, я стрелял из "трехлинейки", из мелкашки, из пулемета даже, - а вот из обыкновенного охотничьего ружья ни разу еще не приходилось в жизни.

И вот сижу и сам себе удивляюсь - что же это я затеял? Ведь охота на медведя - сложнейшее дело, только опытнейший охотник решится на такое. А куда мне, да еще на коляске? Однако стараюсь панику в себе подавить, а наоборот внушаю: "Вот как медведь появится, о, пусть только появится! Он пойдет прямо на меня, разевая пасть. Так я в эту пасть прямо и всажу оба жакана". И вот так раздумывая, раззадоривая себя, я вдруг случайно взвел один курок. Что же делать, думаю, ведь как его обратно спустить - не знаю. В этот момент на свое несчастье на тропе появился зайчик. Уселся и сидит, меня рассматривает. А во мне уже разыгрался охотничий азарт, да и курок взведенный надо было как-то устранить. Прицелился и выстрелил. Жакан разорвал бедного зайчика на несколько частей. Зато я очень приободрился, про себя отметив, - прекрасно бьет оружие.

Я дозарядил двустволку и продолжал ждать. Но медведь чует человека, медведь в тот вечер обошел меня стороной, пришел другой дорогой, сожрал опять что-то и спокойно удалился.

Спустились сверху грузины, они закончили все свои дела и уходили вниз. Естественно, и ружье свое забрали.

Мы остались безоружными. Две женщины - офицеры, четырнадцатилетний Андрей, сын Риммы, я да радист Петя, нанятый нами в Душанбе.

Нам сообщили сверху по рации о трагедии. Настроение было подавленным. Вечерело. Вечер наступал - желтый. Бывают в горах такие вечера - все залито желтым, каким-то ирреальным светом. По мере того, как сумерки сгущаются, - желтый цвет густеет, превращается в желтый туман, которым все и заволакивает. На Памире нет ничего более красивого, чем закаты. Ни картины Рериха, ни убогие наши рассказы не могут передать всю последовательную смену картин, сплетающихся из невероятных красок. Внизу уже все темно, а сверху сверкают на солнце вершины, потом розовеют, блекнут и погружаются в багровые сумерки.

В тот вечер все было по-другому. Желтый свет обволакивал мир. И из этого желтого тумана сыпал мелкий дождик со снегом.

Мы ждали прихода медведя. Петя наш - большой и сильный - не мог в тот вечер и руки поднять. Тяжело заболел, после вечерней связи уполз в палатку. Валентина разожгла костер, мы сидели при бьющемся на ветру свете пламени. Андрей тоже спал. Десять часов вечера - по горным меркам глубокая ночь.

Вот в это время медведь и подошел к нашему костру. В десяти метрах стоял и смотрел на нас, только пламя играло в красноватых зрачках. Страшно! Мы отгоняли его головешками, - он ненадолго отходил, кружил по поляне, потом вновь подбирался к огню. Он знал, что у нас погиб человек, что все ушли на спасработы. Он все уже знал! Продуктов было еще достаточно. Медведь готовился к нападению.

Покружив в очередной раз по поляне, медведь не вернулся к костру. Исчез на время из лагеря.

Валентина разбудила Андрея: "Пошли работать!".

Мы придумали разобрать продукты. Которые медведю неинтересны - оставить на складе. Мешки с крупами, банки с тушенкой. Медведь брал только сгущенку и рыбные. Все это снести в большую армейскую палатку, служившую нам кухней. В запасах экспедиции имелись длинные свечи, можно такую целую ночь жечь. Такая свеча, если ее зажечь в середине кухонной палатки, будет всю ночь своим светом отпугивать зверя.

Еще оставалась у нас последняя овца. Ее мы привязали у входа в кухню. Как сторожа. Медведь - он трусоват в душе, побоится перешагнуть через живое существо. Так впоследствии и произошло. Ближайшие следы его проходили в двух метрах от бедной овцы. Если бы она заблеяла - медведь решился бы, растерзал бы ее и вошел в палатку. Но инстинкт подсказывал бедной овечке молчать. Медведь в палатку так и не вошел.

Наконец, закончив все приготовления, мы завалились спать. В свою палатку, стоявшую на отшибе, я поехал с топором. Залез в спальник. То и дело невдалеке появлялись и исчезали два красных огонька, - медведь уже рыскал поблизости.

Сколько удалось проспать - не знаю, примерно через час-полтора страшный грохот раздался из лагеря. Ну, все, - подумал я, - медведь лагерь разносит. Решил дожидаться утра.

Утром я подъехал к нашим палаткам. В кухонную медведь так и не вошел. Зато полез в продуктовую. Опрокинул шест, на котором держалась вся конструкция. Палатка обрушилась на него. Медведь перепугался, начал барахтаться в опутавшем его полотне. Рвал палатку на части. Последствия были подобны взрыву фугасной бомбы. Все было раскидано вокруг в радиусе двадцати метров. Банки, мука, все вперемешку с сухарями.

Чтобы уходить не совсем уж с пустыми руками, то есть лапами, мишка захватил с собой мешок с мукой. Мешок оказался дырявый - по тонкому мучному следу можно было вычислить его тайное логово. Но пройти до самого логова Петя не смог. Мука кончилась, не доходя до берлоги, пустой мешок был брошен на скалах.

Петя после такой ночи более-менее очухался. Навели порядок. После этого Петя возжаждал действий.

Он был двухметрового роста, наполовину армянин, на другую - украинец. Жуткий хулиган, о чем любил рассказывать. Нас эти рассказы не очень-то волновали, но Валентина переживала за юного Андрея. Да что там - переживала! У них целая война шла за него. Валя пыталась воспитать парня в духе Советской власти, а Петя его учил кидать камни - на точность и на дальность, делать томагавки, ругаться матом изощренно. Конечно, в борьбе этой победа была на стороне Пети.

И вот, вернувшись после попытки найти медвежье логово, Петя мне и говорит:

- Начальник, не волнуйся, хоть я медведя и не нашел, но я на него гранату поставил.

А у Пети действительно была лимонка, болталась у него на груди вместо медальона. Петя был такой большой, что по размеру она ровно как медальон и подходила. Грузины, пока еще не ушли вниз, пытались выторговать у Пети ее, предлагали чуть ли не полторы тысячи, но Петя не отдал. Сказал - подарок друга, не продается. Мы все уверены были в том, что все это бутафория.

- Петя, а как ты ее поставил?

- Как и положено, проволоку натянул поперек тропы, за чеку подобрал. Медведь пойдет, проволоку заденет, чеку вырвет и - будьте любезны! Жаль только, шкура сильно попортится.

- Петя, но там, где ты поставил - рядом еще одна тропа проходит, по ней туристы каждый день мимо бегают.

- Ой, да, я про это не подумал.

- Ведь вот будет идти группа, а на проволоку при этом сядет птичка, граната рванет, убьет кого-нибудь. Так что иди снимай!

- Ой, начальник, не пойду. Ведь пока я к ней буду подходить - тоже может сесть птичка, и от меня ничего не останется.

- Петя, делать нечего, иди снимай!

Петя пошел и снял. Он все же был настоящим мужчиной. Потом мы втроем пошли на берег горной реки, заваленый камнями. Андрей и Петя подталкивали мою коляску в труднопроходимых местах. Найдя высокий гребешок больших речных валунов, мы остановились. Петя выдернул чеку, забросил свое богатство за этот гребешок, чтобы осколками нас не достало. Взрыв, гремело эхо, камни брызгами рассыпались на той стороне гребешка.

Потом спустились ребята, спустили тело нашего товарища. Медведь был рядом, медведь не мог успокоиться никак, он жаждал реванша за пережитый той ночью страх. Продолжал подворовывать.

Поставил точку во всей этой истории все тот же Петя.

- Мы,- говорит,- когда детьми еще были, делали бутылки с зажигательной смесью. Как в кино. Это очень просто. Бензин в бутылку заливаешь, тряпкой затыкаешь, поджигаешь. И соседке во двор кидаешь. И все белье у нее полыхает.

Петя взял две бутылки, бензин у нас был в избытке, обмотал тряпочками. И когда в очередной раз в ночи засверкали два красных глаза - ушел в ночь, растворился в темноте. Не знаю уж, как они там общались с медведем, но через десять минут Петя вынырнул из темноты, довольный, с пятнами сажи на щеках, а медведь больше не появлялся. Петя сумел его здорово напугать, так что больше у нас ничего не пропадало.

* * *

Так что возвращение мое в горы было пока что номинальным. Конечно, я жил в горах, я дышал горами, голос мой звучал в горах, и горное эхо повторяло за мной каждое слово. Жизнь в горах, работа экспедиции не дает времени отвлечься от конкретных посильных дел, от твоего посильного участия. И некогда думать о том, что кто-то более сильный лезет по стене, а ты - только варишь суп в базовом лагере. Вы оба работаете на экспедицию, на команду. Просто каждый - соразмерно своим возможностям.

Гору делает - экспедиция, стену делает - команда.

Но я где-то в глубине, в душе, все же переживал из-за своей малоподвижности. Я жил - мечтой.

Если нельзя идти ногами, то остается или лететь, или ползти. С "лететь" отдельная история, остается ...

Ползти по камням - невозможно, ползти можно только по достаточно гладким склонам.

По снежно-ледовым склонам.

Самые высокие вершины в мечтах становились доступными.

Но год за годом - что-то сдерживало. Находились другие дела, я тренировался на "рычажке", гонял марафоны, в общем, было на что силы потратить.

Но в конце восьмидесятых возможность долгое время проводить "в седле" была мною потеряна. Я не мог уже проводить на коляске долгие часы во время дальних переходов. Началось все с жесточайшей флегмоны, которая надолго уложила меня в больничную койку. Потом сюжет закручивался, развивался. Я кочевал по больницам, Надя - за мной, по ходу придумывая все новые и новые попытки меня вытащить.

"Рычажку" пришлось оставить. Гонять как раньше - я уже не мог. Надо было придумывать новое занятие "для души и рук".

В конце марта 1990 года небольшой группой мы выехали на Эльбрус. Мы - это я, Валя Божуков, Женя Захаров и два оператора из Останкино, Паша Рекут и Кирилл Лыско.

Операторы в моей жизни появились достаточно неожиданно. Божуков давно уже привлекал профессионалов в свои экспедиции для съемок полетов на парапланах. И вот в восемьдесят девятом году на Памире, под пиком Ленина, Паша Цветков заодно заснял и меня.

Я в то время очень не любил, когда меня, мой опыт, пропагандировали "в массах". Как собака кидался, когда пытались подобраться с интервью или статью тиснуть. Наученный горьким опытом общения со всей этой братией, я боялся, что, как всегда, все перевернут, а то, что передадут верно, будет расценено этими массами как пижонство, стремление выпендриться.

Но ребята были - моими друзьями, фильм об одних парапланах не получался, а Паше надо было делать дипломную работу. Инвалиды - тема становилась модной.

Когда-то сестре одного моего друга необходимо было впервые опубликоваться. Пришлось помочь ей, статья в "Огоньке" вышла. Чего не сделаешь для друзей?

Фильм был сделан. Паша работал и как режиссер, и как оператор, в съемках помогал ему Кирилл.

Я разъезжал на своей "рычажке" по Ачик-ташу, меня носили друзья на руках, все время при этом ребята задавали какие-то вопросы, я отвечал.

Экспедиция закончилась, мы вернулись в Москву, я успешно забыл обо всем об этом. И вдруг звонит Паша, приглашает на просмотр своего фильма. Поехали на телестудию. Просмотр был предварительный, только для своих. Я заранее настроился на брюзжание и недовольство.

Паша оказался очень талантливым режиссером. И музыку подобрал изумительно точно, фрагментами произведений Альфреда Шнитке. И мне фильм понравился. Смотрелся, несмотря на всю свою документальность, - абсолютно художественно. Я там был - не Адик Белопухов. Я - тот, что перемещался по экрану, - был совсем не я, а актер, играющий инвалида. А за кадром шел не вполне связный рассказ о том, какой счастливый человек этот, хоть и скрючен, и замучен. Ну, если и не счастливый, то уж по крайней мере довольный тем, что жизнь его была расколота травмой.

Паша защитил диплом. Защитил блестяще, ему аплодировали.

А буквально через несколько дней он погиб. Был убит хулиганами в пригородной электричке.

На ЦТ фильм вызвал бурю восторгов. Хотели делать продолжение. Вторую, третью серию.

Я отказывался. Говорил, что "Вершина" - законченное произведение, которое уже не продолжишь. Говорил, что без Паши ничего вообще не получится. А мне отвечали, - ты ничего не понимаешь в документальном кино, а режиссеров у нас полно.

Пришлось опять соглашаться. Но мое согласие таило в себе некий подвох. Мы ехали в марте, когда на Эльбрусе еще бушуют метели, когда зима еще держит горы в своих цепких объятиях. Хотят снимать, - думал я, - пусть попробуют в зимних, "боевых" условиях.

Выезд этот имел чисто тренировочный характер. Надо было отработать - как лучше ползти, как выбирать маршрут чтобы крутизна была оптимальной, сколько метров, веревок я проползаю за час, как осуществлять крепежку веревки и многое, многое другое.

До Нальчика дымили поездом. Так лучше, чем связываться с "Аэрофлотом". Вечная толчея в аэропортах, суматоха при посадке, при погрузке и выгрузке. А главное, на поезде смена обстановки происходит постепенно. Отдыхаешь день-полтора, чай пьешь, в окошко смотришь. Там леса сменяются степями, потом всколыхнутся дали, из туманных высей соткнутся снежные исполины, сначала далеко-далеко, за горизонтом, потом сдвинутся, затеснятся ущельями вокруг. Некий элемент акклиматизации - в том, что едешь на поезде.

Из Нальчика левым автобусом добирались до Терскола, до базы Московского университета. Сначала - в гости к нашему хорошему знакомому, Нурису Урумбаеву, известному гляциологу, всю жизнь занимавшемуся изучением ледников, лавин, спасшему благодаря своим знаниям множество человеческих жизней.

На краю знаменитого баксанского леса стоят островерхие финские домики. Это и есть база МГУ. Оттуда начинается канатная дорога, поднимающая горнолыжников и альпинистов на станцию "Мир". А еще выше, куда не всегда, но ходит небольшой кресельник, находится база "Гара-Баши", в народе именуемая "бочками". Там действительно живут в больших бочках, специально оборудованных внутри, стальными тросами прикрепленных к скале.

Отопление - электрическими тэнами, из-за недостаточного напряжения в сети греющимися еле-еле. С вечера оставленный чай к утру благополучно промерзал до дна кружки.

Но мы ведь для того сюда и ехали. Чтобы помучиться, приучиться к жизни суровой. Да и суровость такого житья - только в первый день-два, а потом организм сам вспоминает старые привычки, все снаряжение - с собой, так что уют спального мешка скоро уже мнится домашним.

Каждый день я тренировался. Ползал по несколько часов. Но все остальное время приходилось проводить в бочке, при температуре около нуля. В мешок спальный я принципиально залезал только на ночь. Хотя очень хотелось все время, проводимое в бочке, сидеть в тепле. Заставлял себя, устраивал организму холодовую тренировку.

Ползание мое начиналось так. Женька Захаров вышел вперед и закрепил первую веревку. Снизу ее должен был держать внатяг Божуков, но он как всегда куда-то улетел на парашуте. Поэтому держала его дочь Ирина, приехавшая сюда покататься на лыжах и отдохнуть, но вместо отдыха проработавшая с нами все время.

И я пополз. Двигаю вверх по веревке жумар. Подтягиваюсь. Двигаю жумар.

Подтягиваюсь. Ура, получается!

А про себя думаю, прикидываю: одно подтягивание - тридцать сантиметров, в лучшем случае сорок. Значит, три подтягивания - метр.

Три подтягивания метр, в час - шестьсот подтягиваний. Нормально, получается некий режим. По несколько часов подряд мы сравнивали скорость прохождения участков с различной крутизной.

Состояние фирна было изумительное. Комбинезон прекрасно скользил, на преодоление силы трения, казалось, силы не расходуются.

Почему комбинезон?

Первейшим вопросом при подготовке к моему первому "поползновению" - был вопрос одежды. Если ползти - то в чем? Одежда должна быть теплой, но и не стеснять движения, как можно меньше промокать, как можно лучше скользить.

Я придумал комбинезон. Продумал - все до мелочей. Внутри - бараний мех, снаружи - тонкий авизент, в особо важных местах продублированный вставками из пенополиуретана. Комбинезон сплошной, с подшитыми кожей "носками", с вшитой системой страховки.

Все сделал сам, на своей швейной машине "Подольск". По-другому нельзя. Конечно, фирменные вещи хороши, в последнее время на Западе чего только не напридумывали из альпинистской амуниции. Но чтобы ползти на Эльбрус - ничего из этого не годилось. Годилось только то, что сам высчитал, выдумал, сшил, чтобы каждый шовчик был не просто проверен тобой, но был бы - твой, который и проверять не надо, в котором ты уверен на все сто.

Пух греет ходячих, пух, если его примять, греть не будет. Только мех животных греет и в придавленном состоянии.

Еще если капюшон надеть - так и запросто можно лежать на снегу в любую погоду. Сам сшил - сам знак качества присуждал на склонах мартовского Эльбруса.

Операторы снимали мои вылазки на пленку. Погода не просто позволяла, погода была благосклонна к нашей маленькой команде.

Но вот через несколько дней Эльбрус наконец решил показать свой нрав. Ветер задул настолько сильный, что шутя сбивал взрослого здорового человека с ног. Мог запросто и унести, и сбросить со склона. Забившись в бочку, задраив все люки, мы обсуждали свои дела. Расчеты просты: при хорошем фирне можно за час делать двести пятьдесят метров. Если ползти по восемь часов в день, то получается, что за шесть дней можно достигнуть вершины. Вершины!

Но если ползти летом - это значит, что днем будет очень много воды, а ночью вся она будет замерзать, превращаться в неровный, неудобный лед. Летом гладкого фирна - не найдешь.

Поехали специально в марте, я хотел заодно выяснить, какая погода стоит в это время в Приэльбрусье. Ведь лето - вроде бы не подходит. В мае - сплошные ветродуи, хотя и тепло. В мае очень многие штурмуют Эльбрус, очень многие гибнут. В том самом году за первые майские полторы недели гора забрала двадцать шесть человек.

Солнце, внезапно выныривающее в разрывах облаков, выманивает восходителей на склоны. А потом неожиданно обрушивается непогода, пурга, видимости - никакой. Восходители либо замерзают, либо теряют ориентацию, уходят на спуске не туда, куда надо. На Эльбрусе это просто. Снежные пространства настолько огромны и необозримы, а правильная дорога - такая тоненькая ниточка, выющаяся между жизнью и смертью вдоль скал Пастухова. Налево пойдешь - может, когда-нибудь и дойдешь до Ирикчата, направо - в ледопаде останешься навсегда. При подъеме по конусообразному склону все время

ориентируешься на вершину, а на спуске каждый шаг в сторону может увести на километры от "Приюта одиннадцати", маяка надежды на эльбрусских склонах. Да еще путь не прямой, с небольшим траверсом, а на спуске ноги сами вниз несут "по линии падения воды".

В результате - оказываешься в ледовых сбросах. Наша поездка позволила сделать главный вывод. Ползти я могу.

И доползти могу. Правда, необходима хорошая погода, движение не должно прерываться отсидками в палатках. То есть, как всегда в моей жизни - требовалась удача.

Решено было, что если за шесть дней вершина не будет достигнута - придется отступить. Дольше организм на высотах выше пяти километров не выдержит без акклиматизации. А ползать туда-сюда, вверх-вниз не представлялось возможным.

В принципе - затея оказалась выполнимой!

Настроение было - превосходным.

На весну 91 года была запланирована следующая поездка на Эльбрус. В конце апреля - в начале мая, когда весна еще не спешит закружить над седой вершиной хороводы вьюг, спокойная зима, как мы надеялись, поможет нам совершить задуманное.

Конечно, можно ползти и зимой. В январе-феврале случаются большие окна хорошей погоды. Но зимние склоны - бутылочный лед. Движение по нему и трудно, и опасно.

Летом состоялась очередная экспедиция на Памир.

Вновь я гонял на коляске по урочищу Ачик-таш, вновь над склонами пика Ленина пестрели и переливались всеми цветами радуги купола парашютов. Наша маленькая научная экспедиция достигла в то лето огромного успеха - впервые удалось сбросить груз на парашюте в беспилотном радиоуправляемом полете с большой степенью точности. Бригада запускает парашют с грузом, с мешком, который мы окрестили Иван Ивановичем, а оператор сидит себе и по радио управляет полетом.

Этим осуществлялась мечта Божукова, воплощаемая в жизнь самим Валентином, его соратниками Юрой Аюпджаняном, Юрами - Коленкиным и Солодковым, радиооператором Саней Федотовым, парашютистом Леной Мартыновым, командой из ГосНИАСа, потратившей много лет на эту работу.

В июле девяностого года парил над урочищем Ачик-таш парашют с Иван Ивановичем, а внизу альпинисты, туристы, спасатели следили за полетом, разинув рот.

Незадолго до этого сошла та ужасная лавина, унесшая сорок с лишним человеческих жизней. Сезон на всем Памире закончился. Все восхождения были прекращены. Все, кто мог, помогали в спасработках, участвовали в поисках погибших.

Погибла почти вся команда Балыбердина из Ленинграда. Мэр города Анатолий Собчак перечислил тридцать тысяч для ведения спасработ.

Погибло несколько израильских альпинистов. Их родные прислали со спасотрядом целую радиолокационную установку, думали с ее помощью хоть что-то найти.

По вечерам не слышны были песни, лагеря погружались в траурную тишину.

Именно тогда полетел Иван Иванович. Он летел медленно, с достоинством, а внизу кричали "Ура!", махали руками. Посадить купол удалось прямо на кромку нашего лагеря.

Идея таких полетов принадлежит Валентину Божукову. Он даже название специальное придумал - "экология нравственности".

На гребне пика Победы лежат непогребенные тела наших товарищей. Спустить их на руках, на себе - невозможно. Слишком сложен маршрут, слишком высоко, за семь километров.

Валентин придумал спустить их на парашюте-роботе. Подцепить к стропам, запустить, посадить у подножия, на ледник Звездочка.

Все его помыслы, все, что он делает в последние годы, все это - направлено на то, чтобы выполнить задуманное.

По ходу дела команда Божукова осваивает новый вид спорта - полеты на парашютах с семитысячников. Ребятам неинтересно уже просто восходить на высочайшие вершины

страны, они стремятся еще и слететь с самого верха. Прошлым летом, в том самом августе 1991-го, Леня Мартынов слетел на параплане с пика Коммунизма, почти с самой высшей его точки. Без всякого сомнения, это - невероятное достижение, достижение мирового класса.

Двадцатого апреля девяносто первого года мы снова были в Приэльбрусье. Теперь, после года подготовки, после зимних тренировок в подмосковных оврагах, мы уже были командой. Командой Белопухова.

Главным забойщиком был и остается Женя Захаров. В свои пятьдесят девять он выигрывает чемпионаты Москвы по лыжным гонкам в разряде ветеранов. В свои пятьдесят девять - он бегаёт лучше многих двадцатилетних. Тех, что идут рядом с ним - Димы Рубцова и Коли Тюрина.

Слава Жиров тоже многоопытный, надежный товарищ. Ему я и обязан, в общем-то, созданием команды. Именно он привел ко мне молодых моих друзей.

Совершенно неожиданно для меня в самый последний момент к нам присоединились еще двое. Толя Вязовцев и Валера Краев (Крайф, Краев он по паспорту). Толя специалист по фольклору и народной медицине, учил нас правильно питаться.

Лева Альперович, альпинист и фотограф-профессионал, проводил фотосъемку нашей эпопеи. Но и не только. Вместе со всеми таскал грузы, переносил меня, крепил веревку, в общем, работал со всеми наравне.

Каждый день я выползал из бочки на тренировку. Мы ждали погоды. Но просвета не было никакого. Мы тренировались и выжидали.

Наконец, чуть-чуть прояснилось.

Мы вышли на маршрут. Погода дала нам один день. Всего один день мы шли вверх. Всего один день. Потом была двухдневная отсидка на 4300.

И - трудное решение, верное решение. Сидеть нечего. Погоды не будет.

Вниз меня ребята спускали на сайках. Специально отработанной техникой. Заранее отработанной.

Мы снова сидели в бочке. Я чувствовал себя виноватым перед ребятами, особенно перед Толей и Валерой. Мне казалось, что они присоединились к нам, чтобы залезть на Эльбрус.

Но на прощание Толя расцелован меня, сказал, что был счастлив помочь мне, счастлив участвовать в таком интересном предприятии, что он готов и в дальнейшем сотрудничать с нами.

Как, как такое я смог бы понять и принять в дотравменной моей жизни? Таких отношений между людьми я или не замечал, или не допускал. Как все же счастливо бывает встретить людей, готовых помочь в самых, казалось бы, безрассудных начинаниях.

В замороженной бочке решили мы - ничего страшного, учтем ошибки все свои, продолжаем подготовку к восхождению. К поползновению.

Мы не давали клятв или зарок. Человек предполагает, а Бог располагает.

Мы - продолжали работу.

Лето, Памир, поляна Москвина. До снега - далеко. Как тренироваться?

Оказывается, по горным тропам можно ходить и спинальнику. Именно этим летом я впервые попробовал ходить по тропе. Ходить на руках, ноги сзади "носил" кто-нибудь из друзей. Получалось. Несколько тренировок мы посвятили этому веселому занятию.

До снега далеко. Ребята придумали, - взяли в лагере "Навруз" носилки, погрузили меня на них, привязали и понесли на ледник.

Женя Захаров разведет дорогу. А получился анекдот. То, что Женька пробежал махом, то, что казалось ему близким с пустыми руками, оказалось долгим, трудным, двухчасовым путем с несколькими остановками-перекурами.

Меня несли.

Что я пережил - трудно описать. Как трудно ребятам - я видел вблизи, напрягались руки, спины, сжимались зубы. Это было какое-то дикое напряжение сил.

Мне казалось - сейчас рука сорвется, носилки вывернутся, я улечу влево, по склону, по камням, привязанный к носилкам, я ничего не смогу сделать, просто буду биться о камни. Лучше вправо улечь, -думал я, - там хоть речка, все чуть помягче.

За два часа ребята дотащили меня до льда.

И мы начали тренировку. Я ползал по льду на жумаре, веревку крепили на ледобурах.

Потом посидели, отдохнули - и в обратный путь.

Обратный путь лежал - в гору, вверх, обратный путь был гораздо труднее. Но я уже не боялся. Я знал - ребята все сделают, как надо.

Уже под вечер добрались мы до лагеря, меня отвязали от носилок, занесли в мой войлочный домик, "домик пастуха".

Когда я осознал всю тяжесть работы, совершенной моей командой, когда они сами признавались в том, как им было тяжело, - мне стало непереносимо стыдно. Надо же, какие мучение я приношу им своими задумками. И главное - ради чего? Ради своего глупого тщеславия, стремления быть человеком, а не инвалидом?

Но я - опять ошибался. Счастливо ошибался.

Ребята, вся моя команда, были довольны работой не меньше меня, были довольны тем, что дело - движется.

Это был миг радости, командной радости, если можно так выразиться. Команда срасталась в единый организм, могучий организм. Думающий по-разному, но объединенный единым делом, и радость у нас была - общая.

И руки горели, и лица горели. Мы были вместе!

Если до травмы меня спрашивали - счастлив ли я, я отвечал отрицательно. У меня то не сделано, это не сделано.

А здесь главная цель маячила впереди, и все же мы были счастливы тем, что вместе делаем.

Спинальник не должен жить среди себе подобных.

Спинальник должен жить среди двуногих, жить их интересами.

Меня все двадцать пять лет, прошедших после травмы, окружали обычные ребята. Я старался всегда быть среди них - равным среди равных. У меня это получалось и получается. Но часто происходит перебор. Приходится напоминать, что я - инвалид. Приходится втолковывать моим друзьям, что не могу я ногу засунуть в штанину комбинезона самостоятельно. Ну не лезет нога, не гнется, не слушается, надо запихивать ее, применяя некоторое усилие.

Два помощника необходимы мне, чтобы уместиться в тяжелый зимний комбинезон. А Коля все никак не понимал - почему же я не могу ногой шевельнуть, просунуть, тупо ждал, когда я "наконец перестану над людьми издеваться и по-человечески заберусь в комбинезон".

Спинальников на Земле - миллионы, двуногих - миллиарды. Математически существует возможность окружить каждого инвалида здоровыми людьми. Это позволит психически и психологически жить нормальной жизнью. Физиологически равными нам все равно не стать, но ведь духовная жизнь гораздо важнее физической! Дело у всех у нас должно быть одно, общее.

Как у нашей команды - общее дело. Не то важно, что я заползу. Важно то, что я ползу. Это - наш стержень, это то, чем мы жили. Так же, как переживали мы все дела личные каждого члена команды.

Конечно, мне дико повезло в жизни. Повезло с друзьями. Повезло во всем. Но главное - не в этом. Жизнь научила меня принимать с благодарностью все, как Бог дает.

Если бы не повезло, если бы сложилось все как-нибудь иначе, -я все равно бы говорил, что повезло.

* * *

5 октября 1991 года я праздновал юбилей травмы.

Праздновал!

Мои друзья-спинальники не понимали - почему? Тут плакать впору, траурный день. Я врал им, говорил, что вот, мол, самосвал меня хоть и искалечил, да не убил. Чем не праздник. Праздник, потому что - выжил.

Это они понимали и принимали.

Я врал. Потому что на самом деле праздновал день рождения своего, день пробуждения.

На юбилее я взял первый тост. Что можно было сказать в этот вечер? Я благодарил судьбу за все, что даровано было мне. За то, что вокруг сидели верные друзья, такие разные и несхожие, но каждый имел со мной что-то общее. Лыжник Юра Яковлев, тот самый Юра, с которым мы когда-то бежали Ленинград-Москва. Бывшая аспирантка моя Оксана Логинова, для нее я был и оставался ученым, не замечающим вокруг себя ничего, кроме формул и опытов. Была вся старая гвардия Вали Божукова (самого его не было тогда в Москве) Коленкин и Солодков, Вася Барсуков.

Была, конечно, вся моя команда.

Была Надя - как могло ее не быть? Вася как раз только что вернулся из Антарктиды. Получилось - с корабля на бал.

И я сказал своим друзьям:

- Ветхий Завет призывает любить ближних своих как самих себя. Это было мне понятно давно. Но Христос дал миру другую заповедь - возлюби ближнего своего больше себя, служи ближнему своему, чем можешь, помощь эта гораздо больше даст тебе, чем все сделанное самим для себя.

Мог ли я додуматься до такого до травмы? Да я и слов таких не знал - "ближний", "возлюбить", "Христос". Откуда взялось все это в бешеном карьере, стремившимся только к одному - быть первым, не замечавшим никого. Как все это произошло?

Пустыню можно обратить в цветущий сад. Для этого нужна ежедневная тяжелая работа - явная. Тысячи людей, под палящим солнцем таскающие воду, разгребающие песок, высаживающие первые кустики, - все это видно издали, явственно. Путник, проезжающий мимо на ослике, издали заметит дымы и отсветы тысячи костров, услышит блеянье и мычанье скота, приведенного с собой на мясо.

Даже малый участок пустыни требует - громадной работы, пока зацветет акация на прежде безжизненном месте.

А как же душа человека? Как оживить душу, закованную в броню, умерщвленную самолюбием и гордостью. Возможно ли это? Ведь работа такая - еще более тяжелая, огромная работа, - должна быть тайной, скрытой. Чтобы только один Путник на ослике видел все, что творится там, в глубине.

Кажется, такое и не под силу человеку - оживить самого себя.

Человеку-одиночке не под силу. Но человек не бывает один. С ним всегда Спутник его. Только очень часто человек отворачивается от своего Спутника, делает вид что не замечает Его, часто и в самом деле забывает. Но Спутник - продолжает дорогу и с забывшим. Спутник - всегда с нами, с каждым из нас.

Непосильное для одного - вдвоем, бывает, делается с легкостью.

Глава 9. ПРИОБЩЕНИЕ

Пророчества одной из моих тещ сбывались.

Потеряв зад, я был вынужден переключить всю энергию свою на работу внутреннюю.

Сорок лет я служил литью под давлением. Но не верю и не правдою. Наука не была делом жизни, наука вечно путалась на вторых ролях.

Можно ли такого человека назвать ученым?

В 1980 году Надя поступила в Университет, на факультет почвоведения. Знакомые, когда мы им рассказывали о нашем семейном достижении, переспрашивали: "На какой факультет? Почвоведения?"

Для них было естественно изучать пчел, но не почву. Чего ее изучать, она везде под ногами. В нее высаживают по весне укроп и сельдерей на грядках дачных участков.

Почва не кусается, как пчела. Почва обязана служить людям.

А люди - ничем не обязаны по отношению к ней.

Так считают многие. Так думал и я.

До встречи с Надей я не отличал вяза от тополя или липы. Все деревья в лесу для меня делились на два вида - "елки" и "другие". Зачем знать то, что не равно мне, что ниже меня. То, что служит мне. Служит - в солнечный день я могу прилечь на мягкую травку в тени могучих деревьев, отдохнуть, отдышаться. В хмурый декабрьский вечер в загородной баньке у Юры Грецкого греться накопленным ими теплом у раскрытой печки, слушать веселое потрескивание углей, а в парилке рычать от удовольствия под гнетом летающих в руках друзей березовых веников, запасенных, как и положено - на Троицу. Один-два веника Юра подкладывал мне под голову, чтобы легкие прочищались свежим березовым духом.

А Надя со школьной скамьи знает каждое деревцо, каждый кустик, каждую травинку. В лесу умеет находить потаенные ягодные уголья, грибы, знает повадки птиц и животных. Она научила меня многому, - и прежде всего тому, что нельзя свысока смотреть даже на самую маленькую былинку.

В нашем доме появились новые люди. Экологи - изучатели и хранители природы. Все они с детства на каждый цветок смотрели по-научному. Это не значит, что жесткие рамки некоей системы не давали им видения гармонии природы, вселенской красоты. Нет, они не были лишены восторженного мировосприятия. Но именно они - и есть настоящие люди науки. Многие слова поистерлись от безмерного, бездумного, крикливого употребления, но все же я бы рискнул сказать - они не задумываясь готовы были и жизнь положить на алтарь науки. Это совсем не означает, что настоящий ученый обязан быть фанатиком своего дела. Просто в жизни у них главное - работа, научная работа, без отпусков и выходных, и не какие-то там мировые открытия, а копание в земле, черновая работа, отнимающая всего тебя.

Со второго курса появилась у Нади научная тема - восстановление почвы после механического продавливания. После того, как толпа на земляном пятачке перетопчется.

Работа конкретная, нужная. Речь шла о восстановлении зон отдыха.

Конечно, я примкнул к Наде. Моя страстная любовь создавать всякие теории - могла насыщаться в новой для меня области.

Плодородный слой в Москве занимает пять сантиметров, а далее начинаются пески и глины - то, что называется подзол. Подзол никакого плодородия не имеет.

Я придумал эксперимент. В течение нескольких лет Надя наблюдала за небольшим участком под Москвой. Результат заставлял нас всех задуматься. Всех жителей и "хозяев" Москвы.

Восстановления не происходило. Там, где прошла толпа на митинг, - в прежнем виде расти ничего уже не будет. Слишком нежен и тонок плодородный слой, то, что смело можно называть кормящей нас матерью.

За свою работу мы не получали денег. Мы работали - за собственный интерес, мы работали - из сознания важности нашего дела.

Такой подход к науке - был нов для меня. Наука до травмы была для меня дойной коровой, которая, отнимая мало времени, давала достаточное количество денег. Достаточное - чтобы жить и тренироваться. Я и не знал, что кто-то может писать формулы абсолютно "бесплатно", подрабатывая на жизнь дворником, плотником, или как мои знакомые физики-доктора наук - альпинисты зарабатывали, выезжая летом на валку леса в Сибирь.

Кстати говоря, баня после травмы была строжайшим образом мне противопоказана. Баня полезна, необходима даже - людям здоровым. А мои бессильные, безжизненные ноги, - для них высокие температуры, влажность, дикое это самоистязание, - все было смертельно. Из-за бани и флегмона у меня случилась. Часто последствия банных действий надолго укладывали меня на больничную койку.

Но отказаться от бани я не мог. Говорят, мыться можно и под душем. Но в баню ходят - не мыться, а париться. В бане человек не просто смывает с поверхности тела грязь, в бане человек физически обновляется. Выходит из бани - розовый как младенец.

Тем более, - баня входит в тренировочный цикл. Никакой спортсмен не откажется после утомительной тренировки разложить мышцы на полке, расслабиться, чтобы руки и ноги стали эластичными и упругими.

А особый ритуал после парной - взвеситься, подсчитать - сколько сбросил! Каждый ревниво следит - сколько набрал или сбросил за неделю. И не менее ревниво - сколько пота "отработал" в парилке.

Взвешивали и меня - а как же! Кто-нибудь из друзей сначала замерял свой вес, потом брал меня на руки и взвешивался - со мной. Разность была - моя.

Интересно, что после травмы все двадцать пять лет я весил примерно одинаково - шестьдесят килограммов. До травмы было - 68 при росте 170. После травмы роста никакого не осталось. У спинальника нет роста. У спинальника может быть ширина плеч, красота и мощность шеи, но спинальник - вне обычных размеров. Вес спинальника - на руках друзей.

Я не мог отказаться от бани. Знал, чем грозит, видел последствия, но продолжал посещать с друзьями Сандуны, ездил на дачу к Юре Грецкому. Наверное, если бы я бросил эти дела, то в каком-то плане мое здоровье было бы сейчас получше. Зато в другом плане - похуже, это точно. Нашлись бы другие болячки, возникновению которых мешал обжигающий раз в неделю пар.

Нет худа без добра, но и добра - без худа.

Такой же проблемой стало чтение. Читать надо было, необходимо было. Но читать, записывать возникающие мысли, конспектировать выборные места - приходилось лежа. Чтение лежа - ухудшает зрение. К тому же лежать в одном и том же положении я все время не мог. Приходилось вертеться, крутиться, переворачиваться.

А уж сидение в скрюченной позе за пишущей машинкой - было вообще убийственно.

Читать - надо было. Записывать - надо было. По мере расширения интересов и кругозора гора необходимой для прочтения литературы увеличивалась.

Выручали дотравменные привычки. Я никогда не сидел за столом более сорока пяти минут подряд. После каждой сорокапятиминутки - устраивал себе пятнадцатиминутную тренировку. Приседал, делал наклоны в разные стороны. Хотя смешно это смотрелось в читальном зале института, но правилу этому я не изменял никогда и нигде.

После сорокапятиминутного чтения я делал и делаю перерыв. Отжимаюсь на руках, вращаю ими в разные стороны, кулаками, кистями, головой. Есть прекрасное китайское упражнение - вращение глазами. Зрение сохраняет. Правда, Надя говорит, что со стороны смотреть на это - умереть со смеху.

Но все это помогало и помогает.

Я начинал с философии. Уж и не вспомню - почему, видимо, жизнь ставила такие вопросы, ответы на которые принято искать в этой области человеческих знаний.

Я вникал, рылся в философских трактатах, копался в словарях, делал, как всегда, выписки, что-то запоминал наизусть. Начав с древних, добрался до Канта. И тут произошел обрыв.

Конечно, в своих исканиях (есть такое модное словцо - "искания", зато понятно каждому, что прячется за ним) я не замыкался на одной философии.

Восстанавливал перед собой картину развития литературы, прежде всего - родной, русской. Открывал для себя Толстого и Достоевского, Лескова и Гоголя, Замятина,

Ремезова, Булгакова, открывал для себя прекрасных поэтов серебряной поры русской поэзии. И не только Мандельштама, Ахматову, Пастернака, Гумилева, - вдруг нашел для себя Маяковского. Не того "агитатора-горлапана", а другого, легко ранимого, талантливого, стремящегося спрятать все это под панцирь обыденности и хамства. Маяковский не стремился быть великим поэтом, культ Маяковского создан с подачи Сталина. А человек он был скорее несчастный, нежели плохой, безусловно - талантливый.

И, конечно, в моей жизни не мог не появиться милый светлый Есенин. Сколько света вдруг открылось в стихах его! Сколько музыки! Не скажешь, что березки, поля, стога сена у Есенина в стихах. Нет, гораздо более. Эти березки, эта даль, Русь, лежащая необозримо, - это и есть стихи Есенина. Стихи его - это все то, чем жил он, чем жив каждый русский человек. Оттого так нам милы особенно на чужбине, особенно находясь в разлуке с Отчизной строки этого самого русского из всех поэтов.

Мог ли я пропустить все это мимо?

Мог ли я прожить двадцать пять лет инвалидом без всего этого? Литература всегда неразделимо связана с историей. "Борис Годунов" Пушкина открыл полное мое незнание родной истории. Заставил взяться за Карамзина, Соловьева, Ключевского. Но на этом вся история словно обрывалась. Среди советских историков я не находил достойных продолжателей. Как возможно изучать историю родной страны на рубеже 19-20 веков, если все, что можно найти в книгах и учебниках, является подкрашенной ложью. История 20 века - вся.

"Советская история непредсказуема".

Я искал со всем тщанием среди советских учебников произведения, равные по силе и таланту трудам Ключевского. Среди официально разрешенных - не нашел и бледной тени.

Друзья приносили на день-два, иногда - на ночь лишь, маленькие книжечки издательства "Посев". В те годы за хранение, распространение и чтение такого рода литературы давали срока. Но что мне, я уже отсидел к тому времени десять лет, отсидел на инвалидной коляске. Чем меня могли еще удивить?

Тюрьмы я не боялся. Да если бы и боялся, - интерес, вызываемый этими книгами, пересилил бы любой страх. Солженицын познакомил меня с Лениным. О злодеяниях Сталина писал Антонов-Овсеенко. О Троцком писали Стив Коэн и сам Лев Давыдович. Еще на рубеже веков Лев Толстой задавался вопросом "о роли личности в истории". Двадцатый век, век небывалых войн, век кровавых революций, доставил столько примеров взаимодействия личности и общества, что впору уже и отвечать на вопрос яснополянского бунтаря. Впору уже выводить закономерности, строить цельные теории. Которые потом, как всегда, будут опровергнуты жизнью.

Как и многие, я воспринимал историю как служанку людей, мне казалось - устремление народов и воли личностей могут поворачивать колесо исторического развития в любую сторону.

Я придумал бесхитростную схему "рокового треугольника". В вершинах его находятся Ленин, Сталин и Троцкий. Стороны - как бы их взаимоотношения, связи. Роковым он стал для России.

На судьбу страны влияла совместная воля всей этой троицы, нет, скорее - антитроицы. Эта воля - не просто объединение стремлений каждого. Сложнейшим образом переплетались, наслаивались - зависть, злоба, ненависть одного к другому, в общем, то, что я определял как сторону треугольника.

Не выкинешь ни одного угла. Выпади угол - Троцкий, и незачем Ленину противодействовать ему и выделять большевистскую партию. Не создай Ленин партии диктаторов и карателей - не смог бы Сталин совершить свои злодеяния, воплощая в жизнь главную установку, главный и любимый закон Ленина - все нравственно и допустимо, если идет на пользу революции. Не будь рядом со Сталиным Троцкого, образованности которого Иосиф Виссарионович завидовал до животного бешенства, возможно, не столь жестоко расправлялся бы с русской деревней, не ломали бы хребет русскому крестьянству.

Ленин и Сталин - победители, Троцкий - побежденный. Но это только на первый взгляд. Приходишь в ужас, когда приходится слышать сообщения о зверствах молодых троцкистов в Латинской Америке. Приходишь в ужас, узнавая статистику, - "столько-то процентов молодых людей на Западе увлекаются идеями Троцкого". Но если столько увлекаются* где гарантия, что вся история не повторится?

Кто более опасен - убийца или духовный развратитель, скрывающийся под маской образованного и добропорядочного свободолюбца?

Весной семнадцатого года Троцкий посещал театры. На сцене шло действие, пел великий Шаляпин, а Лев Давыдович вскакивал с места и начинал обличать, кричать, призывать. Пронзительные вопли заглушали и оркестр, и Федора Ивановича. А публика спешила одарить аплодисментами не певца, а балаганного завывалу.

Папка с заголовком "Роковой треугольник" все пополнялась и пополнялась новыми выписками и мыслями, фактами. Я не собирался опубликовывать наработанный материал, хотя тогда это делалось достаточно просто. На Западе печатали практически все, что шло вразрез с советской идеологией. Многие на этой волне вылезли, стали "известными писателями" и так далее. Однако, когда у нас стало можно говорить о чем угодно, когда появилась возможность вернуться на покинутую родину - они не просто не спешат, они не хотят возвращаться.

Ни им родина не нужна, ни они - Родине.

Сам я понимал - ну какой из меня философ, историк. Все, что делаю - делаю для себя, чтобы самому понять и разобраться.

Увеличивалась на глазах и папка с коротким заголовком "Отечественная война". Тема эта встала передо мной прежде всего из-за того, что многое из той войны я помнил. В тридцать девятом мне было всего десять лет, но как-то в голове осталось, когда потребовалось - вспомнилось, что был период, когда с немцами мы были не просто союзниками - друзьями! То, что отложилось в памяти ребенка, пока не требовалось - как бы и не существовало. Но как только я приступил к изучению этой самой разорительной и для русских, и для немцев войны - вдруг все всплыло само собой.

Фотографии в газетах. Гитлер и Молотов. Сталин и Риббентроп. Вчитываясь в историю возникновения войны, я не мог согласиться с теми, кто утверждал, что Сталин не верил донесениям разведки, не верил, что война начнется уже в июне. Сталин был великий артист. Он знал о войне лучше всех, ибо сам придумал ее.

Сталин играл с Гитлером в "кошки-мышки". Кто кого перехитрит. Сталин перехитрил, оттяпав в результате пол-Европы, истратив на пушечное мясо шестьдесят миллионов, в десять раз больше, чем Гитлер.

Сталин не мог "освободить" Европу, начав сам войну от границ СССР. Цивилизованный мир не допустил бы этого. Встал бы поперек дороги. А получилось хитро - вместо этого цивилизованный мир помогал, кормил американской тушенкой, снабжал оружием. А главное - морально оправдывал.

А мирового общественного мнения Сталин, в общем-то, боялся. Не так панически, как Брежнев, но все же. Странно, конечно, но все наши вожди почему-то боялись этого самого "общественного мнения", прятали все свои преступления, пытались пускать пыль в глаза Европе и Америке.

Оставался безумный выход - завлечь Гитлера на собственную территорию, допустить до стен Москвы.

Возможно, все было и не так. Но все же не верится мне, что Сталин так доверился Гитлеру. Верил в то, что войны не будет. Ведь в это мог верить только полный дурак, доверчивый простофиля. А полный дурак не смог бы целую страну скрутить, опутать колючей проволокой, поставить на колени. И доверчивым Сталин не был. Наоборот, по свидетельствам всех - он не доверял никому.

В феврале 1947 года Сталин в письме к полковнику Разину рассказывает о разных способах ведения войны. О контрнаступлении из глубины, применявшемся еще древними воинами. Как парфяне завлекли римлян, как Кутузов завлек Наполеона.

Сталин оправдывался за первые дни войны, за позорные отступления? Перед кем? Зачем? Во славе, в ореоле народной любви и почитания, только-только надев мундир генералиссимуса, мундир "победителя фашизма", "освободителя Европы"?

Возможно, тайна войны жгла Сталина еще с тридцать девятого года.

Все знают о том, что перед началом войны армия была нарочно ослаблена, обескровлена по приказам Сталина. Все знают, что даже пограничникам не дали, запретили привести себя в боевую готовность, когда немецкие танки уже скапливались в прямой видимости наших застав.

В первые месяцы войны генералов расстреливали пачками. Но почему-то вместе с теми, кто не смог удержать фронт, кто не смог остановить немцев (а попробуй их - останови), были расстреляны Павлов, Климовских, Трубецкой. Видимо, они наоборот - слишком хорошо оборонялись.

Почему же Сталин был так уверен в том, что сможет после такого отступления победить? А знал, каналья, с каким народом дело имеет, знал, каким народом управляет. Знал, что обладает гораздо большей властью над нами, чем Гитлер - над своими. Гитлер для немцев был фюрером, вождем. Сталин для многих советских людей стал - богом. Гитлера слушались, но при этом чтит традиции, родителей, предков.

Сталин заменил многим и отцов, и матерей, и прошлое, и будущее. Гитлеру принадлежали сердца. Сталин пытался наложить лапу и на сердца, и на души, и на тела покоренного им народа. Конечно, до истины теперь так просто не докопаться. Но неожиданно для меня открылся путь иной, путь - не изучения истории, а познания ее.

Начав читать Бердяева, я просто опешил от мысли, что революция - величайшее бедствие и зло - есть заслуженное возмездие. Революция - зло, вызванное злом нации. Революция - "малый апокалипсис" нации.

Но кто же карает? Кто вправе судить целый народы? Я оборвал свое изучение философии на Канте. Ибо признал его труды - вершиной философской мысли. "Я понял, что должен ограничить свои познания догмой". Я понял, что есть что-то очень важное, от чего философия, история, литература - все вторично.

Формула, механически заученная в институте, формула "бытие определяет сознание" - теряла смысл.

Я вступал, словно в дикий нехоженный лес, туда, куда ни разу еще не входил. О котором лишь отдаленное представление имел.

Меня вдохновляло то, что из шести миллиардов землян - пять верующие. Меня вдохновляло то, что мои любимые писатели и поэты творили с именем Бога на устах.

Путь мой к вере был сложным, долгим, трудным. Я понимал уже, что есть Тот, Кто управляет миром. Но - столько разных религий и сект существует на Земле, что искать Его надо было долго. Отказаться от атеизма легко, атеизма чистого и не бывает на свете. Просто каждый верит в то, что считает своим. В то, что близко ему по духу, знакомо, естественно.

Кто Ты? - вопрошали древние иудеи. И не находили ответа, пребывая во тьме. Если они не знали - то как мог я сразу узнать имя Бога моего? Кто-то должен был мне открыть тайну эту, тайну Божественного имени.

Я родился в России. Я живу в России. Мой родной язык - русский. Мог ли я искать Веру в кришнаизме или исламе? Христианский путь мой предопределен предками.

Я высоко ценю Льва Толстого, но только лишь как писателя. По несколько раз перечитывал его романы и повести, рассказы и сказки, но религиозные искания властителя гимназических дум мне чужды. Нет Веры вне Церкви. В душе одного человека истина теряется. Часто ложное искушение заменяет слово истины. А человек уже бежит вперед,

радостно призывая всех последовать за ним в этом искушении. И Толстой совершенно справедливо добился отлучения.

Откол Толстого был восторженно встречен молодыми марксистами. Не вдаваясь в суть исканий Толстого, Ленин сразу подхватил главный стержень совершаемого писателем. А в этом стержне было - своеволие и непокорство. Форма исканий импонировала будущему палачу и воспитателю палача. За это Толстой был награжден званием "зеркала русской революции", что позволило избежать его трудам забвения и замалчивания в большевистские времена. Как был замолчан Достоевский, как был просто-напросто вычеркнут Лесков, о котором советский человек знает только одно, - что он автор "Блохи", и все!

Нельзя, невозможно двигаться в духовном своем развитии, не приняв Святого Крещения, минуя Церковь, не исполняя обряды, не участвуя в Таинствах.

Я принимал Крещение шестидесятилетним, в маленькой церковке, находящейся в километре всего от моего дома, на той же Фестивальной улице, где живу я вот уже четверть века.

Я приехал в храм на рычажной коляске, меня сопровождали Надя и Саня Пономоренко, выбранный мною в крестные отцы. Саня внес меня, посадил на лавку у стены.

Священник подкатил купель вплотную к лавке.

Вокруг аналоя Саня обнес меня на руках.

Если бы рядом с моим домом стоял бы не православный храм, а костел или кирха - я стал бы католиком или протестантом.

Но я родился здесь, в России, здесь и умру. Потому я православный. Но с большой симпатией отношусь ко всем христианам мира.

Мне нравятся обряды не только православные. Меня восхищает архитектура католических церквей, органное звучание мессы.

В Сиэтле я заехал на коляске в протестантский собор, по нашим понятиям более напоминающий каменный сарай. Но сам протестантизм, с его выборностью пасторов, прямотой молитв, проповедью труда и борьбы на благо семьи, народа - я понимаю.

Я понимаю всех христиан, для меня все они - братья.

Потому никогда не мучил себя вопросом - что правильнее, католичество или православие? Бог Принимает молитвы и служения всех, и не точность обрядов иногда важнее, а смирение и стойкость в служении.

На красном кирпиче глухой задней стены нашей церковки выложен белым огромный шестиконечный крест. Почему? Да потому, что в отличие от советской истории, церковь свято хранит все происходившее с ней и в ней. Что было - то было.

Экуменизм можно приравнять и к беспринципности. Мои молодые двадцатилетние друзья-альпинисты принципиальны. Пасха и Рождество наступают для них по юлианскому календарю.

В нашей маленькой квартирке на Фестивальной двадцать четвертого декабря, в сочельник, под вечер накрыт стол. Надя и Оля хозяйничают - жарят в духовке традиционного карпа. До полуночи - красное вино, русский винегрет. Мясо и водка - после двенадцати. Гости - только несколько хороших друзей. Самых дорогих, самых близких сердцу - нет. Для них сочельник наступит шестого января.

Путаница в календарях вдохновляет атеистов. Если Рождество празднуется в разные дни - значит его на самом деле и не было. Им не понять, что Христос находится вне нашего земного мира, вне привычных нам пространства и времени. "До всех веков" рожден Он. Вне времени. В Царстве Небесном нет ни секунд, ни веков.

И еще я знаю, что Рождество в Сан-Франциско приходит на четыре часа позже, чем в Нью-Йорк.

Просто событие это - в душе человека. И он собирается и празднует его с теми, кто близок ему, кто живет рядом с ним.

В Москве уже несколько лет трудно достать гуся, в магазины эту живность (хотя и не живность вовсе, в мороженом виде) завозят редко.

Надя покупала большую курицу, запекала, набив капустой и яблоками. Я приделывал голову и лапки из бумаги. Красный клюв, красные лапки. Друзья зачастую обманывались, попадались на нашу уловку.

Рождество - почему-то на Западе именно этот праздник наиболее почитаем. Воскресение Христово - празднуется уже совершенно не так пышно. Мне кажется, у протестантов вообще нет понимания Воскресения. Они слишком рационалистичны, чтобы прочувствовать Свет Страдания.

Сам я еще очень и очень далек от приятия Воскресения. Мы с Надей стараемся соблюдать посты, особенно - Великий Пост, но радости и света в пощении - я пока не нахожу. Я понимаю необходимость самоограничения, я готов приносить и свою малую жертву, небольшую жертву Христу, но - понимания нет, нет чувства единения.

Надеюсь, что путь мой еще продолжится, путь познания. И мне дано будет постигнуть то, что сейчас - за семью печатями.

Цепочка очень проста. Я мог бы перевернуть вверх дном все библиотеки мира, прочитать, изучить, но мне бы ничего не прибавилось. Я не имел никого, кто был бы мне ближним. А тот, кто не имеет, - ничего и не обретет. Не добавится.

Если бы у меня не было Нади, я не смог бы почти ничего понять истинного. Без Нади - я бы не выжил.

Наверное, я не совсем правильно твердил все время, что травма сделала меня человеком. Гораздо более семья моя, Надя моя - сделала меня человеком. Но не было бы травмы - я прошел бы мимо Нади, я и не подумал бы искать свою судьбу в новой семье.

Травма дала мне Надю. Надя дала мне семью.

Семья дала мне Бога.

Бог дал мне все, что имею, все, чего не имею, то, о чем даже и не подозреваю.

Вот в этом и заключается счастье.

И еще. Я знаю, что все еще будет.

Придет весна, отшумит, прорастет - и мы снова уедем в горы. Я знаю, завтра будет еще один день, и я буду читать, записывать в свои папки, потом соберутся друзья, вечер напролет мы будем разговаривать, петь - дарить друг друга радостью общения.

Будет еще много нового. Десять лет назад в Америке родился новый вид спорта - марафоны инвалидов на колясках. Коляски - специальные, не для сидения, не для простого катания - для достижения высоких результатов. Ни спинок, ни подлокотников, ни рычагов. Поза соревнующихся вызывала и вызывает во мне ужас. Колени подтянуты к подбородку. Плечи опущены. Спинальники тренируются на таких колясках, скрючившись, по несколько часов в день.

Не так давно Лев Индолев, организатор инвалидного спорта у нас в стране, пригласил меня участвовать в проводимых им гонках на дистанции в восемь километров.

В предварительных заездах я показал лучшее время. Но - бодливой корове Бог рог не дает. Перед главным стартом у меня отломался от коляски рычаг. Но зато родилась уверенность в том, что совершенно не обязательно ходить марафонские дистанции в скрюченной позе.

Я буду соревноваться на обычной рычажной коляске. Если смогу еще соревноваться. Я мечтаю сконструировать и сделать такую "рычажку", на которой пройду марафон если не за один час пятьдесят минут, то хотя бы за три часа.

Я буду сидеть на ней прямо, работать рычагами, привставать, упираясь в подлокотники, на спусках. В тазу моем не будет застоя. Не лопнет кожа на седалищных буграх.

Мечта есть мечта. Я никогда не пробовал скоростные рывки на коляске. Ну что ж, значит, надо заняться. Надо разобраться и в этом деле.

Я верю - пока я жив, интереса к жизни не потеряю. И времени на все хватит. А то, на что не хватит, - и не нужно, значит, хватит и того, на что времени хватит.

Возможно, я когда-нибудь продолжу эти записки. Но мемуары всегда лживы. Ибо пишутся разумом.

Правда исходит из сердца. Правда - только в исповеди.

Но слишком уж смело было бы называть все это исповедью. Даже перед Богом мы еще не научились быть искренними.

Но я попытался. Попытался быть искренним. Возможно, попытка оказалась неудачной, не все, рассказанное мной, является чистой правдой. Но перед собой я был честен, описывая события, свидетелем которых "Господь меня поставил".

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Адик начал работу над этой книгой в сентябре 1991 года, сразу же по завершении экспедиции, работавшей на поляне Москвина.

Только тогда, этой последней осенью, он начал работу над книгой. Хотя еще за двадцать лет до этого друзья уговаривали, советовали, просили - создать книгу. Книгу о жизни, о друзьях, о людях, с которыми сводила его судьба.

Но тогда многое еще было впереди. И он предпочел жить и свершать, а не пускаться в воспоминания, как будто жизнь уже прожита.

Осенью девяносто первого состояние здоровья резко ухудшилось, Открытый крестец, торчащие из огромной раны наружу кости не давали возможности долго сидеть, тренироваться на коляске. Разгулявшийся остеомиелит активно разрушал костную ткань. Всю осень и зиму температура держалась выше тридцати восьми, шли воспалительные процессы.

В конце октября поехали на консультацию. Опытный хирург предлагал немедленно лечь на операцию. Адик пытался объяснить врачам, что к весне он должен быть уже в строю, летом предстоит новая попытка штурма Эльбруса. Но в ответ услышал то, что много раз уже приходилось в жизни слышать: "Да у вас с головой не все в порядке. Вам надо к психиатру".

Ответил так же, как и отвечал уже много раз.

От операции отказался, боясь не успеть к весне восстановиться.

Уже и антибиотики никакие не спасали, но Адик твердил нам:

- Надо готовиться, надо тренироваться. Что бы ни случилось, летом мы едем на Эльбрус.

И продолжал работу над книгой.

Адик стремился к тому, чтобы книга вышла отнюдь не мемуарная, но - как учебное пособие для спинальников, для всех инвалидов, в котором его жизнь рассматривается всего лишь как пример. И это учебное пособие должно быть читабельным, веселым. Поэтому не всему в этой книге можно верить. Сомнительные места сознательно не обозначены какими-либо сносками, ибо слишком заметно выделены авторским юмором.

Двадцать шестого января 1992 года мы выехали в Нальчик. Во главе с Адиком.

Врачи потом назовут эту поездку - преступлением. Мы будем казниться и переживать - полумертвого друга тащить на Кавказ, в Приэльбрусье, когда он четыре месяца до этого не мог из дому выйти, какие уж там поездки!

Приехали, как всегда, на базу Московского университета. И были поражены известием, - за два часа до нашего приезда погиб Нурис Урумбаев. Погиб наш друг, погиб прекраснейший человек. Трагическая случайность, - в том январе терскольские склоны стояли почти голые, без снега почти, лавина, унесшая жизни Нуриса и его гостя, была совсем маленькой.

Видимо, для Адика это стадо предзнаменованием.

На станции "Мир", в подземной хижине, прожили мы несколько дней. Адик пробовал ползать. Но сил уже не было никаких. После прохождения одной-двух веревок он в полном изнеможении останавливался, подолгу лежал на снегу.

Мы выносили его, просто сажали на снег, на край спусковой трассы. Адик сидел, смотрел на разноцветных горнолыжников, летящих над снегами, которым даже плохая погода не могла помешать. Когда облачность проходила, приподымалась, видны были обе вершины седого Эльбруса, оба клыка красавицы Ушбы, которую штурмовала когда-то команда Ерохина.

Это было прощание.

Прощание с родиной.

По приезду Адик оказался в реанимации. Врачи ничего не могли сделать, только капельницу приставляли. Он продолжал бороться.

Надя была рядом. Искала врачей, лекарства, звонила знакомым, побуждала всех к действию.

Мы старались как можно чаще бывать у него. О чем велись разговоры? Да все о том же. Об Эльбрусе. Адик все сокрушался, что вот свалился и подставил под удар всю нашу летнюю поездку. Но зато серьезно рассчитывал на следующее лето.

Это не было самообманом, бредом сумасшедшего, лежащего под капельницей, распухшего, еле живого. Это было утешение нам - его друзьям. Этими разговорами он поддерживал тех, кто любил его, кому до слез больно было следить за его страданиями.

Но и не только. Жизнь научила его, что падения сменяются взлетами, и надо быть готовым. А то начнется улучшение, появится возможность ползать, ездить, работать - а он уже сдался, приготовился умирать.

Мы говорили о книге. Адик все ждал, когда же его переведут из реанимационной в обычную палату, в которой возможно будет завести свои, а не врачебные, порядки и продолжать работу над текстом.

И действительно, дела вроде бы пошли на поправку.

Бесчувственность нижней половины туловища оказалась спасительной. Все ужасные боли, сопутствующие погружению в рак, гасились, оставались "внизу". Рак незаметно делал свое дело. Незаметно даже для врачей.

Но работа над книгой продолжалась. Книга уже существовала - во множестве разрозненных кусочков, фрагментов, рассказов. Все это соединялось в папку с заголовком "Я - спинальник", которая хранилась в тумбочке больного Белопухова.

Смерть его была неожиданна и легка. Просто заснул под вечер. Заснул навсегда. Тихо отошел к жизни иной, к Свету Божественному.

Надя звонила вечером, устало повторяла тихо одну фразу, не одну сотню раз: "Пух умер", - а после этого добавляла: "Он не велел плакать и грустить".

Отпевали в маленькой полуразрушенной церковке Знамения Божией Матери, что в Грачевском парке. Народу набилось - полный храм, негде яблоку упасть. Староста прихода все удивлялась, - известного, видать, человека хоронят? Да нет, какой там известный. Просто - хороший человек, просто - много друзей Бог в жизни послал. Оттого еле-еле вмещал всех нас храм.

Двинулись от церкви - несколько автобусов, впереди милицейская машина. Выехали из Москвы, за Окружную. Свернули на неширокую асфальтовую дорожку, вьющуюся по холмам да оврагам. И пошло - подъем-спуск, подъем-спуск. Той самой трассой, которой мчал первым солнечным осенним днем шестьдесят шестого года Адик. В том самом месте, где сбил его самосвал, постояли минут десять, заглушив моторы.

Потом - Митинское кладбище.

Потом - поминки. Записать бы все воспоминания и рассказы об Адике, звучавшие за столом, - еще бы на одну книгу хватило бы. Да не до того было, руки стаканами заняты.

Вот, пожалуй, и все.

Только не хочется расставаться - даже ненадолго - с нашим знаменем. Поэтому мы так и останемся -

КОМАНДА БЕЛОПУХОВА.